

801-15
1635

СОВРЕМЕННАЯ

ТЕОРІЯ ФИНАНСОВЪ

и

ВЛІЯНІЕ ЕЯ НА ФИНАНСОВУЮ АДМИНИСТРАЦІЮ

ВЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

І. ШИЛЛЯ,

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИСТОРИИ И СТАТИСТИКИ РОССИИ ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ АЛЕКСАНДРОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Января 14-го дня 1860 года.

Исправляющій должность цензора *С. Загбенинъ*.

51271-0

2014141714

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ

ТУРГЕНЕВУ,

АВТОРУ «ТЕОРІИ НАЛОГОВЪ» (1816, 1819)

И ПРОЧ. И ПРОЧ.

въ знакъ глубокаго уваженія

ПОСВЯЩАЕТЪ

А В Т О Р Ъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемое мною разсужденіе : «Современная Теорія Финансовъ» и проч. составляетъ какъ-бы вступленіе или введеніе въ дальнѣйшіе труды мои по части финансовой науки, которые, какъ я надѣюсь, не замедлятъ, одно за другимъ, явиться на судъ людей свѣдущихъ и способныхъ указать мнѣ какъ на хорошія, если таковыя окажутся, такъ и на слабыя стороны моихъ трудовъ. Въ настоящемъ разсужденіи изложена большая часть основныхъ возрѣній моихъ на финансовую администрацію и представлены начала, которыя я намѣренъ развить въ дальнѣйшихъ трудахъ моихъ по этому предмету. Оно написано мною въ концѣ 1858 года и предназначалось для одного изъ нашихъ журналовъ, чѣмъ и объясняется какъ тонъ и характеръ этого разсужденія, такъ и многое другое въ немъ, а въ томъ числѣ и нѣкоторыя, уже оправданныя недавними событіями, предсказанія мои, какъ напримѣръ, успѣхъ политико-экономическихъ ученій въ

примѣненіи къ торговому законодательству Франціи, и проч.

Издавая это разсужденіе въ текущемъ 1860 году, и притомъ отдѣльною книгой, мнѣ бы слѣдовало, конечно, многое передѣлать въ немъ; но, къ сожалѣнію, я этого сдѣлать не могу — по весьма уважительной причинѣ.... Надѣюсь, что читатели, при оцѣнкѣ моего труда, примутъ въ соображеніе и это обстоятельство.

Надѣюсь также, что нѣкоторые изъ нашихъ извѣстныхъ публицистовъ и ученыхъ по части политическихъ наукъ удостоятъ разсужденіе мое критическаго разбора. Не безъ нетерпѣнія жду возможно-строгаго и правдиваго суда ихъ, котораго вполне заслуживаетъ важность предмета, какъ бы незначителенъ ни былъ трудъ мой.

I. Шилль.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРІЯ ФИНАНСОВЪ

и

ВЛІЯНІЕ ЕЯ НА ФИНАНСОВУЮ АДМИНИСТРАЦІЮ

ВЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Le moment est enfin venu de demander
où l'on veut aller.

S. DE SISMONDI.

Худой тотъ сборъ, аще кто казну царю
собираетъ, а людей разоряетъ.

Посошковъ.

I.

Странное и, для многихъ, непонятное зрѣлище представляетъ собой, въ политическомъ, социальномъ и другихъ отношеніяхъ, современная намъ Западная Европа. Почти на каждомъ явленіи и проявленіи ея жизни лежитъ печать чего-то аномальнаго, судорожнаго, революціоннаго. Никогда правительства вообще, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, не были такъ внимательны къ интересамъ и благосостоянію своихъ подданныхъ, никогда не сознавали они лучше нынѣшняго всѣ права и обязанности свои; но не смотря на это, только крайне-немногія изъ нихъ пользуются надлежащимъ довѣріемъ своихъ подданныхъ; а такое довѣріе, какъ всѣмъ извѣстно, со-

ставляетъ одно изъ важнѣйшихъ и непремѣнныхъ условий прочнаго государственнаго порядка. Никогда также общественное благосостояніе не достигало, во многихъ государствахъ, той степени развитія, на которой находится оно нынѣ; нельзя не радоваться при мысли о богатствѣ, какъ нравственномъ, такъ и матеріальномъ, нынѣшнихъ поколѣній; но въ то-же время, и въ счастливѣйшихъ въ этомъ отношеніи странахъ, большинство народонаселенія менѣе, нежели когда либо прежде, довольно своей участью, и повсюду раздаются громкія жалобы на существующій порядокъ вещей. Съ этимъ вмѣстѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развивается и стремленіе — измѣнить, по возможности, если не всё, то многія изъ условий настоящаго строя государствъ и обществъ, и замѣнить ихъ другими. Стремленіе это тѣмъ знаменательнѣе, что нельзя считать его явленіемъ случайнымъ, капризомъ или модой: въ основаніи его лежатъ многія дѣйствительныя и тяжкія страданія, постоянный удѣлъ большинства народонаселенія въ этихъ государствахъ. По всему этому едва-ли которое-либо изъ европейскихъ государствъ можетъ основательно рассчитывать на прочный и продолжительный какъ внѣшній, такъ и внутренній миръ. Для большинства ихъ вѣроятность внѣшняго мира даже значительно превышаетъ вѣроятность внутренняго.

Чѣмъ объяснить подобное явленіе? Тѣмъ ли, что мы живемъ въ революціонное, нравственно-болѣзненное время, что, благодаря дурному вліянію ложныхъ теорій, значительная часть человѣчества заражена революціоннымъ духомъ, какъ думаютъ нѣкоторые; или тѣмъ, какъ думаютъ другіе, что революціи въ порядкѣ вещей и что для наступательнаго движенія человѣчества впе-

редъ, для обновленія его силъ, для прогресса, онѣ такъ-же необходимы въ наше время, какъ необходимы были войны въ прежніе вѣка?

По нашимъ понятіямъ, ни тѣмъ и не другимъ. Допускать безусловную необходимость революцій значить — не признавать силы разума, не понимать нравственной природы человѣка, а съ этимъ вмѣстѣ выказывать и незнаніе исторіи и другихъ наукъ, объясняющихъ жизнь и развитіе человѣчества въ гражданскихъ обществахъ. Лица, проповѣдующія, что революціи безусловно необходимы и неизбѣжны, не смотря на то, что всегда сопровождаются разными ужасами, гибелью не только виновныхъ, но и невинныхъ, не только взрослыхъ, но и дѣтей, — эти лица, не подозревая того, сами ставятъ себя и свои убѣжденія и правила на одну доску съ макіавелистами, іезуитами и ихъ ученіями и правилами. Еслибъ іезуиты, напр., стремились только къ власти, къ преобладанію, то за это не за что было бы еще ненавидѣть ихъ; но для нихъ, какъ и для макіавелистовъ, *всѣ средства хороши*: потому-то и заслуживаютъ они и вражды и противо-дѣйствія; потому-то и ясно, что цѣли ихъ незаконны и безбожны. То-же можно сказать и о цѣляхъ всѣхъ революціонеровъ по ремеслу. Честныя цѣли достигаются только честными средствами. Люди, вполне сознающіе общее благо и имѣющіе его только въ виду, не нуждаются въ безчестныхъ средствахъ и не пользуются ими уже и потому, что такія средства служатъ не къ достиженію, а къ удаленію цѣлей честныхъ и законныхъ. Уже Макіавель высказалъ неоспоримую истину, что народы крайне неохотно предаются революціоннымъ анархіямъ и тогда только встаютъ противъ су-

существующаго порядка вещей, когда уже не въ мочь имъ переносить его (*). Исторія на каждомъ шагу подтверждаетъ справедливость и основательность этого мнѣнія. Не трудно вообще объяснить, что убѣжденіе въ безусловной необходимости революціи основано на случайныхъ явленіяхъ и принадлежитъ къ числу такихъ ходячихъ идей, которыя принимаются многими безъ всякой повѣрки, какъ все эксцентрическое, парадоксальное или озаренное мишурнымъ блескомъ, а потомъ повторяются — по привычкѣ. Такихъ ходячихъ идей всегда было не мало, и не мало вреда причинили уже онѣ человѣчеству: имъ обязано оно, на примѣръ, той политикой, которая стремилась установить такъ-называемое политическое равновѣсіе государствъ — химеру, порожденную ложнымъ убѣжденіемъ, будто судьба и значеніе государствъ могутъ зависѣть отъ дипломатіи, а не отъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ народовъ; имъ-же, подобнымъ идеямъ, обязано человѣчество и меркантильной системой, и разными китайскими стѣнами, и всѣми подобными явленіями.

Не менѣе неосновательно и мнѣніе, что революціонное настроеніе умовъ есть плодъ и результатъ ложныхъ теорій, враждебныхъ существующему порядку вещей. Нельзя сомнѣваться, что вліяніе подобныхъ теорій пагубно; но объяснять ими общее настроеніе умовъ, духъ вѣка, а значить и участь человѣчества въ извѣстную эпоху — то-же, что смѣшивать слѣдствія съ причинами и принимать первыя за вторыя. Не отъ теорій зависятъ общее настроеніе умовъ и духъ вѣка,

(*) *Il Principe*, VII. Также и въ другихъ мѣстахъ его сочиненій.

или поколѣній, а на оборотъ: существующій порядокъ или безпорядокъ вещей вообще создаетъ какъ истинныя, такъ и ложныя теоріи, служитъ поводомъ и матеріаломъ для нихъ. Утверждать, на примѣръ, какъ это дѣлаютъ еще многіе, что Монтескьё, Вольтеръ, Дидеро, Даламберъ, Руссо и другіе писатели были главными виновниками первой французской революціи такъ-же неосновательно, какъ приписывать открытіе Америки — Америку Веспуччи, который только описалъ ее, или считать Макіавеля создателемъ политики, правила и дѣйствія которой онъ не сочинилъ, а начерталъ только въ своемъ знаменитомъ твореніи *Il Principe*. (*) Государство слишкомъ естественное и безусловно-необходимое явленіе, чтобъ участь его могла зависѣть отъ десятка писателей и сотни писаекъ. Потому-то мудрое правительство, правильнѣе — истинно-государственные люди, т. е. политическіе дѣятели по призванію, а не только по ремеслу или званію, повсюду и всегда овладѣваютъ сбивающимся иногда съ толку общественнымъ мнѣніемъ и даютъ ему правильное направленіе,

(*) Современный намъ порядокъ вещей въ Сѣв. Амер. Шта-тахъ, Англии, частью Бельгіи, Сардиніи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ также служитъ доказательствомъ, что полная не только свобода мнѣній, но частію и дѣйствій, не можетъ быть ни причиной, ни поводомъ къ революціямъ. Въ Англии, напр., не только каждый болѣе или менѣе извѣстный и славящійся своимъ умомъ челоѣкъ, но даже и первый встрѣчный горлантъ имѣетъ право собрать какой угодно митингъ и проповѣдывать все, что угодно, говорить противъ правительства, законовъ; а между-тѣмъ, какъ извѣстно, никакія мнѣнія и рѣчи не потрясаютъ и не пугаютъ англійскаго правительства, не вооружаютъ противъ него народа, не создаютъ революціи, которую, однако, и въ тоже время, такъ легко могло бы создать сохраненіе прежнихъ хлѣбныхъ законовъ, а теперь сохраненіе настоящаго избирательнаго и т. п. законовъ.

и это при помощи таких-же, а частью и тех-же писателей, которые, сначала, очень часто увлекаются разными ложными политическими и социальными теориями. Такие государственные люди, с сознанием дѣла и с призваніемъ къ нему, на убѣжденія умѣютъ дѣйствовать *только* убѣжденіями, и всегда достигаютъ своей цѣли. Нѣтъ, не Монтескьё, Вольтеръ, Руссо, Дидеро породили Французскую революцію, а скорѣе сами были порождены ею, на столько по-крайней-мѣрѣ, на сколько есть революціоннаго въ ихъ сочиненіяхъ; но и это допустить можно не иначе, какъ смотря на нихъ съ крайне-односторонней точки зрѣнія. Революціоннаго, въ строгомъ смыслѣ слова, въ нихъ ничего нѣтъ, да и не могло быть: въ нихъ только *посильный* протестъ разума и правды противъ существовавшихъ въ то время общественныхъ золъ и злоупотребленій; а такой протестъ не только не содѣйствуетъ, но прямо противодѣйствуетъ революціоннымъ элементамъ. Началась Французская революція не въ восьмидесятыхъ или девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка, а гораздо ранѣе: она, какъ государственная болѣзнь, началась вмѣстѣ съ неустройствомъ въ государственной администраціи, съ утратой вѣры народа въ правительство, — такое-же вѣрованіе зависитъ не отъ писателей, а отъ администраціи и политики; она развивалась съ развитіемъ неправды въ судахъ и разныхъ стѣсненій, которыми администрація преслѣдовала народныя силы и отравляла народное бытіе, и т. п. Однимъ изъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что не Монтескьё, не Вольтеръ и никто другой изъ подобныхъ имъ писателей не могъ быть виновникомъ революціи, можетъ служить, между прочимъ, и то обстоятельство, что одновременно съ ними

были и другіе писатели, которые проповѣдывали и распространяли, сравнительно, самыя здравыя и чистыя убѣжденія и понятія о разныхъ общественныхъ вопросахъ, убѣжденія и понятія консервативно-прогрессивныя и рѣшительно-враждебныя всѣмъ революціоннымъ идеямъ. Кане, Тюрго и ихъ послѣдователи имѣли огромное и благотворное вліяніе не только на общественное мнѣніе, но и на весь ходъ дѣлъ въ государствѣ. Кратковременное, но умное правленіе Тюрго даже отодвинуло на нѣсколько лѣтъ революціонный кризисъ и, по всей вѣроятности, совершенно избавило бы отъ него Францію, еслибъ продолжалось долѣе. Что-же помѣшало этому необыкновенному человѣку, великому мыслителю и гениальному министру продолжать свою правительственную дѣятельность, свою честную и полезную службу отечеству? Что-же заставило Лудовика XVI смѣнить этого незамѣнимаго министра и честнѣйшаго человѣка, о которомъ самъ же онъ говорилъ: «только мы съ Тюрго и любимъ Францію»? Исторія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: Франція и король ея нуждались въ Тюрго, потому что онъ одинъ только и могъ избавить государство отъ революціи; но служба его была не угодна отсталой французской аристократіи вообще и разнымъ придворнымъ интригантамъ въ-особенности, *и потому-то* великій и гениальный министръ былъ смѣненъ и замѣненъ въ совѣтѣ и довѣрїи короля бездарнымъ и ничтожнымъ Морепанъ и ему подобными людьми! Замѣчательное, хотя и не первое, и не послѣднее, конечно, явленіе въ исторіи государствъ и государственныхъ людей! Не доказываетъ ли и оно также, что не правы тѣ, которые приписываютъ ученымъ и литераторамъ слишкомъ много вліянія на ходъ политическихъ

дѣлъ, когда считаютъ ихъ виновниками революцій, и что основательнѣе было бы революціонныя убѣжденія и понятія ихъ, т. е. писателей и ученыхъ, считать не причиной, а слѣдствіемъ революціоннаго порядка вещей? Въ самомъ дѣлѣ, неужели не въ болѣзненномъ, аномальномъ состояніи была въ то время Франція, когда назначеніе министровъ, ихъ возвышеніе и паденіе обуславливались не ихъ способностями и достоинствами, а прихотью интригантовъ? Или неужели ученые, литераторы и мнѣнія ихъ могли имѣть вліяніе на ходъ придворныхъ интригъ?

Исторія и здравый смыслъ даютъ на это отвѣтъ, конечно, отрицательный. Подобныя причины революцій изобрѣтаются только іезуитами, макіавелистами да бездарными государственными сановниками. Даровитые же, истинно-государственные люди и вообще основательные мыслители очень хорошо понимаютъ, что литература не можетъ создать ни духа вѣка, ни общественнаго мнѣнія, ни революціи; что она не болѣе и не менѣе, какъ одно изъ ихъ выраженій, и что потому писатели-революціонеры могутъ быть только тамъ, гдѣ есть поводы къ революціи. Истинно-государственные люди понимаютъ также, что если можно и даже должно управлять умами и направлять ихъ къ добру, между прочимъ, и посредствомъ литературы; то это достигается не столько одною литературой, сколько мудрыми административными мѣрами, избавляющими народъ отъ разныхъ неправдъ, тяжестей, страданій и лишеній. Доказательствомъ тому служитъ несомнѣнное, повсюду повторяющееся явленіе, что тамъ, гдѣ истинно-государственный умъ имѣетъ довольно-значительное вліяніе на администрацію, тамъ всѣ истинно даровитые

ученые и литераторы стоятъ на сторонѣ правительства и содѣйствуютъ ему всѣми своими средствами и способностями, не ища и не требуя отъ него, за такое содѣйствіе, ни вознагражденій, ни почестей. Великій умъ болѣе всего управляетъ духомъ, гениемъ своимъ; только бездарныя головы разсчитываютъ преимущественно на деньги, на разныя стѣпенительныя мѣры и тому подобное. Отталкивать литераторовъ и ученыхъ отъ законныхъ властей и вооружать однихъ противъ другихъ, это одно изъ неизмѣнныхъ свойствъ и высшихъ способностей — выскочекъ въ государственной іерархіи, а не истинныхъ, способныхъ государственныхъ людей. Когда главнымъ министромъ Лудовика XVI былъ Тюрго, тогда *всѣ* ученые, *всѣ* литераторы и вообще передовые люди Франціи того времени были въ большей или меньшей степени поклонниками и сподвижниками благодушнаго короля и его великаго министра; а когда не стало Тюрго, когда онъ и друзья его были замѣнены разными выскочками, исчадіями развратнаго двора или далеко еще тогда не созрѣвшей буржуазіи, тогда лучшіе умы и передовые люди Франціи отступились отъ своего правительства, — тогда все пошло превратно въ этой странѣ, какъ въ царствованіе Лудовика XV. Не даромъ Вольтеръ, этотъ всемогущій властитель умовъ, другъ и пріятель тогдашнихъ монарховъ, «цаловалъ руку» Тюрго, который былъ моложе его 32-мя годами; не даромъ также великій писатель оплакивалъ паденіе великаго министра, между прочимъ, слѣдующими словами: *ah! quelle nouvelle j'apprends! La France aurait été trop heureuse! Que deviendrons-nous? Je suis atteré. Je ne vois plus que la mort devant moi depuis que M. Turgot est hors de place.* Желательно было-бы

узнать отъ іезуитовъ и ихъ достойныхъ поклонниковъ, когда именно оказывается Вольтеръ болѣе всего революціонеромъ, тогда-ли, когда онъ считаетъ долгомъ своимъ «цаловать руку» великому и честнѣйшему министру, лучшему совѣтнику короля и лучшему другу народа, или тогда, когда этотъ «безбожникъ-философъ, антихристъ», осмѣливается — дерзновенный! — оплакивать паденіе великаго министра, и такимъ образомъ выказываетъ неуваженіе свое къ придворнымъ интригантамъ и великимъ подвигамъ ихъ?...

Вредно и пагубно вліяніе ложныхъ теорій, — такъ же вредно и пагубно, какъ полезно и благотѣльно вліяніе теорій истинныхъ. Въ этомъ, конечно, сомнѣваться нельзя и, вѣроятно, не сомнѣвается никто, даже и зараженные ложными ученіями, потому-что считаютъ ихъ истинными. Дѣло, стало-быть, не въ пользѣ и не вредѣ отъ теорій, а въ томъ, почему однѣ изъ нихъ преобладаютъ и развиваются въ извѣстное время? Почему, на примѣръ, ученія Руссо и его преемниковъ, социалистовъ и коммунистовъ, ученія ложныя, антисоціальныя и революціонныя, имѣютъ и въ настоящее время болѣе приверженцевъ, нежели истинныя ученія экономистовъ и лучшихъ изъ современныхъ государственныхъ людей, — ученія, отъ торжества которыхъ зависитъ будущее благосостояніе человѣчества? Почему столь многіе еще глухи къ ученіямъ истиннымъ, и потому прогрессивнымъ и антиреволюціоннымъ, и увлекаются превратными ученіями социалистовъ и коммунистовъ, проповѣдывающихъ революцію, ненависть къ разнымъ сословіямъ и не признающихъ не только права собственности, но и природенныхъ человѣку чувствъ и стремленій?

Успѣхъ всякаго явленія и предмета обусловливается или его внутреннимъ достоинствомъ, или его своевременностью, зависитъ отъ нужды въ немъ или сочувствія къ нему большинства. Этому правилу подлежатъ и теоріи, и всевозможныя ученія. Внутренняго достоинства ложныя теоріи и ученія, какъ само-собою разумѣется, не имѣютъ и не могутъ имѣть. Онѣ даже противны природѣ человѣка, который и въ заблужденіи, что-бы ни говорили противъ этого, алчетъ истины и правды, какъ пищи, которая одна только въ состояніи утолить его духовный голодь. Въ минуты увлеченія ложными убѣжденіями и теоріями, человѣкъ всегда и постоянно боленъ нравственно, страдаетъ духомъ, и если не вполне сознаетъ онъ, въ такія минуты, свою болѣзнь, въ-особенности причину ея, тѣмъ не менѣе чувствуетъ, что онъ не въ нормальномъ состояніи, что чего-то не достаетъ ему. Причины успѣха ложныхъ теорій и ученій должно, значитъ, искать не въ достоинствѣ ихъ, не въ естественномъ сочувствіи къ нимъ человѣка, а въ появленіи ихъ въ то время, когда народамъ, поколѣніямъ или сословіямъ уже не въ мочь существующій порядокъ вещей, когда они жаждутъ избавиться отъ него, замѣнить его другимъ; а потому и увлекаются всѣмъ тѣмъ, что, по понятіямъ ихъ, можетъ служить орудіемъ и средствомъ къ новому порядку. Въ настоящее время уже нѣтъ писателей съ талантомъ и свѣдѣніями Вольтера, Руссо или Монтескьё, которые бы проповѣдывали что-либо антисоціальное и революціонное. Всѣ наиболѣе даровитые и, въ-особенности, свѣдущіе въ дѣлѣ общественныхъ вопросовъ люди нашего времени сознаютъ законъ историческаго развитія государствъ и человѣчества, понимаютъ, что государ-

ства — не случайныя явленія, и что въ основаніи ихъ бытія лежатъ не, болѣе или менѣе произвольные, договоры, какъ думали прежніе юристы и публицисты, а естественный, непреложный законъ общенія между людьми, — законъ, прирожденный человѣку. Всѣ они признаютъ также, что если человѣчество можетъ ожидать всего лучшаго для себя отъ измѣненія во многихъ отношеніяхъ существующаго порядка вещей, то этого скорѣе всего достигнетъ оно путемъ мирныхъ и разумныхъ преобразованій, въ основаніи которыхъ будетъ лежать полное уразумѣніе и признаніе естественныхъ, непреложныхъ законовъ, предначертанныхъ для него Провидѣніемъ, а отнюдь не путемъ революцій и вообще насильственныхъ мѣръ. Но не смотря на это и на всѣ мѣры правительства противъ распространителей и поборниковъ идей ложныхъ и вредныхъ, социалистскія и коммунистскія теоріи все-таки имѣютъ многихъ послѣдователей, число которыхъ такъ огромно, что пренебрегать ими нельзя и не должно; притомъ-же оно растетъ съ каждымъ днемъ. Истинныя-же ученія распространяются несравненно медленнѣе, нежели ложныя, и не столько имъ, сколько ложнымъ, сочувствуетъ значительное большинство — если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ государствахъ. Чѣмъ объяснить такой нравственный недугъ? Что онъ такое? Есть-ли онъ необходимое, естественное проявленіе нормальной жизни или слѣдствіе нарушенія естественныхъ законовъ, исполненіемъ которыхъ обусловливается правильность, естественность существованія и развитія всѣхъ человѣческихъ обществъ?

Наука вообще уже достаточно доказываетъ непреложную истину, что въ природѣ, — а, значитъ, и въ жизни

человѣчества, — нѣтъ ничего случайнаго, не подчиненнаго опредѣленнымъ, естественнымъ законамъ; что всякое проявленіе жизни вообще, какъ въ природѣ, такъ и въ человѣчествѣ, тогда только нормально, естественно, когда оно представляется нашему уму не какъ нѣчто случайное, необычайное, необъяснимое, а какъ необходимое слѣдствіе извѣстныхъ причинъ, неизмѣнныхъ законовъ, и что правильность и прочность бытія невозможно внѣ подчиненности такимъ законамъ. Всѣ физическіе и нравственные недуги въ мірѣ объясняются не иначе, какъ неисполненіемъ, нарушеніемъ и оскорбленіемъ подобныхъ законовъ. Политическіе и общественные недуги не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила; а потому и на сочувствіе къ ложнымъ теоріямъ, какъ на все то, что по обыкновенію и по необходимости связано съ подобнымъ явленіемъ, можно и должно смотрѣть не иначе, какъ на результатъ аномальнаго порядка вещей въ государствахъ, страдающихъ такими недугами. Другими словами: подобное явленіе есть плодъ и слѣдствіе нарушенія тѣхъ непреложныхъ законовъ, которые должны лежать въ основѣ жизни всякаго и каждаго гражданскаго общества, и внѣ подчиненности которымъ, со стороны всѣхъ элементовъ этихъ обществъ, не возможенъ ни миръ, ни развитіе всего того, что составляетъ дѣйствительное благо для человѣка, народа, человѣчества.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ не видѣть и не понимать, что если далеко не въ удовлетворительномъ состояніи находится большая часть государствъ въ наше время, то причина тому — ежечасное и постоянное нарушеніе такихъ законовъ, которыми обусловливается правильность существованія государствъ и развитія народ-

ныхъ силъ? Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ законы, которые нарушаются такимъ образомъ, но необходимо указать на нѣкоторые изъ нихъ, принадлежащіе къ числу важнѣйшихъ между ними.

Первое мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ *закону общенія между людьми*. Еслибъ этотъ законъ не былъ прирожденъ человѣку, то не было бы никогда ни прочныхъ семейныхъ и родовыхъ союзовъ, ни гражданскихъ обществъ, ни государствъ; не было бы, конечно, и общенародныхъ сношеній. Онъ, а не что-либо другое составляетъ естественную и необходимую основу всякаго общественнаго союза; каждый человѣкъ рождается съ способностью и потребностью, болѣе или менѣе сильною, исполнять его, и весь міръ устроенъ такъ, что человѣчество невольно должно подчиняться всѣмъ его требованіямъ. Въ противномъ случаѣ, т. е. не подчиняясь требованіямъ и предписаніямъ этого закона, человѣчество должно остановиться на пути своемъ къ дальнѣйшему развитію и благосостоянію, и отказаться отъ надежды когда-либо восторжествовать надъ тѣми преградами, которыя стоятъ на этомъ пути. Ясно, значитъ, что если этотъ законъ прирожденъ человѣку, что если только благодаря ему, человѣкъ и человѣчество достигаютъ той степени развитія, на которой создаютъ они государства; то каждое нарушение и преступленіе этого закона удаляетъ возможность достиженія тѣхъ благъ, доставленіе которыхъ, народамъ и человѣчеству вообще, составляетъ назначеніе государства. Ясно также, что нарушать и преступать этотъ законъ во имя тѣхъ или другихъ государственныхъ потребностей, на основаніи той или другой политической или дипломатической идеи значитъ — подрывать основу государства,

разрывать связь, органически соединяющую всѣ части его, и выказывать полное невѣдѣніе того, на чемъ зиждется и чѣмъ поддерживается естественность и правильность каждаго государственнаго союза. Ложныя мнѣнія большей части прежнихъ юристовъ, историковъ и публицистовъ, полагавшихъ, что государства создаются посредствомъ добровольныхъ и сознательныхъ договоровъ между людьми, мечтательныя теоріи Руссо и его наслѣдниковъ — нынѣшнихъ социалистовъ и коммунистовъ, меттернихизмъ и родственныя ему системы внутренней администраціи и внѣшнихъ сношеній, и тому подобныя явленія могли родиться только въ головахъ людей, не сознававшихъ этого закона. Еслибъ они сознавали его, то, конечно, одни изъ нихъ не создавали бы въ воображеніи своемъ ни государствъ, ни конституцій невозможныхъ на землѣ, а другіе не ограничивали бы внутреннихъ и общенародныхъ сношеній подвластныхъ имъ людей разными ненужными и вредными стѣсненіями; какъ тѣ, такъ и другіе, понимали бы, конечно, что судьба государствъ и народовъ зависитъ далеко не столько отъ воли законодателей и администраторовъ, сколько отъ воли Провидѣнія, и что мудрость первыхъ опредѣляется той степенью, въ какой сознаютъ они законы, предначертанные для человѣчества Провидѣніемъ. Наука законовѣдѣнія, политическая экономія и всѣ вообще политическія науки очень долго оставались почти на одной, весьма не высокой, степени развитія — именно потому, что занимавшіеся ими не сознавали этого закона, и если въ наше время онѣ развиваются несравненно быстрѣе, и положенія ихъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ права на авторитетъ, такъ это *только* въ-слѣдствіе со-

знанія этого закона и вообще въ-слѣдствіе истиннаго убѣжденія, что если многое въ мірѣ обуславливается волей человѣческой, то еще большее въ немъ зависитъ отъ той вѣчной и неизмѣнной силы, того верховнаго разума, который предначерталъ законы и для этой воли. Къ числу такихъ-то законовъ принадлежитъ и законъ общенія между людьми. Исполнять его и слѣдовать ему значитъ содѣйствовать всему благому и прекрасному для человѣчества; нарушать его и стѣснять его исполненіе значитъ ставить преграды и противодѣйствовать естественному и необходимому развитію государствъ и народовъ, подкапываться подъ основу государствъ и отравлять существованіе народовъ. Словомъ, преступать и нарушать его безнаказанно нельзя, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить состояніе, въ которомъ находится большая часть современныхъ намъ государствъ и народовъ. Англійскій пролетаріатъ, французскій социализмъ и разныя подобныя явленія — все это плоды не мудрости, а мудрености административной, и результаты неисполненія и нарушенія этого закона со стороны правительствъ.

Къ числу такихъ-же основныхъ законовъ принадлежитъ и тотъ, по которому человѣкъ родится собственникомъ, т. е. съ правомъ на обладаніе своею личностью и всѣмъ тѣмъ, что необходимо и неразрывно связано съ нею. Безъ существованія этого закона и признанія за людьми права, по которому, между прочимъ, всѣ произведенія труда человѣка составляютъ неотъемлемую собственность его, не были бы возможны гражданскіе, государственные и общественные союзы — точно такъ-же, какъ и безъ существованія закона общенія между людьми, — и человѣчество оставалось бы

вѣчно въ первобытномъ своемъ состояніи. Сознаніе и признаніе этого закона безусловно-необходимо для веденія *правственной*, единственно-достойной образованныхъ обществъ, борьбы съ разными ложными политическими и социальными ученіями нашего времени, и для одержанія полной побѣды надъ ними. Въ прошломъ вѣкѣ потому-то и развились во Франціи и другихъ странахъ разныя неосуществимыя теоріи о политической свободѣ, что тогдашніе французскіе и другіе государственные люди, не сознавая этого закона, на каждомъ шагу нарушали и оскорбляли его. Тамъ, гдѣ заключить человѣка въ бастилію или подобное мѣсто, сослать его на каторжную работу, конфисковать его имѣніе, а подѣ-часъ и лишить жизни, зависитъ отъ благоусмотрѣнія какого-нибудь бездушнаго и бездарнаго временщика въ родѣ Морепà, тамъ по-необходимости люди смотрятъ на законы какъ на нѣчто произвольное, и потому считаютъ себя способными не только измѣнять по своему усмотрѣнію дѣйствующіе законы, но и *пересоздавать государства* по своей фантазіи. Съ этимъ вмѣстѣ неизбежно и мечтаетъ тамъ большинство о какомъ-то блаженномъ состояніи, которое оно считаетъ и называетъ свободой, но которое въ дѣйствительности есть только своеволіе, кулачное право, рано или поздно разрѣшающееся кровопролитной анархіей. Въ такихъ государствахъ не понимаютъ, да и не могутъ понимать, что истинная свобода, достойная человѣка развитаго, необходимая и всегда возможная для него, достигается и обеспечивается не произвольными, искусственными законами, — какъ бы юридическая, т. е. обязательная, сила ихъ ни была велика, — а истиннымъ просвѣщеніемъ, обуславливающимся сознаніемъ правъ и обязан-

ностей человека. Гдѣ люди сознаютъ права свои и исполняютъ свои обязанности, тамъ «никакая власть» не осмѣлится пренебрегать первыми и мѣшать исполненію вторыхъ. Руссо и подобные ему писатели и мыслители — не случайныя явленія, а естественныя, законныя чада незаконныхъ администрацій Лудовика XIV, регенства и Лудовика XV. Французское правительство, въ эту эпоху, находясь подъ сильнымъ и неизбежнымъ вліяніемъ тогда далеко еще не вымершаго феодализма, вмѣсто того, чтобъ исполнять свою обязанность и свое назначеніе — охранять личность и собственность подданныхъ, само на каждомъ шагу нарушало правъ ихъ — по праву сильнѣйшаго; а потому и подданные его воображали, что какъ законы, такъ и правительство, и все, чѣмъ обезпечивается бытіе государства, — явленія болѣе или менѣе случайныя и произвольныя, и что они могутъ уничтожить и замѣнить ихъ другими, по своему усмотрѣнію, точно такъ-же, какъ это дѣлало и правительство. Всѣмъ извѣстно, какъ дорого стоитъ Франціи и даже всему человѣчеству подобный взглядъ на вещи. Но чтобъ вполне оцѣнить его и воспользоваться имъ, не должно, главнымъ образомъ, терять изъ виду, что не Руссо и другіе писатели, не Мирабо и вообще дѣятели Французской революціи создали ея, а сами были порождены ею, и что она, какъ и они, исчадія тогдашней администраціи. Точно такъ-же и въ наше время разныя превратныя соціалистскія и коммунистскія идеи могли преимущественно развиваться только въ такихъ странахъ, гдѣ, какъ во Франціи, царствуютъ меркантилизмъ и ему подобныя системы.

Если вникнуть въ состояніе большей части нынѣшнихъ государствъ, то нельзя не прійти къ убѣжденію,

что одна изъ главнѣйшихъ причинъ многихъ золъ и бѣдствій въ нихъ заключается, между прочимъ, и въ томъ, что въ нихъ нарушаются политико-экономическіе законы. Непременность этихъ законовъ уже не подлежитъ сомнѣнію, для того по крайней-мѣрѣ, кто съ надлежащею добросовѣстностью изучаетъ всѣ условія народнаго благосостоянія. Нарушеніе этихъ законовъ тоже неизбежно влечетъ за собою страданія какъ для государства вообще, такъ и для *всѣхъ безусловно* членовъ его. Только подобнымъ нарушеніемъ и объясняется, почему, на примѣръ, не смотря на всевозможныя старанія нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ правительствъ избавить государства свои отъ пролетаріата и другихъ ему подобныхъ общественныхъ золъ, это никакъ не удается имъ. Такую неудачу очень многіе непрізнанные государственные люди и публицисты объясняютъ, какъ водится обыкновенно въ подобныхъ обстоятельствахъ, неизбежностью, даже необходимостью зла: «нѣтъ добра безъ худа, какъ и худа безъ добра, говорятъ они, — нужны-же тѣни для картины!» Ужъ лучше бы утверждали они, что «нужны картины для тѣней»! На дѣлѣ, такая неудача происходитъ отъ того, что мѣры, принимаемыя противъ зла, нераціональны и только развиваютъ его. Въ этихъ странахъ одною рукою покровительствуютъ, на примѣръ, народному труду, а другою по крайней-мѣрѣ вдвое, если не болѣе, стѣсняютъ его, тоже подъ предлогомъ покровительства, и какъ за ненужное покровительство, такъ и за стѣсненія взимаютъ тягостныя для народа подати. Понятно, что *подобныя благодѣянія* администрацій такъ-же дѣйствуютъ на народный трудъ и промышленность, какъ и непріятельскія нашествія — съ тою только разницею, что эти

послѣднія никогда не бываютъ столь продолжительны и вредны для націи, какъ вышеупомянутыя административныя благодѣянія. Извѣстно, напримѣръ, что англійская такса въ пользу бѣдныхъ дѣйствуетъ пагубно на народное хозяйство и общественную нравственность.... Точно такъ-же и во Франціи, только штыками, — но далеко не всегда успѣшно, какъ свидѣлствуетъ исторія, — можно поддерживать государственный порядокъ, и это потому именно, что крайняя нищета не рѣдко внушаетъ значительной части французскаго народонаселенія мысль о возстаніи; а крайняя нищета въ этой странѣ, благословенной и богатой дарами природы, происходитъ преимущественно, если только не единственно, отъ того высокаго, но увы! не только мнимаго, но даже положительно-вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ покровительства, которое до сихъ поръ оказываетъ французское правительство народной промышленности. Ученія социалистовъ и коммунистовъ потому также имѣютъ многихъ послѣдователей преимущественно во Франціи, что большинство ея народонаселенія не видитъ, да и не можетъ видѣть, другаго исхода для страданій и лишеній своихъ, какъ въ полной, по возможности, перемѣнѣ всего порядка вещей въ этой странѣ. Весьма естественно, что оно не разбираетъ, что хорошо, что дурно въ администраціи, очень часто приписываетъ правительству и такое зло, въ которомъ оно нисколько не повинно, — напротивъ, силится даже избавиться отъ него страну: голодные не разсуждаютъ и не имѣютъ возможности разсуждать. Голодъ и нищета вызываютъ только стоны и проклятія. Устраните созданныя или поддерживаемыя вами причины нищеты и голода, — не мѣшайте людямъ жить и трудиться, не отравляйте

ихъ существованія ненужными и вредными административными мѣрами, — и замолкнуть ихъ проклятія, и число послѣдователей социалистскихъ и коммунистскихъ ученій само-собой станетъ уменьшаться съ каждымъ днемъ, безъ особыхъ стараній съ вашей стороны. Сила этихъ ученій заключается не въ разумности и основательности ихъ, а «въ васъ» или по-крайней-мѣрѣ въ вашихъ мудреныхъ административныхъ мѣрахъ и въ результатахъ этихъ мѣръ — пауперизмъ и пролетаріатъ со всеми ихъ послѣдствіями. Напрасно приписываютъ Французамъ излишнее легкомысліе, вольнодумство и страсть къ государственнымъ переворотамъ: они не болѣе революціонеры, чѣмъ всѣ остальные народы, но несчастнѣе другихъ въ политическомъ отношеніи. Болѣе другихъ страдаютъ они, напримѣръ, отъ тѣхъ стѣсненій, которыми связываетъ промышленность и вообще народное хозяйство Франціи существующая въ ней покровительственно-запретительная таможенная система (*). Болѣе другихъ народовъ страдаютъ Французы также и отъ того, что благодаря дурному законодательству и нераціональной администраціи, поземельная собственность во Франціи обременена долгами и дороже, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, обязана

(*) Можно, впрочемъ, надѣяться, что не далеко уже то время, когда Франція начнетъ избавлять себя отъ этого меркантильнаго ига. Нѣкоторые изъ современныхъ французскихъ государственныхъ людей уже вполне сознаютъ все зло, причиняемое имъ народному хозяйству, и не даромъ, не случайно, безъ сомнѣнія, нынѣшній глава Франціи, при открытіи законодательнаго собранія въ 1857 году, обратился ко всемъ просвѣщеннымъ людямъ съ просьбою о содѣйствіи правительству въ распространеніи здравыхъ политико-экономическихъ понятій. Людовикъ-Наполеонъ взвѣшиваетъ слова свои и не дѣйствуетъ необдуманно.

платить она за относительно-ничтожный кредитъ, которымъ пользуется. Много есть и другихъ понятныхъ и естественныхъ причинъ, почему во Франціи довольно часты революціи; но здѣсь не мѣсто перебирать ихъ. Революціонныхъ, по природѣ, народовъ или поколѣній нѣтъ и никогда не было въ мірѣ; но были и есть въ немъ, — къ великому несчастію человѣчества, — революціонныя администраціи: это тѣ именно, въ основаніи которыхъ лежатъ — не непреложные законы, предначертанные, для человѣчества и человѣческихъ обществъ, Провидѣніемъ, не требованія правды и справедливости, а какіе-либо произвольныя административныя и политическія теоріи. Только тамъ бываютъ революціи, гдѣ разными неправдами и беззаконіями вооружаетъ администрація народъ противъ законныхъ властей; только тамъ законъ не пользуется надлежащимъ уваженіемъ и не имѣетъ надлежащей силы, гдѣ произвольныя правила имѣютъ значеніе и силу законовъ. И пора, давно пора понять всѣмъ образованнымъ людямъ или по-крайней-мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ право или только притязаніе на право «управлять другими», — пора имъ понять, что главная причина всѣхъ золъ въ мірѣ заключается въ незнаніи, неуваженіи и нарушеніи основныхъ, естественныхъ законовъ человѣческихъ обществъ и народнаго хозяйства, и что эти законы во всѣхъ отношеніяхъ выше, могущественнѣе и лучше всевозможныхъ политическихъ и соціальныхъ теорій, а также тѣхъ изъ положительныхъ законодательствъ, при составленіи которыхъ мало или даже вовсе, что также случается, не обращено вниманія на эти законы. Какъ бы эти теоріи и законодательства ни были хорошо придумываемы, они никогда не замѣнятъ собою зако-

новъ естественныхъ, прирожденныхъ міру и человѣчеству, предначертанныхъ для нихъ Провидѣніемъ, подобно тому, какъ никогда искусственные плоды не замѣнятъ настоящихъ, естественныхъ. Только естественные плоды способны питать человѣка и животныхъ; только законы, вполне согласные съ требованіями правды и справедливости, каковы всѣ естественные и основанные на нихъ положительные законы, могутъ и должны быть дѣйствительными правилами для нашей жизни и вести насъ къ добру и благу — безъ ненужныхъ, т. е. искусственно-вызываемыхъ разными административными мѣрами, лишеній и страданій. Какъ бы уменъ и силенъ, по вліянію и правамъ своимъ, ни былъ тотъ или другой человѣкъ, но никогда не пересоздастъ онъ ни міра, ни человѣчества, ни даже самого себя. Самое лучшее, что можетъ сдѣлать онъ какъ для себя самого, такъ и для всѣхъ ближнихъ своихъ, это, по возможности, сознать и исполнять, а также и содѣйствовать общему сознанію и исполненію тѣхъ непреложныхъ законовъ, которые предначертаны для человѣчества Провидѣніемъ, и уничтоженіе или замѣненіе которыхъ другими не зависитъ отъ человѣческой воли.

Справедливость этого послѣдняго положенія подтверждается на каждомъ шагу исторіей и доказывается или по-крайней-мѣрѣ должно доказываться всѣми науками, предметъ которыхъ — человѣкъ и бытіе его. И не возможно найти убѣжденія, которое могло бы лучше подѣйствовать на умы, въ настоящее время, т. е. на *разумное* (а не безусловное) примиреніе ихъ съ дѣйствительностью, на сознаніе, что въ ней хорошаго, и что дурнаго, что нормально, исторически необходимо, и что случайно, на содѣйствіе всему благому и полезному,

на борьбу съ настоящимъ, дѣйствительнымъ, а не мнимымъ зломъ. Какъ всякое истинное убѣжденіе, и это убѣжденіе есть нравственная сила; а каждая нравственная сила — выше, могущественнѣе и долговѣчнѣе всякой другой. Нельзя не признать, что штыки и пушки Людовика-Наполеона — сильный оплотъ для Франціи отъ временнаго торжества въ ней социалистовъ и коммунистовъ; но съ этимъ вмѣстѣ нельзя не видѣть и того, что и французская армія, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ и видѣ, — армія, составляющая этотъ оплотъ, и содержаніе которой въ высшей степени тягостно для націи, — есть въ свою очередь такое-же, не меньшее, если только не большее зло, какъ и социализмъ съ коммунизмомъ. Эта армія также, въ свою очередь, поддерживаетъ и даже оправдываетъ или по-крайней-мѣрѣ объясняетъ постоянный успѣхъ превратныхъ ученій. Зло не исправляется зломъ. Опаснѣе всевозможныхъ армій для такихъ ученій — истинныя понятія о народномъ хозяйствѣ, добытыя политической экономіей. Извѣстно, какъ уменьшилось вдругъ число поклонниковъ Прудона въ-слѣдствіе борьбы съ нимъ и рѣшительной побѣды надъ его ученіемъ даровитаго Фредерика Бастіа, который далеко не обладалъ такой силой слова, какъ Прудонъ; но за то если этотъ беретъ краснорѣчіемъ и софизмами, то Ф. Бастіа бралъ истиной, логикой, и понятно, долженъ былъ одержать побѣду надъ своимъ соперникомъ. Пушки и штыки Людовика-Наполеона доказываютъ только одно, а именно, что на его сторонѣ — въ настоящее время — физическая сила, но ничего другаго не доказываютъ; понятія же и убѣжденія, распространяемыя политико-экономами, во имя непреложныхъ, естественныхъ законовъ, лежащихъ въ основа-

ніи общественной жизни, рано или поздно привлекутъ на свою сторону всѣхъ сторонниковъ нынѣшнихъ социалистскихъ и коммунистскихъ ученій, и политическая экономія, рано или поздно, но непременно убѣдитъ всѣхъ здравомыслящихъ людей, что истина не на сторонѣ этихъ ученій и что никогда не управлять міромъ ни социалистамъ, ни коммунистамъ. Разбить этихъ въ пухъ и прахъ очень легко, но только не пушками или штыками, не тайной полиціей и не явными преслѣдованіями, а доставленіемъ имъ полной свободы высказаться. Гласность столь же убійственна для нихъ и ихъ ученій, какъ полезна она для торжества политико-экономическихъ и другихъ истинъ. Вообще, самое лучшее, дѣйствительнѣйшее, честнѣйшее и единственно-достоинное челоуѣчества вообще и образованныхъ правительствъ въ-особенности средство, для борьбы съ ложными ученіями, это — гласность и распространеніе, при ея посредствѣ, здравыхъ понятій о мірѣ, природѣ и челоуѣкѣ, — просвѣщеніе, наука. Въ прошломъ столѣтіи, на примѣръ, поверхностное знакомство тогдашнихъ ученыхъ и публицистовъ съ древнимъ міромъ породило мнѣніе, — имѣвшее, впрочемъ, сильную поддержку въ тогдашней административной безурядицѣ, — что возможно и даже должно перестроить новыя государства по образцу древнихъ республикъ, и что только въ такомъ подражаніи заключается и спасеніе, и благо рода челоуѣческаго; въ наше-же время, болѣе основательное изученіе древняго міра и лучшее знакомство съ нимъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приводятъ къ убѣжденію, что древній міръ никоимъ образомъ не можетъ быть образцомъ для новаго. Вотъ одинъ изъ многихъ богатыхъ результатовъ науки! Онъ глубоко-знаме-

нателенъ и доказываетъ, между прочимъ, какъ «неразумны» были дѣйствія тѣхъ правительствъ, которыя, вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать или по-крайней-мѣрѣ не противодѣйствовать изученію древняго міра, всѣми средствами старались задержать его: они страшились раскрытія истины, которой слѣдовало-бы имъ пользоваться для борьбы съ ложными социальными ученіями, и которая, какъ всякая истина, есть и должна быть оплотомъ отъ анархическихъ ученій. Хорошо, значить, что пытливость человѣческаго ума могущественнѣе правительственной воли; а то бы ужъ больно плохо пришлось, въ наше время, и многимъ народамъ, и многимъ правительствамъ!

Никогда наука не ведетъ ко злу. Мнѣнія, враждебныя ей, распространяются только невѣжествомъ да нѣкоторыми политическими и религіозными сектами, существованіе и вліяніе которыхъ поддерживаются *только* невѣжествомъ. Противодѣйствовать свободному развитію науки значитъ противодѣйствовать раскрытію истины и правды, и такимъ образомъ, хотя и не въ слухъ, тѣмъ не менѣе прямо и явно сознаваться въ незаконности своего существованія и своихъ дѣйствій. Правда, наука на нисшихъ ступеняхъ своего развитія далеко не обладаетъ полнотою и точностію свѣдѣній о предметахъ, подлежащихъ ея разсмотрѣнію, и даже распространяетъ иногда превратныя о нихъ понятія; но это не можетъ и не должно быть орудіемъ противъ нея, а только должно служить поводомъ къ усиленной ея работкѣ, чтобъ рано или поздно, — чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, — могла она раскрыть истину и принести всю пользу, которой можно отъ нея ожидать. И собственно говоря, не наука, т. е. не истинное знаніе, не сознание

истины порождаетъ превратныя понятія о какихъ бы то ни было предметахъ; а незнаніе, неразвитость науки, малочисленность данныхъ, собранныхъ ею, или еще недостаточная очищенность ихъ отъ разныхъ примѣсей. И не наука можетъ быть враждебна чему бы то ни было, существующему законно и праведно, а только невѣжество, недостаточность опыта и знанія. Время уже доказало, какъ несправедливы были опасенія тѣхъ государственныхъ людей и духовныхъ лицъ, которые воображали, что наука враждебна государственному порядку и опасна для религіи, даже христіанской; теперь уже есть достаточно доказательствъ, что она служитъ и содѣйствуетъ какъ государственному порядку, такъ и религіи, и что враждебна она не порядку, а безпорядку, который величаютъ непризванные государственные люди и публицисты порядкомъ, и не религіи, а суевѣрію, съ которымъ смѣшиваетъ ее невѣжество, и которое поддерживаютъ іезуитизмъ, меттернихизмъ, ультрамонтанизмъ и разныя подобныя, враждебныя человѣчеству, секты и системы. Да и можетъ ли быть иначе, когда цѣль и назначеніе науки заключаются въ отысканіи и раскрытіи истины, правды и добра; а истина, правда и добро враждебны только лжи, неправдѣ и злу? Мало-того, стоитъ только обратить надлежащее вниманіе на настроеніе вообще умовъ въ наше время, чтобъ убѣдиться, что если, съ одной стороны, много раздражительнаго, желчнаго и вообще болѣзненнаго въ этомъ настроеніи, то, съ другой стороны, *есть* и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается въ человѣчествѣ добрый и благой нравственно-духовный элементъ любви и примиренія: такъ и чувствуется, что если мы еще далеко не доросли до уразумѣнія и, главное, до исполненія Еван-

гельскаго ученія, то потомки наши непременно доросутъ до него.

Продолжая свое наблюденіе надъ современными поколѣніями, мы находимъ, что ничто такъ не содѣйствуетъ развитію этого благого элемента, какъ наука вообще. Въ подобномъ благотѣльномъ вліяніи ея на человѣчество нѣтъ ничего ни страннаго, ни случайнаго. Истина и правда, всякаго рода добро и благо, общая любовь и общій міръ — должны быть и будутъ конечнымъ и лучшимъ результатомъ науки. Раскрывая и распространяя истинныя понятія о мірѣ и обо всѣхъ явленіяхъ въ немъ, на каждомъ шагу доказывая людямъ, что причина разныхъ золъ, подъ гнетомъ которыхъ страдаютъ они, заключается въ общемъ почти невѣдѣніи, а также и нарушеніи естественныхъ законовъ, предначертанныхъ Провидѣніемъ, и что непремѣнное условіе общаго блага — въ сознаніи и исполненіи этихъ законовъ, наука, такимъ образомъ, благотатно дѣйствуетъ на умы и сердца людей, указываетъ имъ на точки какъ возможнаго и разумнаго примиренія, такъ и необходимой борьбы съ дѣйствительностью, подавляетъ въ нихъ мелкій, безсознательный эгоизмъ и обнадеживаетъ ихъ лучшимъ будущимъ. Глубокое знаніе прошедшаго и настоящаго, свѣтлый и ясный практическій умъ, вообще геніальныя способности не замѣняютъ ни для кого достаточнаго, возможно-полнаго сознанія естественныхъ законовъ, лежащихъ въ основѣ каждаго человѣческаго общества; не замѣнили они такого сознанія и для Макіавеля, быть-можетъ величайшаго, по талантамъ и вліянію своему, публициста. Еслибъ въ его время законы эти были уже на столько сознаны и раскрыты наукой, какъ нынѣ; то, конечно, этотъ необыкновенный

человѣкъ ни за что-бы не рѣшился утверждать, что «человѣкъ злое существо» (*), не построилъ бы на этомъ положеніи всей политической теоріи своей и не имѣлъ бы ревностныхъ послѣдователей въ Гоббсѣ (Hobbes) (**) и другихъ даровитыхъ публицистахъ и государственныхъ людяхъ, какъ нынѣшняго, такъ и прошлыхъ вѣковъ. Современная наука вполне опровергаетъ какъ это, такъ и многія, если еще не все, подобныя положенія. Она говоритъ, взывая ко всеѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ: «не мѣшайте только людямъ жить честно и правильно, не отравляйте ихъ жизни ненужными стѣсненіями и неправдами, не мѣшайте имъ любить и благословлять, — и замолкнуть ихъ проклятія, и уймутся въ нихъ недобрыя страсти, и только благословеніями и любовью будутъ отвѣчать они вамъ на все ваши труды и заботы о нихъ.» Она доказываетъ неопровержимыми данными, что понятія и чувства правды и добра присущи человѣчеству и прирождены ему, и что если нерѣдко еще увлекается человѣкъ зломъ, ложью и неправдою, то причина тому въ его несчастной обстановкѣ, въ его нравственной слабости, когда не вооруженъ онъ, достаточнымъ образомъ, сознаніемъ своего человѣческаго достоинства, лучшимъ изъ орудій для борьбы съ разными враждебными ему преградами и силами. И только она одна, наука, способна опровер-

(*) См. книгу его: о Республикѣ, гл. III, также книгу о Монархѣ (II Principes), гл. XI.

(**) Гоббсѣ, жившій въ половинѣ XVII вѣка и проповѣдывавшій въ своихъ сочиненіяхъ «философскій матеріализмъ», а потому и «политическій деспотизмъ», утверждалъ даже, что каждый человѣкъ враждебенъ другому, смотритъ на него волкомъ: homo homini lupus.

гнуть убѣжденія, подобныя вышеприведенному макіавелевскому, оправдываемыя, по-видимому, на каждомъ шагу дѣйствительностью; только она одна въ состояніи доказать, что дѣйствительность и въ этомъ отношеніи не можетъ служить основой для истинныхъ понятій о человѣкѣ и человѣчествѣ, потому-что дѣйствительность, подобная нашей или современной Макіавелю, въ состояніи парализировать и лучшія чувства, и лучшія убѣжденія. Не люди дурны, — дурны искусственныя условія ихъ жизни.

Не даромъ также значеніе науки, вліяніе ея на жизнь, растетъ съ каждымъ годомъ. Очищаясь непрерывно отъ недостойныхъ ея примѣсей, опираясь все болѣе и болѣе не на произвольныя гипотезы, какъ это бывало съ нею прежде, а на дѣйствительные факты, повѣряя постоянно дѣйствительность, жизнь, и ею самоѳ себя, она все болѣе и болѣе заслуживаетъ и пріобрѣтаетъ права на то значеніе, которымъ уже пользуется, и на ту «власть», которая сдѣлается достояніемъ ея въ будущемъ. Не даромъ также въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы и Америки представители науки занимаютъ почти всегда одно изъ первыхъ, а нерѣдко и самое первое мѣсто между народными представителями и государственными людьми. Само-собою разумѣется, что богатый запасъ свѣдѣній, глубокое знаніе одной или нѣсколькихъ наукъ и способность къ ученымъ изслѣдованіямъ не замѣняютъ административно-политическихъ способностей, точно такъ-же, какъ и эти не замѣняютъ первыхъ. Умъ сціентифическій и умъ государственный — два рода, два склада ума; но они *равно* полезны и необходимы, и не мѣшаютъ одинъ другому. Бываютъ случаи, когда они встрѣчаются въ одномъ человѣкѣ.

Умъ сціентифическій необходимъ для ученыхъ изслѣдованій и наблюденій, для раскрытія всякаго рода истинъ, а въ томъ числѣ и административныхъ, политическихъ. Наблюденіями, изслѣдованіями и истинами, добытыми трудами ученыхъ, очень часто лучше этихъ послѣднихъ пользуется и руководствуется истинно-государственный умъ. Этотъ необходимъ для того, чтобъ давать надлежащее направленіе администраціи, и если человѣкъ, обладающій такимъ умомъ, надѣленъ еще и сціентифическими способностями, то онъ пользуется ими въ своей административной дѣятельности, даетъ направленіе, новое и лучшее, трудамъ ученыхъ, и такимъ образомъ, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ приноситъ большую пользу отечеству и человѣчеству, наукѣ и администраціи, нежели другіе государственные сановники, не обладающіе его способностями и познаніями. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ и не было въ мірѣ истинно-государственного человѣка, — т. е. государственнаго человѣка «по призванію», а не по одному мѣсту, занимаемому имъ между правительственными лицами, — который бы не сочувствовалъ наукѣ и просвѣщенію вообще, и не покровительствовалъ имъ всѣми средствами и силами своими, — точно такъ-же, какъ нѣтъ и не было ученаго по призванію, который бы враждебно дѣйствовалъ противъ истинно-государственного человѣка или не сочувствовалъ его дѣятельности: и тотъ и другой — законныя силы и власти, не мѣшающія, а, напротивъ, содѣйствующія одна другой; оба они, по назначенію своему, — сторонники добра, истины и правды. И дай Богъ, чтобъ скорѣй распространилось повсюду убѣжденіе, что государственный умъ, подобно способностямъ сціентифическимъ и артистическимъ, талантъ особен-

ный, специальный, что онъ не приходитъ съ такъ-называемымъ служебнымъ счастьемъ, высокими чинами и мѣстами, не приходитъ даже и съ познаніями, а только развивается ученіемъ. Еслибъ это истинное убѣжденіе сдѣлалось достояніемъ большинства, въ-особенности государственныхъ сановниковъ, то было бы несравненно менѣе между ними такихъ, которые никогда и ничему порядочно неучась, судятъ вкривь и вкось о государственныхъ дѣлахъ и считаютъ себя способными управлять любымъ государствомъ; а съ этимъ вмѣстѣ было бы, въ такомъ случаѣ, несравненно болѣе, чѣмъ теперь, и такихъ людей, которые-бы серьезно готовились къ государственной службѣ и не пренебрегали, подобно большинству нынѣшнихъ, наукой и всѣмъ тѣмъ, что необходимо для государственныхъ дѣятелей. Одна изъ важнѣйшихъ, — но не единственная и не первоначальная, конечно, — причина многихъ современныхъ общественныхъ золъ, въ томъ именно и заключается, что большинство современныхъ государственныхъ людей состоитъ — не изъ людей совершенно бездарныхъ, какъ думаютъ многіе, — нѣтъ, а изъ людей слишкомъ мало, даже вовсе не приготовленныхъ, неизбѣжнымъ путемъ науки и наблюденій, къ государственной дѣятельности. Гизо, баронъ Брукъ, графъ Кавуръ, лордъ Брумъ, лордъ Стенли, гг. Гладстонъ, Фреръ-Орбанъ, Рожье и немногіе другіе составляютъ отрадныя исключенія изъ этого слишкомъ общаго еще, къ несчастію, правила.

Все вышесказанное о происхожденіи и вліяніи разныхъ теорій, системъ и о наукѣ вообще относится и прилагается въ большей или меньшей степени и къ разнымъ существующимъ въ настоящее время финан-

совымъ теоріямъ и системамъ, относительная правильность и неправильность которыхъ также объясняются и обуславливаются преимущественно существующимъ въ мірѣ порядкомъ вещей. И теорія финансовъ тогда только сдѣлается вполне-достойной названія и значенія науки, тогда только будетъ пользоваться полнымъ вліяніемъ на ходъ государственныхъ дѣлъ вообще и на финансовыя администраціи въ-особенности, когда совершенно очистится отъ постороннихъ, чуждыхъ ей вліяній и примѣсей. На той-же степени развитія, на которой она находится въ настоящее время, она еще очень далека отъ того совершенства, которое даетъ наукѣ право быть непреложнымъ авторитетомъ для дѣйствительности и лучшей руководительницей практики. Измѣняя на каждомъ шагу своему назначенію, подчиняясь вреднымъ и ненужнымъ для нея вліяніямъ, она и не можетъ пользоваться свойственнымъ каждой истинной наукѣ значеніемъ, и далеко не достигаетъ своей цѣли. Въ этомъ, какъ извѣстно, сомнѣваются тѣ, которые предлагаютъ разныя раціональныя, по ихъ понятіямъ, финансовыя системы, на основаніи современной теоріи финансовъ; но въ справедливости сказаннаго нами о несостоятельности этой теоріи легко убѣдиться каждому, — точно такъ-же, какъ и въ несостоятельности подобныхъ системъ. Раціональная финансовая система не возможна безъ помощи и, въ-особенности, безъ существованія финансовой науки, въ строго-логическомъ значеніи этого выраженія; а науки финансовъ, въ такомъ значеніи, еще нѣтъ, — что и будетъ доказано нами ниже.

II.

Какъ выше было сказано, если вникнуть хорошенько и съ надлежащимъ знаніемъ дѣла въ нынѣшнее состояніе многихъ государствъ; то нельзя не придти къ убѣжденію, что одна изъ важнѣйшихъ, а частію, такъ и главная причина многихъ золъ и бѣдствій въ нихъ, въ этихъ государствахъ, заключается въ постоянномъ и непрерывномъ нарушеніи тѣхъ основныхъ общественныхъ законовъ, которые лежатъ въ основѣ какъ матеріальной, такъ и нравственно-духовной жизни всѣхъ, безъ исключенія, гражданскихъ обществъ, — законовъ непреложныхъ и неизмѣнныхъ, естественныхъ и легкоисполнимыхъ, предначертанныхъ Провидѣніемъ, не придуманныхъ людьми, а только раскрытыхъ уже наукой. Политическая экономія, что-бы ни говорили противъ этого противники ея, уже находится на той степени развитія, на которой наука имѣетъ возможность представлять совершенно ясныя и неопровержимыя доказательства вѣрности своихъ положеній и выводовъ. Этого достигаетъ наука тогда только, когда въ основѣ всѣхъ ея заключеній лежатъ неоспоримыя истины или непреложные законы, а таковы всѣ «основные» политико-экономическіе законы и положенія. Опираясь на положенія и выводы такой науки значить — имѣть твердое и прочное основаніе для другихъ положеній и выводовъ. На такомъ основаніи нельзя «логически» строить ложныхъ умозаключеній, нелѣпыхъ теорій и т. п. Вотъ почему можно смѣло утверждать, вмѣстѣ съ политической эконо-

номіей, что страданія большинства современныхъ народонаселеній происходятъ преимущественно отъ пренебреженія, со стороны большей части администрацій, къ политико-экономическимъ законамъ и отъ нарушенія ихъ посредствомъ разныхъ политическихъ и административныхъ мѣръ. Подобное нарушеніе не можетъ не вести къ страданіямъ, какъ не сообразное съ требованіями правды и справедливости. Вообще, кто-бы ни былъ нарушитель «естественныхъ» законовъ, физическое или юридическое лицо, но рано или поздно подвергается наказанію. Природа такъ-же строго поступаетъ съ обществами, нарушающими общественные законы, т. е. естественные, основные, политико-экономическіе законы, какъ и съ личностями, преступающими законы физиологическіе. Подобно тому, какъ слишкомъ стягиваемый корсетъ, уродующій тѣло женщины, губительно дѣйствуетъ на весь организмъ ея и влечетъ за собою страданія не только для ней самой, но, въ-особенности, и для дѣтей ея, — страданія, причиняющія иногда смерть или, во всякомъ случаѣ, приближающія часть ея; — такъ, на примѣръ, меркантильная и ей подобныя системы, насильственно сосредоточивая производительныя силы народа въ извѣстныхъ сферахъ промышленности, убиваютъ мало-по-малу какъ покровительствуемая ими промышленныя отрасли, такъ и всю промышленность, и всѣ вообще производительныя силы народа, отъ чего страдаетъ какъ все государство вообще, такъ и каждая изъ органическихъ частей его въ отдѣльности. Мало того, страданія одного государства или народа пагубно дѣйствуютъ и на все человѣчество. Столь же вредны, а иногда еще вреднѣе для отдѣльныхъ государствъ, а черезъ нихъ и для всего человѣчества, всѣ

финансовыя и вообще административныя системы, творитьщія основнымъ политико-экономическимъ законамъ.

Да ничѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ такихъ законовъ, и не объясняются вполнѣ тѣ страданія и недуги, которымъ подвержена большая часть современныхъ намъ государствъ, и притомъ какъ въ матеріальномъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не видѣть въ нихъ, въ этихъ государствахъ, слѣдующихъ, между прочимъ, — съ перваго взгляда взаимно-противоположныхъ и взаимно-уничтожающихся, — явленій :

Во-первыхъ, матеріальныя средства къ народному существованію растутъ вообще съ каждымъ днемъ изумительнымъ образомъ. Промышленность въ значительной части государствъ дѣлаетъ постоянно такіе огромные успѣхи, что лѣтъ пятьдесятъ, даже двадцать-пять тому назадъ не многіе бы повѣрили возможности ихъ. Европа и другія части свѣта съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе надѣляются новыми, лучшими путями и средствами сообщенія. Относительно правительствъ своихъ современныхъ поколѣнія несравненно счастливѣе, вообще, своихъ предшественниковъ. Грамотность и просвѣщеніе распространяются все болѣе и болѣе, хотя не довольно быстро, и между народными массами и т. п. Но вмѣстѣ съ этимъ, т. е. вмѣстѣ съ постоянно-увеличивающимися средствами къ безбѣдному матеріальному и умственному существованію, съ развитіемъ удобствъ жизни, просвѣщенія и другихъ условій общественнаго благосостоянія, существованіе значительнаго большинства народонаселеній во многихъ изъ этихъ государствъ съ каждымъ днемъ стано-

вится труднѣе, жизнь неестественно дороже, такъ-что и при усиленномъ, подѣ-часъ непомѣрномъ трудѣ, человѣкъ нашего времени очень-часто не успѣваетъ заработать себѣ и неприхотливый кусокъ насущнаго хлѣба, нерѣдко голодаетъ даже, и чуть ли не всѣ фабричныя работники, составляющіе главную армію нашего времени, влекуть безотрадную, часто истинно-мученическую жизнь свою, безъ всякой надежды выйдти когда нибудь изъ такого тяжкаго положенія. А между тѣмъ трудъ человѣческой, какъ всѣмъ извѣстно, производительнѣе всякаго рода капиталовъ; при правильномъ порядкѣ вещей, онъ непремѣнно обезпечивалъ бы надлежащимъ образомъ большинство трудящихся неутомимо и, при помощи хорошо-организованнаго кредита, т. е. кредита, не стѣсненнаго разными предразсудками, представлялъ бы имъ возможность жить, если и не роскошно, то по крайней-мѣрѣ безбѣдно. Всѣ *богатства* міра созданы человѣческимъ «трудомъ», и это не смотря на всѣ стѣсненія, которыми чуть-ли не во всѣхъ государствахъ подверженъ онъ со-стороны администраціи, не смотря ни на непомѣрныя подати, которыя онъ долженъ платить въ большей части изъ нихъ, ни на то, что право собственности нигдѣ почти не обезпечено надлежащимъ образомъ. То-же самое или около того можно замѣтить и о другихъ сословіяхъ. Какъ ни заботятся нѣкоторыя изъ современныхъ правительствъ объ улучшеніи участи служащихъ какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, а также духовенства, ученыхъ, преподавателей, литераторовъ и художниковъ, — повсюду значительное большинство лицъ этихъ классовъ находится въ состояніи очень и очень незавидномъ. Получаютъ многіе изъ нихъ *не мало*, но въ результатѣ

оказывается, и при крайне-неприхотливомъ образѣ жизни, недостатокъ, *дефицитъ*, — точь-въ-точь, какъ въ современныхъ бюджетахъ, которые, однако, какъ всѣмъ и каждому извѣстно, поглощаютъ не мало народного богатства. Самое торговое сословіе, играющее такую важную роль въ наше время, что чуть ли не заслоняетъ собою, по вліянію своему на политику, всѣ остальные, большею частію состоитъ изъ людей, которые едва сводятъ расходы съ приходами; богатѣютъ только очень немногіе изъ нихъ — любимцы фортуны, промышленные гени и таланты. Дороговизна растетъ не по днямъ, а по часамъ. Но извѣстно, что «естественной» дороговизны, въ общепринятомъ значеніи этого слова, дороговизны жизни, нѣтъ и быть не можетъ — при раціональномъ общественномъ хозяйствѣ. Дороговизна нашего времени — произведеніе искусственное, плодъ и результатъ измишной развитости административнаго искусства и неразвитости науки администраціи. Потому-то и пожираетъ она, какъ страшное и жадное чудовище, бѣольшую часть плодовъ, добываемыхъ тяжелой трудовой жизнью, и оставляетъ, и то не всегда, большинству тружениковъ, только скудный кусокъ насущнаго хлѣба, едва достаточный для того, чтобъ не умереть съ голоду. Понятно, что въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ государствъ, при такомъ порядкѣ вещей, *строго, насильственно*—охраняемомъ и поддерживаемомъ многочисленнымъ, несоразмѣрнымъ съ народонаселеніемъ войскомъ, какъ, на примѣръ, въ Австріи, и не менѣе многочисленной, притомъ разнаго рода полиціей, какъ, на примѣръ, во Франціи, ничто не прочно, никто достаточно не обезпеченъ, и малѣйшій недоборъ хлѣба или картофеля, промышленный кризисъ, значи-

тельные наводненія и т. п. явленія возбуждаютъ вовсе не-безосновательныя опасенія, и угрожаютъ правительствамъ этихъ государствъ революціями или, по-крайней-мѣрѣ, мятежами. Что-же, послѣ этого, достаточнымъ образомъ обезпечено въ такихъ государствахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя гордятся либеральностью своихъ учрежденій, конституцій? Существованіе правительствъ? Нѣтъ! Жизнь гражданъ, ихъ имущество, право труда? Ни то, ни другое, ни третіе!...

Во-вторыхъ, капиталовъ въ большей части такихъ государствъ очень и очень достаточно: лучшее доказательство тому — относительно по-крайней-мѣрѣ низкіе проценты, 4, 3, даже $2\frac{1}{2}$, за которые добываетъ себѣ тамъ промышленность капиталы; но вмѣстѣ съ этимъ нерѣдкія перерывы въ работахъ на фабрикахъ, возстанія и лиги фабричныхъ работниковъ противъ капиталистовъ, ничтожная заработная плата и т. п. Еще страннѣе и невѣроятнѣе слѣдующее явленіе: трудности, съ которыми въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ сопряженъ поземельный кредитъ. Во Франціи, на примѣръ, не смотря ни на основательныя жалобы землевладельцевъ, ни на образцовыя по этой части сочиненія Лорб, (*) Воловскаго, Пасси и другихъ, — поземельная собственность, благодаря разнымъ стѣснительнымъ узаконеніямъ, не пользуется и сотой долей (**) того кре-

(*) *Loreau*, Du crédit foncier. Paris. 1841.

(**) Вотъ тому *одно* изъ *многихъ* доказательствъ. Частной поземельной собственности, во Франціи, не менѣе, какъ на 80,000,000,000 франковъ, и приноситъ она чистаго дохода по-крайней-мѣрѣ 2,500,000,000 франковъ. Между-тѣмъ существующій съ 1852 г. Заемный банкъ для недвижимостей, *Crédit foncier*, изъ 400,000,000, которые могъ бы, по своимъ статутамъ, пустить

дита, который нуженъ ей. Мѣры, принятыя въ послѣднее время правительствомъ и нѣкоторыми капиталистами, хотя и улучшили нѣсколько поземельный кредитъ, но далеко не въ той степени какъ-бы слѣдовало. Между-тѣмъ, всѣмъ и каждому извѣстно, что ничто не представляетъ такой гарантіи для капиталовъ, какъ поземельная собственность, и сословіе землевладѣльцевъ во всѣхъ странахъ, а во Франціи можетъ-быть болѣе, нежели въ другихъ, заслуживаетъ полного вниманія правительства, съ какой бы точки зрѣнія, политической, административной или экономической, ни смотрѣть на это сословіе.

Въ-третьихъ, цифры бюджетовъ растутъ неимовернымъ образомъ; правительства пользуются значительнымъ кредитомъ; налоги постоянно возвышаются; народы платятъ въ три-дорога за блага, доставляемые имъ администраціями; но, не смотря на все это, рѣдко попадаются бюджеты, которые бы, по мнѣнію государственныхъ людей, удовлетворяли всѣмъ государственнымъ нуждамъ и потребностямъ, а по мнѣнію народовъ, ихъ благосостоянію. Съ этимъ вмѣстѣ дефициты растутъ такъ-же быстро, какъ и бюджеты.

Есть много и другихъ подобныхъ явленій въ хозяйствѣ государственной жизни современныхъ народовъ; но и приведенныхъ здѣсь, намъ кажется, достаточно, чтобъ убѣдить всѣхъ и каждого, что подобныя явленія вовсе не отрадны, не оплоты отъ насильственныхъ переворотовъ, а естественные поводы къ нимъ, и что го-

---

въ оборотъ, выдалъ подъ залогъ, къ концу 1858 г., съ небольшимъ 100,000,000 франковъ, изъ которыхъ болѣе половины получили «городскіе» собственники.

сударственные потрясенія, народныя возстанія, при существованіи подобныхъ явленій, никоимъ образомъ не могутъ и не должны объясняться ни мнимо-революционнымъ духомъ современныхъ поколѣній, ни мечтательными и несбыточными социалистскими, коммунистскими и другими теоріями. Ничѣмъ подобнымъ и не объясняютъ ихъ люди, понимающіе это дѣло и вникающіе въ него. Сколько намъ извѣстно, всѣ экономисты и большая часть публицистовъ вообще приписываютъ существованіе важнѣйшихъ золъ въ современныхъ государствахъ — «администраціямъ»; имъ по-крайней-мѣрѣ болѣе, нежели чему другому, — и не безосновательно. Съ этимъ соглашаются, если только не всѣ, то нѣкоторые даровитѣйшіе государственные люди. «Les empires, говоритъ, на примѣръ, Гизо, n'ont point de jours ni d'années critiques; leur fortune ne dépend pas de l'influence des corps célestes; ils n'ont d'autre génie et ne connaissent d'autre destin que la bonne et la mauvaise administration. (*) То-же самое, или почти то-же, высказываютъ и нѣкоторые другіе государственные люди, особенно въ то время, когда принадлежатъ къ оппозиціи. Имъ подражаютъ, разумѣется, и противники ихъ, когда по необходимости уступаютъ имъ мѣста свои въ администраціи. Эта послѣдняя отъ того не улучшается, конечно, и вообще не объ одномъ изъ современныхъ государствъ можно сказать, что въ нихъ съ перемѣной министерствъ не измѣняется къ лучшему ходъ дѣлъ. Тутъ нечему удивляться: легче, конечно,

---

(*) Для государствъ нѣтъ ни дней, ни годовъ критическихъ; благоденствіе ихъ зависитъ не отъ вліянія небесныхъ тѣлъ; нѣтъ для нихъ иного генія и не знаютъ они иной судьбы, кромѣ хорошей и дурной администраціи.

кричать и возставать противъ существующаго порядка вещей, нежели передѣлывать его къ лучшему; да кромѣ того, частая перемѣна министерствъ, не доставляя ни одному изъ нихъ достаточно времени на совершеніе необходимыхъ реформъ, по-необходимости не столько содѣйствуетъ прогрессу, сколько поддерживаетъ рутину.

Не смотря, однако, на такіе авторитеты, какъ, на примѣръ, Гизо, мы думаемъ, что приписывать вышеприведенныя и имъ подобныя грустныя явленія, во всѣхъ почти современныхъ государствахъ, однимъ только администраціямъ и такимъ образомъ нападать на правительства, болѣе, нежели несправедливо и неосновательно, а также и бесполезно. Есть, конечно, и въ наше время правительства, которыя заслуживаютъ порицанія за разныя злоупотребленія; есть такія, которыя такъ неспособны къ управленію, что не заслуживаютъ и тѣни довѣрія; но зато есть нѣсколько и такихъ, отзыватья о которыхъ можно и должно не иначе, какъ съ признательностью и уваженіемъ: надо быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть усилій ихъ къ распространенію просвѣщенія и вообще благосостоянія не только между подданными, но и въ мірѣ вообще. Правда, подобныя усилія далеко не всегда оправдываются желанными результатами; но въ такомъ случаѣ прежде, нежели обвинять всѣ безъ исключенія правительства, слѣдовало бы рѣшить вопросъ: почему, по какой причинѣ, результаты не вполне оправдываютъ благія намѣренія и усилія? Многіе взваливаютъ всю вину на неспособность государственныхъ людей — даже и въ государствахъ конституціонныхъ; но въ такомъ случаѣ нужно признать, что конституціонныя правленія не оправдываютъ и въ этомъ отношеніи возбужденныхъ и возбуждаемыхъ ими

надеждъ? Стало-быть, всѣ современные средства и мѣры, чтобъ только достойнѣйшіе и способнѣйшіе люди занимали высшія мѣста въ государствѣ, еще недостаточны? Положимъ, что фаворитизмъ и непотизмъ столь же вліятельны и могущественны въ конституціонныхъ монархіяхъ, какъ и въ абсолютныхъ; но въ такомъ случаѣ необходимо рѣшить вопросъ: какія-же именно мѣры и средства необходимы еще, чтобъ одни только истинно-даровитые государственные люди завѣдывали государственными дѣлами? Самыя либеральнѣйшія изъ конституцій и самая неограниченная свобода не только слова, но частію и дѣла, какъ, на примѣръ, въ Англіи, недостаточны для того, чтобъ только одни истинно-даровитые люди управляли государствомъ, — такъ гдѣ-же и въ чемъ-же заключается иное средство къ тому? — Или не пора ли понять, что рѣшеніе подобныхъ вопросовъ требуетъ и долгаго изученія, и спеціальныхъ способностей? Не пора ли понять, что истинно-государственный умъ — своего рода талантъ, геній, который, подобно всѣмъ другимъ талантамъ, — кромѣ очень рѣдкихъ случаевъ, — всегда найдетъ возможность выказаться и высказаться и, подобно всѣмъ другаго рода геніямъ, крайне-рѣдокъ? Кольберовъ, Тюргò, Ревентлововъ, Пилей и Бруковъ такъ-же мало, какъ и Рафаэлей, Шекспировъ, Ньютоновъ, Гёте, и первыя мѣста въ государственной іерархіи и администраціи занимаютъ люди бездарные или съ ограниченными способностями только тогда, когда нѣтъ людей истинно-даровитыхъ и геніальныхъ, — точно такъ-же, какъ это бываетъ въ литературѣ, наукѣ; искусствѣ. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что можно не давать ходу истинно-даровитымъ общественнымъ дѣтелямъ: государственный умъ

такъ могучъ, что для него, способнаго управлять милліонами людей, конечно, всегда найдется, въ случаѣ надобности, возможность разогнать какую бы то ни было толпу бездарностей и интригантовъ, мѣшающихъ ему занять то мѣсто въ администраціи, которое принадлежитъ ему по праву способностей и государственнаго блага. Можно выбирать между людьми бездарными и съ обыкновенными способностями; но между геніями выборъ невозможенъ: великое счастье для страны, если есть хоть одинъ на лицо. А если есть такой геній, такъ не беспокойтесь *выводить его въ люди*: — онъ и безъ васъ обойдется; такихъ людей *не назначаютъ*, а сами они назначаютъ себя. Правители государствъ, не имѣя въ виду людей истинно-способныхъ къ государственной дѣятельности, могутъ раздавать разныя правительственныя мѣста людямъ неспособнымъ или съ небольшими способностями, которые не иначе и смотрятъ на такія мѣста, какъ на средство къ повышеніямъ, наградамъ, какъ на случай нажиться, — какъ на милость; но когда есть люди истинно-даровитые, созданные для государственной службы, съ природными способностями и качествами, необходимыми для государственныхъ дѣятелей, тогда правительства, по необходимости, сами приобѣгаютъ къ нимъ за помощью и такъ-же нуждаются въ нихъ, какъ купцы въ покупателяхъ, голодные въ пищѣ. Такіе люди получаютъ мѣста и принимаютъ ихъ не какъ подаваніе или милость, не какъ средство нажиться, а какъ тяжелый крестъ, который они считаютъ долгомъ своимъ возложить на себя и носить — по требованію долга. Повторяемъ, такихъ людей не нужно *выводить въ люди*; самое лучшее, что остальные, любящіе отечество свое, могутъ сдѣлать для нихъ, такъ это не ставить на пути

ихъ ненужныхъ преградъ; а поставятъ они имъ такія преграды, то повредятъ только себѣ: эти преграды не остановятъ людей геніальныхъ, и рано или поздно, но въ свое время, во всякомъ случаѣ, займутъ они принадлежащія имъ — не по праву рожденія, а по праву способностей и требованіямъ общаго блага, — мѣста въ государственной іерархіи. Понадобилось *собрать* Русскую землю, чтобъ избавить ее отъ внутренней анархіи и внѣшнихъ враговъ, — дѣло трудное, не *всякому* по плечу, — и явился Мининъ, не князь, не бояринъ, не важный государственный сановникъ, а простой Нижегородской мѣщанинъ Мининъ, «мясникъ художествомъ».... Императоръ Павелъ Петровичъ могъ не жаловать Суворова; но пришла надобность спасать тронъ царей, — дѣло тоже не легкое и не всякому генералу по плечу, — и послалъ онъ за Суворовымъ, — и исполнилъ свое дѣло Суворовъ. Королева Викторія могла не терпѣть Роберта Пили и предпочитать ему не только лорда Дерби, лорда Росселя и лорда Пальмерстона, но и всякаго другаго государственнаго сановника; но настало трудное и тяжелое время для Англіи, не стало возможности поддерживать государственный порядокъ въ этой странѣ безъ помощи истинно-геніальнаго государственнаго человѣка, — и Робертъ Пиль занялъ *свое*, первое въ государственной іерархіи, мѣсто, подлѣ не любившей его королевы. — И въ этомъ отношеніи, значить, неумѣстны всѣ выходки и крики противъ государственныхъ людей и правительствъ. Эти крики и выходки бѣльшею частію вытекаютъ изъ того-же источника, какъ и отзывъ лисицы о виноградѣ, котораго она не могла достать.

Не слѣдуетъ также забывать, что между правитель-

ственными лицами были и есть люди, которые во всем идут въ уровень съ вѣкомъ, — люди не только высокаго ума, вообще рѣдкихъ способностей, съ изумительно-обширными свѣдѣніями, но и не подкупной честности, такъ-что, если нужно сравненіе, то, конечно, ихъ можно и должно поставить на одну доску съ тѣми идеалами ума, доблести и чести, которыя завѣщалъ намъ древній міръ, и изъ которыхъ многіе кажутся намъ идеалами потому только, что время скрываетъ отъ насъ ихъ недостатки. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, напримѣръ, князь Яковъ Долгоруковъ, Бецкій, Суворовъ, Вашингтонъ, Тюрго, Шатобрианъ, Штейнъ, Гизо, Робертъ Пиль, графъ Ревентловъ ниже древнихъ Аристидовъ иThemistокловъ, Брутовъ, Аннибаловъ, Цицероновъ и Катоновъ? — «Человѣчество вырождается, личности мельчаютъ, мелкій эгоизмъ овладѣлъ душою человѣка», говоритъ и кричитъ большая часть современныхъ ораторовъ и софистовъ; но все это только слова, слова и слова! Человѣчество не вырождается, а перерождается постоянно къ лучшему; личности не могутъ мельчать въ то время, когда личность и въ семействѣ, и въ государствѣ, и въ человѣчествѣ вообще пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ все большее и большее значеніе, и т. п. Въ наше время не только не болѣе, но несравненно менѣе мелкаго эгоизма, чѣмъ въ древнемъ мірѣ; а если, допустимъ это, и столько-же, даже и болѣе его, такъ зато и болѣе любви къ ближнему и тому подобныхъ добрыхъ чувствъ и качествъ. Насъ поражаетъ въ современномъ человѣкѣ его стремленіе къ обезпеченію своей жизни въ матеріальномъ отношеніи, его жажда богатства; но это вполне объясняется непомѣрною, въ-слѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, а, главное, неразумныхъ

административныхъ мѣръ, дороговизною жизни и необходимостью, существующей для большинства, добывать себѣ и скудный насущный кусокъ хлѣба тяжелымъ и непрерывнымъ трудомъ, — необходимостью, препятствующей человѣку нашего времени удовлетворять, по желанію, умственнымъ потребностямъ, которые въ немъ сильнѣе и развитѣе, чѣмъ у человѣка древняго. Этому послѣднему насущный хлѣбъ, сравнительно, доставался даромъ или почти даромъ.

Вообще, чѣмъ болѣе будемъ мы вникать въ этотъ вопросъ, чѣмъ болѣе будемъ собирать данныхъ для его рѣшенія, тѣмъ скорѣе мы прійдемъ къ убѣжденію, что если эгоизмъ и вообще недостатки нѣкоторыхъ государственныхъ людей и служатъ помѣхой общему благу; тѣмъ не менѣе не они главные виновники всего существующаго зла, а совершенно другія обстоятельства. Лучшимъ доказательствомъ тому, что не отъ этихъ людей зависитъ уничтоженіе и искорененіе зла, можетъ служить, между прочимъ, то, что и геніальнѣйшіе, благороднѣйшіе, во всѣхъ отношеніяхъ, государственные люди не имѣютъ возможности одержать надъ нимъ полную побѣду: они только парализируютъ, мало-по-малу, исподоволь, его силы и очищаютъ дорогу добру. Допустимъ, что и геніи административные ошибаются; согласимся, что и они не вполне обладаютъ государственною мудростью; но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ не столько возставать противъ нихъ и ихъ ошибокъ, сколько указывать имъ на нихъ; а вотъ этого-то именно и не дѣлаютъ, и неспособны дѣлать публицисты и ораторы, которые приписываютъ всѣ роды существующихъ золъ правительствамъ и государственнымъ людямъ. А что дѣйствительно эти публицисты и ораторы

неспособны къ тому, такъ это доказывается самими ихъ нападками и выказывающимся такимъ образомъ непониманьемъ дѣла: зло, противъ котораго они возстаютъ, зависитъ не столько отъ качествъ современныхъ государственныхъ людей, сколько отъ другихъ причинъ.

Такихъ причинъ нѣсколько, но всѣ они подходятъ подъ двѣ категоріи, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ причины, объясняющія историческое происхожденіе и какъ степень развитія, такъ и характеристику современнаго общества; а вторая состоитъ изъ причинъ и обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ несовершенство не только практики, но и науки административной. Впрочемъ, и эта послѣдняя категорія причинъ можетъ быть отнесена къ первой, такъ-какъ состояніе и развитіе науки вообще и наукъ политическихъ въ-особенности подлежатъ историческимъ условіямъ и не отстаютъ отъ челоѣчества. Потому-то и причины этой категоріи можно отнести къ первымъ, историческимъ.

Извѣстно, какимъ образомъ составилось нынѣшнее европейское общество. Если-бъ исторія и не доставляла намъ несомнѣнныхъ и достаточныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, если-бъ даже и вовсе не было исторіи, какъ науки; то и въ такомъ случаѣ достаточно было бы одного внимательнаго изученія современнаго европейскаго общества, строгаго и подробнаго анализа его быта и духа, чтобъ прійти къ убѣжденію, оправдываемому и доказываемому исторіею, а именно, что общество это образовалось изъ двухъ элементовъ: побѣдителей и побѣжденныхъ. Побѣда и торжество однихъ, пораженіе и тягостное иго другихъ, а съ этимъ вмѣстѣ и постоянная борьба между этими двумя элементами лежитъ еще черною, обрызганною кровью и зна-

ками рабскаго и крѣпостнаго труда, печатью на современномъ обществѣ. Рабамъ во многихъ мѣстахъ не только предоставлена полная свобода, но дарованы и всѣ гражданскія права; но тѣмъ не менѣе, если уже нѣтъ на тѣлѣ ихъ знаковъ прежняго рабства, то въ образѣ ихъ жизни, и, что еще хуже, въ понятіяхъ и чувствахъ, даже потомства ихъ, остались слѣды прежняго состоянія. Бывшіе рабовладѣльцы и потомки ихъ остаются еще способными, по чувствамъ и понятіямъ своимъ, быть рабовладѣльцами. Исключенія изъ этого общаго правила только подтверждаютъ его. Намъ возразятъ, быть можетъ, многіе, что борьба между побѣдителями и побѣжденными давно уже прекратилась, что слились они, почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, въ одно цѣлое, что теперь не-для-чего продолжать имъ прежнюю борьбу, что повсюду монархическая власть сдѣлала ее даже невозможною, да притомъ-же Французская революція и слѣдовавшіе за ней перевороты окончательно порѣшили это дѣло—провозглашеніемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, полной гражданской свободой и т. п. Знаемъ, что такое мнѣніе въ большомъ ходу; мы сами раздѣляли его нѣкогда — въ блаженные, полнаго довѣрія къ историческимъ учебникамъ, лѣта; но теперь мы убѣждены, что и это мнѣніе принадлежитъ къ числу тѣхъ-же ходячихъ мнѣній, о которыхъ было упомянуто въ началѣ этой статьи, именно къ мнѣніямъ, которыя принимаются большинствомъ безъ строгой, а иногда и безъ всякой повѣрки; а потомъ повторяются имъ и переходятъ изъ рода въ родъ какъ непреложныя истины. *Поскоблите немножко современнаго челоѣка*, и вы увидите, кто изъ насъ правъ; вы убѣдитесь, что недалеко ушелъ современный ари-

стократъ отъ феодальнаго барона, современный семинаристъ отъ средневѣковаго монаха, современный свободный земледѣлецъ отъ прежняго раба. Правѣ ихъ, политическія и гражданскія, уже не тѣ, другія, да понятія—то ихъ большею частию тѣ-же. Великое дѣло — положительное законодательство; но духъ народонаселенія важнѣе и могущественнѣе его. Первое можетъ быть измѣнено, передѣлано, перетолковано, по благоусмотрѣнію *сильныхъ земли*; второй можетъ быть только *направленъ* къ лучшему, не по волѣ, а по вдохновенію, по указанію разума, по призванію *сильныхъ духомъ*... Революціи переворачиваютъ все вверхъ дномъ въ государствахъ, превращаютъ побѣдителей въ побѣжденных, провозглашаютъ новыя уложенія, издаютъ новые законы и пр. и пр.; но какъ бы новые законы и уложенія ни были хороши, какъ бы благодѣтельно ни было вліяніе ихъ на всѣ условія народнаго существованія; тѣмъ не менѣе не пересоздадутъ они народа, въ короткое время, въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, не исполнять для него дѣла десятилѣтій и вѣковъ, а только, въ счастливѣйшемъ случаѣ, посодѣйствуютъ ему. «Эти люди, говорилъ Наполеонъ I, о французскихъ дворянахъ, ничему не выучились и ничего не забыли;» то-же самое могъ бы онъ, по всей справедливости, сказать и о другихъ сословіяхъ. Дѣло времени исполняется только временемъ, какъ дѣло воспитанія — воспитаніемъ. Можно разными искусственными средствами заставить растеніе цвѣсти до срока, назначеннаго природой; можно вдолбить въ голову ребенку такія вещи, которыя пойметъ только взрослый и болѣе или менѣе развитый человѣкъ; но ни цвѣтъ такого растенія, ни подобное *знаніе* ребенка не только не при-

несеть надлежащихъ плодовъ, но не дастъ даже никакихъ, — и это еще хорошо, потому что подобный цвѣтъ, какъ и подобное знаніе, можетъ принести гнилой и вредный плодъ. Точно такъ-же бываетъ и съ народами. Революціи не даютъ имъ зрѣлости, для которой нужно время и опытъ, опытъ и время. Какъ бы прекрасно ни была написана книга, какъ бы умно, непременно и назидательно ни было наставленіе, или урокъ, но ни первая, ни второе не замѣнитъ строго-последовательнаго ученія, науки, школы. Такъ и революціи для народовъ не школы, а только уроки, — правда, полезные, грозные, страшные уроки; но все-таки только уроки, а не школы, которыя слѣдовало бы имъ пройти и, главное, *пережить*, чтобъ проникнуться убѣжденіями, понятіями и чувствами лучшими и высшими противъ прежнихъ. Нельзя не согласиться съ слѣдующимъ мнѣніемъ одного изъ даровитѣйшихъ современныхъ публицистовъ, Дюпонъ-Уайта: «Свобода, равенство, братство — громкія слова; но я не знаю другихъ, которыя бы менѣе ихъ прилагались сами-собою къ дѣлу. Революціи произносятъ ихъ къ вѣчной славѣ своей; но только привилегіи могутъ исполнять обѣщанія революцій. Еслибъ прогрессъ заключался въ одномъ разрушеніи, то достаточно было бы бури, чтобъ достигнуть его. Но прогрессъ есть примиреніе, соглашеніе (*accomodement*) между правами будущаго и прошедшаго, т. е. равновѣсіе, которое слѣдуетъ установить и поддерживать, а не просто взрывать» (*). Если-бъ революціи, прибавимъ мы, рѣшали ясно и быстро всѣ вопросы, нужные для установленія твердаго и прочнаго по-

(*) Dupont-White, L'Individu et l'Etat. Paris. 1857. page 40.

рядка вещей, — а такой порядок невозможенъ, гдѣ не удовлетворяются въ бѣльшей или мѣньшей, но вообще въ значительной степени, по требованіямъ правды и справедливости, правъ всѣхъ и каждаго; — то спрашивается: почему-же, на примѣръ, во Франціи, за первую, великой революціей, слѣдовали другія, особенно февральская? Не существуютъ-ли и до сихъ поръ еще причины, породившія какъ первую, такъ и послѣдующія революціи? Чѣмъ-же инымъ, какъ не существованіемъ подобныхъ причинъ, можно объяснить себѣ *благополучныя* царствованія: послѣ первой революціи — Наполеона перваго, а послѣ всѣхъ остальныхъ, послѣ либеральнѣйшей, февральской — Наполеона третьяго? «Свобода, братство, равенство» и Наполеонъ первый, министры: Шатобрианъ, Ришельё, Вилель, Перрьё, Гизо, Тьеръ и, наконецъ, генералъ Эспинасъ — неужели все это произведенія одной и той же политической лабораторіи? Самая тонкая, прозрачная, шелковистая ткань и самое грубое и жесткое полотно могутъ выдѣлываться, конечно, въ одной и той же странѣ, городѣ, даже, положимъ, фабрикѣ; но чтобы рѣшительно «всѣ» въ государствѣ носили то нѣжную ткань, то грубое полотно, по одной волѣ правительства, согласитесь, что это довольно странное и непонятное явленіе, для тѣхъ по крайней-мѣрѣ, которые сильно разсчитываютъ на революціи и на крики: «да здравствуютъ свобода, братство и равенство!» Почему-же въ Англіи не было и не можетъ быть Наполеоновъ? Что за причина тому? то-ли, что англійская конституція не походитъ ни на одну изъ бывшихъ французскихъ и еще мѣньше на современную, наполеоновскую конституцію, или то, что понятія, убѣжденія и чувства англійскаго народа могутъ доволь-

ствоваться только *подходящей*, то-есть сообразной съ ними конституціей? И что такое появленіе социализма и коммунизма, съ одной стороны, и бонапартизма, съ другой, какъ не продолженіе того-же *порядка* вещей, который не разъ уже разрѣшался во Франціи революціоннымъ безпорядкомъ? — Не смотрите на то, что формы и названія не прежнія, что нѣтъ почти и слѣдовъ прежнихъ формъ и названій: *духъ* ихъ еще уцѣлѣлъ, и феодализмъ еще живъ въ умахъ и сердцахъ большинства людей нашего времени. Онъ живъ еще не только въ западно-европейскомъ обществѣ, но и въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, не смотря на то, что образовались они не по образцу европейскихъ государствъ. И въ этомъ послѣднемъ явленіи нѣтъ ничего страннаго и невѣроятнаго: не новые народы образовали эти Штаты, а западно-европейскіе переселенцы, которые и внесли въ свое новое отечество свои средне-вѣковыя понятія, убѣжденія, чувства и вѣрованія, и потому не смотря на то, что для развитія новыхъ понятій и убѣждений было здѣсь болѣе простора, мѣньше преградъ, не было или почти не было главныхъ изъ нихъ — феодальнаго аристократизма и феодальнаго монархизма, — не смотря ни на что подобное, ни на успѣхи разума, средне-вѣковыя понятія, убѣжденія и вѣрованія *крѣпки* еще въ сердцахъ Сѣверо-американцевъ. А развѣ это не доказательство, что революціи несостоятельны въ дѣлѣ нравственно-духовнаго, единственно вѣрнаго и прочнаго прогресса? Пройти великій путь — великое дѣло; но и для того, чтобъ пройти уже пройденный, проложенный путь, нужны силы, и не все то по плечу большинству, что легко для истинно-передовыхъ людей. Иной предвидитъ и далекое будущее,

но многіе не видятъ и настоящаго, не понимаютъ и прошедшаго, не смотря на всѣ труды и объясненія ученыхъ и публицистовъ. А много-ли передовыхъ людей — не по *идейкамъ* и *убѣжденіямъ*, а по *жизни*? По *идейкамъ* — ихъ довольно, конечно; но по *убѣжденіямъ* — очень мало, къ сожалѣнію; а по *жизни* — еще менѣе. Развитый сѣверо-американецъ гордится, на примѣръ, тѣмъ, что имѣетъ право являться на европейскій придворный балъ въ черномъ фракѣ, а не въ золоченномъ, обязательномъ для другихъ, мундирѣ; но самая эта гордость его, если разобрать ее психологически (а психологическіе вопросы, конечно, важнѣе для человѣчества, нежели дипломатическіе) не далеко ушла, конечно, отъ нахальства средневѣковаго барона и чванства иного современнаго аристократа, — въ-особенности, если припомнить, что фракъ этого почтеннаго сѣверо-американскаго гражданина сшить можетъ-быть, по его джентельменскимъ понятіямъ, не рукою *человѣка*, а «вещью», т. е. рабомъ-негромъ или почти столь-же *презрѣлимымъ* креоломъ. Разберите хорошенько, физиологически и психологически, современное общество; обратите надлежащее вниманіе на побужденія и понятія большинства современныхъ людей, — большинства, для котораго такъ недоступна еще наука; загляните, по-возможности, въ души и тѣхъ, въ плоть и кровь которыхъ не проникла она, несмотря на ихъ болѣе или менѣе короткое знакомство съ нею; не пренебрегайте въ подобномъ анализѣ ничѣмъ, что характеризуетъ современныхъ личности, — и вы непременно прійдете къ слѣдующимъ, между-прочимъ, убѣжденіямъ. Вы убѣдитесь, во-первыхъ, въ томъ, что если современные намъ законы и государственныя уложенія лучше

прежнихъ, до-революціонныхъ, и т. п., то существованіемъ ихъ человѣчество обязано вовсе не революціямъ, а страданію предшествовавшихъ поколѣній, которымъ уже былъ не въ мочь прежній порядокъ вещей, и, главное, немногимъ истинно-передовымъ людямъ, бросившимъ въ міръ прекрасныя и честныя идеи и убѣжденія — при видѣ страданія своихъ ближнихъ. Страданія народныхъ массъ сдѣлали всѣ бывшія революціи возможными и дали силу имъ; идеи и убѣжденія передовыхъ людей осмыслили порывы передовыхъ революціонеровъ, которые, безъ этихъ идей и убѣждений, были бы только палачами, возставшими противъ — не только палачей, но даже и не-палачей, а совершенно невинныхъ людей, женъ и дѣтей. Во-вторыхъ, вы убѣдитесь, что если новые законы и уложенія улучшаютъ, въ ббльшей или мѣньшей степени, участь современныхъ поколѣній, то тѣмъ не менѣе далеко не очищаютъ ихъ окончательно, въ нравственно и умственно-духовномъ, а также и въ другихъ отношеніяхъ. По тому-то, главнымъ образомъ, и передѣляются такъ часто конституціи во Франціи, — бурбонская уступаетъ мѣсто орлеанской, орлеанская социалистской, эта республиканской, а республиканская бонапартисткой, — что большинство французовъ не доросло еще до сознанія своихъ правъ: иначе бы французы обходились безъ революцій и, подобно англичанамъ, не столько рассчитывали бы на свою конституцію, сколько на самихъ себя. Въ-третьихъ, вы убѣдитесь, наконецъ, что феодализмъ, феодальный духъ, еще не вымеръ въ современномъ обществѣ, что оно еще глубоко проникнуто имъ; но что живетъ уже онъ подъ совершенно иными, ббльшею частію, формами и наиме-

нованіями. Правительства, истинно-государственные и вообще истинно-передовые люди продолжают свою вѣчную борьбу съ нимъ, — подѣ-часть, въ большей или меньшей степени одолеваятъ его; но справиться съ нимъ окончательно еще не могутъ. Это подвигъ времени и, главное, просвѣщенія, которому далеко еще непричастно большинство народонаселеній; а безъ этого условія никакая побѣда разума и правды надъ предразсудками и неправдами не можетъ считаться полною и окончательною. Въ этомъ отношеніи и гениальнѣйшіе государственные люди, если и далеко не-бесильны, то далеко также и не всемогущи. Петръ Великій могъ создать флотъ и армію, сенатъ и коллегіи, заставить часть своихъ подданныхъ учиться и трудиться, поднять въ глазахъ ихъ, собственнымъ высокимъ примѣромъ своимъ, право и обязанность труда, и проч. — словомъ, онъ могъ совершить великую реформу; но пересоздать, переродить Россію онъ не могъ; не могъ даже и *выучить* немногому, чему хотѣлъ, — и то не всѣхъ, — а только крайне-небольшое число своихъ подданныхъ!

И какъ не видѣть этой борьбы правительствъ и, особенно, истинно-государственныхъ людей съ начальами, враждебными общественному благосостоянію? Какъ обвинять этихъ людей во злѣ, съ которымъ они борются, и борются потому только не съ постояннымъ успѣхомъ, что оно велико, и что одолѣть его — дѣло не только людей, но и времени и просвѣщенія? Спорунѣтъ, администрація великая сила; она способна облагодѣтельствовать народъ, возвысить его нравственность, расширить кругъ его понятій, дѣятельности и силъ вообще; но всего исполнить она не можетъ, и если

справедливо, что судьба и участь народовъ зависятъ отъ правительствъ, отъ администрацій, то не должно терять изъ виду и другой истины, а именно, что и дѣйствія вообще правительствъ, администрацій, зависятъ отъ степени просвѣщенія и образа мыслей подданныхъ. **Les peuples ont le gouvernement qu'ils méritent** — неоспоримая истина! Пора ужъ кончить споры о словахъ и заняться однимъ дѣломъ; пора понять, что въ мірѣ нѣтъ, не было и не можетъ быть ни *всемогущихъ* деспотовъ, ни республикъ безъ аристократіи, ни конституцій, которыя бы вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ обезпечивали правду въ судахъ и жизни. Такія конституціи были бы созданіями вѣковѣчными; такія республики такъ-же невозможны, какъ капиталы безъ капиталистовъ, какъ произведенія труда безъ тружениковъ. Всемогущество и деспотизмъ — понятія прямо противоположныя и взаимно-уничтожающіяся, какъ законъ и прихоть... Кто-то сказалъ: **Un gouvernement fort peut tout ce qu'il veut**. Можно смѣло утверждать, что высказать эту мысль вполнѣ-сознательно могъ только человекъ способный понимать государственныя дѣла и внимательный наблюдатель, по-возможности, всего-того, что творится въ мірѣ. Дѣйствительно, сильное — не только въ физическомъ, но и въ нравственно-умственномъ отношеніи — правительство можетъ все, чего хочетъ, потому-что для такого правительства *хотѣть* значитъ хотѣть справедливаго, а потому полезнаго, необходимаго и возможнаго; а все, что предписывается долгомъ, правдой и справедливостью, исполнимо не только для правительствъ, но и для каждаго изъ насъ. Это одинъ изъ неизмѣнныхъ и непреложныхъ нравственныхъ законовъ, управляющихъ міромъ, и

этотъ законъ столь-же безусловенъ, какъ и другой, подтверждающій его, а именно, что безнаказанно творить и малѣйшее зло не можетъ и не имѣетъ права никто, ни юридическія, ни физическія лица. Но не должно терять изъ виду и того, что не всѣ правительства одинаково сильны, особенно въ нравственно-умственномъ отношеніи, и что во всѣхъ отношеніяхъ сильное правительство — крайне-рѣдкое явленіе и невозможно въ странахъ необразованныхъ. Въ наше время, наиримѣръ, время еще многихъ предразсудковъ и самыхъ разнообразныхъ понятій о достоинствахъ и свойствахъ всевозможныхъ образцовъ правленія, конституцій и т. п., большая часть правительственныхъ силъ тратится на поддержку существованія правительствъ, и это одна изъ многихъ невыгодъ существующаго порядка вещей....

Еще лучшимъ доказательствомъ неосновательности многихъ жалобъ на правительства и государственныхъ людей служить то, что никто въ настоящее время не въ состояніи указать на всѣ истинныя и вѣрныя средства, какъ замѣнить нынѣшнія, болѣе или менѣе слабыя и даже дурныя административныя системы, другими, лучшими; по-крайней-мѣрѣ никто еще не исполнилъ этого удовлетворительнымъ образомъ. Да никто и не могъ этого исполнить, иначе-бы создалъ науку, которой еще нѣтъ. Уже многіе изъ образованныхъ людей понимаютъ теперь, что управлять государствомъ — не кое-какъ, а надлежащимъ образомъ — невозможно безъ правилъ, началъ и законовъ болѣе прочныхъ, чѣмъ бѣлая часть положительныхъ законовъ, что для этого необходимо знаніе, наука, — *политика*. А создана-ли такая *наука*? Нѣкогда, когда ни одно изъ прави-

тельствъ не сознавало своего назначенія, когда каждое изъ нихъ смотрѣло на подданныхъ своихъ какъ на товаръ, на свое достояніе, когда всѣ дѣйствія ихъ имѣли только одну цѣль — сохранить это достояніе и по-возможности увеличить его, тогда книга Маккіавелля *Il Principe* могла служить для нихъ руководствомъ и пользовалась вполне заслуженнымъ, въ извѣстномъ отношеніи, авторитетомъ. Теперь-же, при другомъ взглядѣ на вещи, и народовъ, и правительствъ, — по-крайней-мѣрѣ лучшихъ изъ этихъ послѣднихъ, — есть-ли хотя одна книга, которая могла-бы служить государственнымъ людямъ нашего времени такимъ-же руководствомъ, какъ упомянутое сочиненіе Маккіавелля служило для политиковъ прежнихъ вѣковъ и какъ оно еще служитъ для отсталыхъ дипломатовъ и администраторовъ нашего времени? Нѣтъ, — и нѣтъ именно потому, что при всей легкости, съ которой пишутся въ настоящее время книги, каждый, маломальски способный понять значеніе и цѣль политики, согласится, если не вслухъ, то въ душѣ своей, что еще не вполне созналъ все, что нужно, чтобъ написать подобное сочиненіе, чтобъ создать такую науку. По несчастному-же мнѣнію большинства какъ не призванныхъ политиковъ, такъ и другихъ, даже очень образованныхъ людей, политика не наука, а только искусство. Можетъ быть, и искусство, но въ такомъ случаѣ она — искусство не сознавать истинныхъ народныхъ интересовъ, творить зло по-праву сильного и противодействовать процвѣтанію государствъ и благосостоянію народовъ! Само-собой разумѣется, что такое мнѣніе не имѣетъ достаточнаго основанія; но трудно, если только не вовсе невозможно разувѣрить въ немъ большинство, особенно непризванныхъ полити-

ковъ. А между-тѣмъ общее убѣжденіе, что политика — наука, а не искусство, принесло-бы не-мало пользы человечеству, потому-что было-бы тогда несравненно болѣе, чѣмъ теперь, людей, которые понимали-бы, что блескъ, озаряющій большинство современныхъ политиковъ, происходитъ не отъ золота, а отъ мишуры; было-бы и болѣе людей, которые сознавали-бы, что управлять государствомъ и завѣдывать тѣми или другими государственными дѣлами не такъ легко, какъ это кажется многимъ, что для такой дѣятельности мало обыкновеннаго ума, обыкновенной смысленности, умѣнья и ловкости; а нужны, напротивъ, обширныя свѣдѣнія, спеціальныя способности, истинно-государственный умъ, душа, исполненная самой пламенной любви къ ближнему и сочувствія ко всему благому, великому и прекрасному; нужна тяжелая, трудовая жизнь, настоящая награда которой — не титулы, помѣстья, капиталы и даже не слава, а только сознание исполненнаго долга. вмѣстѣ съ этимъ уменьшилось-бы количество такихъ лицъ, которыя, къ немалому несчастію для человечества, безъ всякаго основательнаго подготовленія и надлежащихъ способностей, занимаютъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, высшія государственныя мѣста; уменьшилось-бы и число лицъ вообще, которыя, также безъ всякаго изученія общественныхъ дѣлъ и вопросовъ, судятъ и рѣшаютъ — вкривъ и вкось, разумѣется, — обо всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Общественныя дѣла должны интересовать все общество и каждаго члена его въ бѣльшей или мѣньшей степени, — нельзя взваливать всего на правительство; но нельзя и не должно также приниматься за общественныя дѣла и судить о нихъ, не имѣя на то права, приобретаемаго добросо-

вѣстнымъ изученіемъ общественныхъ нуждъ и вопросовъ.

III.

Не только политика и администрація, во всемъ объемѣ ихъ, но даже и отдѣльныя части администраціи, какъ науки, не разработаны удовлетворительнымъ образомъ. Несомнѣннымъ доказательствомъ тому можетъ служить теорія финансовъ, которою, однако, занималось и занимается несравненно-большее число людей, нежели другими политическими науками. По-крайней-мѣрѣ финансовыя вопросы и мѣры составляютъ бѣльшую частію главнѣйшую заботу нынѣшнихъ министровъ, государственныхъ людей и публицистовъ.

Современное состояніе финансовъ почти во всѣхъ государствахъ, — состояніе, какъ всѣмъ извѣстно, крайне-незавидное и во всякомъ случаѣ тягостное для народовъ, — служитъ яснымъ доказательствомъ, что, въ дѣлѣ общественныхъ золь, недостаточно указывать на нихъ и возставать противъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ ихъ виновниковъ, но что нужно еще указаніе на истинныя и существующія средства къ ихъ радикальному искорененію; а для отысканія и уразумѣнія такихъ средствъ необходимо учиться, учиться да учиться, не теряя напрасно золотого времени на малополезныя упреки другимъ за ихъ незнаніе и ошибки. Скоро и безъ труда отыскиваются такія средства только людьми, у которыхъ слишкомъ много самоувѣренности и слишкомъ мало любви и участія къ общественному благу, чтобъ жертвовать собою долгому и тяжелому

изысканію истинныхъ средствъ къ исцѣленію общественныхъ недуговъ. Истинно-передовые публицисты, литераторы, ученые и государственные люди нашего времени, власть которыхъ надъ умами современниковъ довольно значительна и сильна, оказали бы великую услугу человечеству, если-бъ внушили всѣмъ мало-мальски образованнымъ людямъ, что не столько спасенія и блага для всѣхъ и каждаго въ томъ или другомъ образѣ правленія, въ той или другой конституціи, администраціи, и въ томъ или другомъ положительномъ законодательствѣ, сколько въ ученіи, знаніи, наукѣ и благихъ результатахъ ихъ... Наука въ союзъ съ трудомъ создала желѣзныя дороги, пароходы, громоотводы, электрическіе телеграфы и пр. и пр. Она-же создастъ и въ-полномъ-смыслѣ хорошіе положительные законы, администраціи, конституціи, невозможныя безъ сознанія и полного уразумѣнія тѣхъ естественныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, которые предначертаны не людьми, а Провидѣніемъ. Политическая экономія, напримѣръ, потому-только и оказала уже столько услугъ человечеству, въ короткое время своего существованія, что начала съ изученія и разъясненія такихъ законовъ. *Практика-же и теорія финансовъ потому именно и неудовлетворяютъ вообще насущнымъ и настоящимъ потребностямъ обществъ, что пренебрегаютъ такими законами.* Сознавая зло, а частію и причины его, занимающіеся, какъ теоретически, такъ и практически, финансовыми вопросами еще не нашли, или по-крайней-мѣрѣ, не указали на средство уничтожить его, и нынѣшніе далеко не совершенные приемы финансовой администраціи замѣнить лучшими, вполне рациональными. Въ этомъ отношеніи наука финансовъ, въ настоящемъ состояніи

своемъ, еще не можетъ оказать дѣйствительнѣйшую пользу, во многихъ случаяхъ по-крайней-мѣрѣ. Она еще не сказала своего послѣдняго слова и, по всей вѣроятности, еще не скоро произнесетъ его. Она еще не наука, по нашимъ понятіямъ, а только собраніе, болѣе или менѣе систематическое, матеріаловъ для нея. Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ, конечно, не согласятся тѣ, которые придаютъ теоріи финансовъ значеніе науки, стоящей уже на высокой степени развитія. Но намъ не трудно доказать справедливость нашихъ словъ, т. е. что современная теорія финансовъ еще не наука въ строгомъ смыслѣ этого выраженія; не трудно также доказать и необходимость для всѣхъ еще долгаго и прилежнаго изученія и финансовыхъ, какъ и другихъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ.

Не говоря уже о томъ, что приемы финансовой администраціи и всѣ вообще фискальныя мѣры, кромѣ немногихъ и рѣдкихъ исключеній, повсюду громко заявляютъ существованіе какого-то финансового искусства, и этимъ уже свидѣтельствуютъ, что науки финансовъ еще нѣтъ, или по-крайней-мѣрѣ, что она вовсе неизвѣстна завѣдывающимъ финансами (а подобное явленіе, разумѣется, невозможно въ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ), самыя руководства и всѣ сочиненія по части финансовой администраціи, носящія названія «Науки или Теоріи финансовъ», «Теоріи финансовой администраціи», и пр., служатъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію своему, неопровержимымъ доказательствамъ, что современная теорія финансовъ еще не наука.

Государственнымъ людямъ вообще, какъ даровитымъ, такъ и бездарнымъ, завѣдывающимъ финансами, кричать: «вы не такъ дѣйствуете, вы не умѣете распоря-

жаться и управлять финансами; вы только обременяете и отягощаете народъ налогами» и прочее тому подобное; но вмѣстѣ съ этимъ не указываютъ имъ вообще, *надлежащимъ образомъ*, какъ именно слѣдовало-бы имъ дѣйствовать, управлять финансами; а если и *указываютъ* подъ-часть, то не *доказываютъ* неопровержимыми данными и фактами, почему именно имъ слѣдуетъ дѣйствовать такъ, какъ имъ совѣтуютъ, а не иначе. Что финансовыя системы большей части государствъ дурны и шатки, что почти повсюду налоги — тяжелое иго для народонаселеній и дѣйствуютъ на благосостояніе народовъ не только не лучше, но часто даже хуже непріятельскихъ нашествій, въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія: факты на лицо. Если же, не смотря на существующія финансовыя мѣры, стѣсняющія на каждомъ шагу трудъ и дѣятельность вообще, препятствующія правильному развитію благосостоянія народонаселеній, достояніе человѣческаго рода тѣмъ не менѣе не уменьшается, а напротивъ, увеличивается съ каждымъ годомъ; то причина тому — изумительная производительность человѣческаго труда. Понимать, что есть зло и даже видѣть его, еще не значитъ — уметь справляться съ нимъ и быть способнымъ къ его искорененію. Больной, чувствуя боль, можетъ не знать, какъ помочь и себѣ, не только другимъ, страдающимъ одинаковымъ съ нимъ недугомъ. Для полного сознанія зла необходимо и полное сознаніе его причинъ; а для того, чтобъ имѣть право указывать другимъ, какъ искоренить его, нужно еще сознаніе радикальныхъ къ тому средствъ и обладаніе ими. Ясно, что если-бъ теорія финансовъ, въ настоящемъ своемъ состояніи, была наука, въ строгомъ смыслѣ слова; то, конечно, подоб-

ные крики и жалобы на государственныхъ людей раздавались бы гораздо рѣже какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ: ошибки финансовой администраціи замѣчались бы тотчасъ-же, тотчасъ-же объяснялись бы и причины ихъ, а съ этимъ вмѣстѣ указывались бы и радикальныя средства къ ихъ исправленію. Теперь-же только раздаются крики о злѣ, о нераціональности системъ, или большею частію такъ, и предлагаются новыя системы — столь-же, если только не болѣе нераціональныя, какъ и существующія. Рутиня, такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ имѣть опаснаго врага въ современной теоріи, находитъ нравственную поддержку себѣ — въ нравственномъ безсиліи ея, этой теоріи, и ея сторонниковъ. Давно началась и постоянно продолжается эта борьба теоріи и практики, а результаты ея невелики. Рутиня сознается подъ-часть, что она не безгрѣшна, что тяжело отъ нея людямъ; но оправдывается тѣмъ, во-первыхъ, что и теорія не безгрѣшнѣе ея; а во-вторыхъ, что финансовая администрація вообще такое же неизбежное зло, какъ и война; что, значить, не она, рутиня, виновата въ творимомъ ею злѣ, а несовершенство породы человѣческой, — что тамъ, гдѣ люди, тамъ и зло, и тому подобными *неопровержимыми* доводами и фактами. Нынѣшняя же теорія финансовъ, величающая себя преждевременно наукой, продолжаетъ вооружаться и дѣйствовать противъ рутины — и не безосновательно; но указывая ей на приемы и мѣры, которые считаетъ рациональными, она не подозреваетъ, что сама нерѣдко жестоко ошибается въ своей непогрѣшимости и непреложности. Съ другой стороны, инстинктивно чувствуя свое безсиліе, она дѣлаетъ рутинѣ значительныя уступки, на которыя никогда бы не могла

рѣшиться, если-бъ имѣла достоинства и значеніе науки. Теорія должна быть руководящимъ умомъ-разумомъ практики, законодательницей ея; современная-же теорія финансовъ не болѣе и не менѣе, какъ «нѣсколько идеализированный портретъ финансовой рутины». По этой-то причинѣ она не приходитъ и не ведетъ къ значительнымъ *положительнымъ* результатамъ; по-крайней мѣрѣ польза и вліяніе ея далеко не таковы, какъ бы слѣдовало ожидать отъ *науки*, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ справедливости и основательности сказаннаго здѣсь нами, конечно, не усомнятся тѣ, которые болѣе или менѣе коротко-знакомы съ литературой и практикой финансовой, и кромѣ того, надѣлены еще тѣмъ административно-финансовымъ *чувствомъ*, которое столь-же необходимо для оцѣнки финансовыхъ вопросовъ, мѣръ и средствъ, какъ необходимо эстетическое чувство для сужденія о произведеніяхъ искусства. Чтобъ убѣдить въ справедливости нашихъ словъ и другія лица, обратимъ вниманіе ихъ на нѣсколько сочиненій по этой части, достоинства которыхъ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію.

1) «*Теорія Налоговъ*», *Николая Ивановича Тургенева*. Не смотря на то, что книга эта напечатана болѣе сорока лѣтъ тому назадъ (*), она и теперь имѣетъ несомнѣнныя достоинства, кромѣ своего историческаго значенія. Отъ каждой страницы ея вѣетъ самую теплую, неподдѣльную любовью къ человѣчеству и стремленіемъ къ добру и правдѣ; а это можно сказать только о рѣдкой книгѣ, содержаніемъ которой служить, — какъ кажется многимъ, чуть-ли не всѣмъ, — такой *сухой*,

(*) Первое изданіе въ 1816, а второе въ 1819 году.

безчувственный предметъ, какъ финансы. Всѣ данныя, которыя можно было собрать въ то время, были извѣстны ея автору, и самыя лучшія изъ современныхъ намъ сочиненій о налогахъ недалеко ушли отъ нея. Что можно еще прибавить въ похвалу этой книгѣ? Ею по-справедливости можетъ гордиться русская литература; гордились бы и всѣ другія, если-бъ она была извѣстна, въ свое время, иностранцамъ. Не смотря, однако, на ея дѣйствительныя достоинства, въ ней не мало и промаховъ, которыя вполнѣ объясняются эпохой ея появленія. Г. Тургеневъ поклонникъ Адама Смита и Сэя. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ въ своей книгѣ:

«Многіе писатели брали на себя бесполезный трудъ «доказывать несправедливость нѣкоторыхъ налоговъ. Они, на примѣръ, утверждали, что подать съ оконъ «несправедлива, потому-что правительство не имѣетъ «права лишать подданныхъ дневнаго свѣта. Такими «опроверженіями можно доказать несправедливость многихъ, если не всѣхъ налоговъ. Каждый налогъ имѣетъ «свои неудобства. Надлежитъ только, при введеніи налоговъ, избирать тѣ изъ нихъ, кои сопряжены съ меньшими неудобствами. Къ сему можно примѣнить слова «Бентама, (*Traité de législation, t. I, p. 79*), сказанныя о законахъ: «Правительству, какъ врачу, предстоитъ одно дѣло: избирать меньшее зло. Всякой законъ есть зло, ибо всякой законъ есть нарушеніе свободы». Такъ точно и каждый налогъ есть зло, ибо онъ «лишаетъ платящаго части его собственности: надлежитъ только съ искусствомъ избирать сіе зло, т. е. «надлежитъ избирать легчайшее....»

«Правила, какъ политики вообще, такъ и народнаго хозяйства, и финансовъ въ-особенности, начертаны и

«утверждены безсмертнымъ Ад. Смитомъ и его послѣдователями.» *стр. 14 и 15-ая 2-го изданія...* «Замѣтимъ однажды навсегда, что въ области финансовъ «открытія невозможны. «Новыя великія идеи, по части финансовъ, суть одна только пустая мечта», сказалъ Неккеръ, послѣ долговременнаго опыта. (*Dernier Compte rendu à l'Assemblée nationale*). *Ibid. стр. 18.*

Г. Тургеневъ жестоко ошибается или, правильнѣе, ошибался, когда писалъ вышеприведенныя строки. И теперь еще финансовыя вопросы не рѣшены окончательно, по-крайней-мѣрѣ наибольшая часть ихъ. Нѣтъ, «не законъ зло, а дурной законъ»; хорошій-же законъ есть благо, не нарушающее, а, напротивъ, содѣйствующее свободѣ и обусловливающее ее. *Das Gesetz nur kann uns Freiheit geben* (*), сказалъ великій Гёте. То-же можно и должно замѣтить и о налогахъ вообще, о чемъ мы и распространимся ниже. Допускаемая, на примѣръ, налоги на двери и окна, и стоя горой за нихъ, авторъ «Теоріи налоговъ» представляетъ несомнѣнное доказательство, что наука финансовъ далеко еще не сказала своего послѣдняго слова. Въ самомъ дѣлѣ, что такое налогъ на окна и двери? На свѣтъ божій и на крайне, безусловно-необходимыя удобства и условія жизни. Такой налогъ ужъ точно *налогъ*, то-есть такая финансовая мѣра, которая по-неволѣ должна представляться умамъ податныхъ лицъ чѣмъ-то въ родѣ тяжёлой контрибуціи, налагаемой жестокимъ побѣдителемъ на несчастныхъ побѣжденныхъ, по правилу: *vae victis*, горе побѣжденнымъ! Хороша должна быть администрація, которая руководствуется, между прочимъ, и

(*) См. стихотвореніе: *Natur und Kunst*.

подобнымъ правиломъ! Если-бъ авторъ «Теоріи налоговъ» могъ быть министромъ финансовъ, то, конечно, былъ-бы такимъ, какого трудно, почти невозможно замѣнить другимъ, какъ незамѣнимы Кольберы, Тюрго, Ревентловы, Роберты Пили, Бруки, — порукой чему служитъ его книга, его способности и свѣдѣнія, а, главное, его неподдѣльная, истинная любовь къ человѣчеству, *ce feu sacré, cet amour du bien, qui seul fait faire les grandes choses*, какъ сказалъ Наполеонъ I. Но вмѣстѣ съ этимъ необходимо и предполагать, что финансовая практика и тѣ свѣдѣнія, которая-бы доставила она ему, очень скоро навела бы и его на истинное убѣжденіе, что если нѣкоторые изъ допускаемыхъ и оправдываемыхъ имъ налоговъ и могутъ существовать и держаться въ какой-либо странѣ, какъ, на примѣръ, въ Англіи, то это только съ условіемъ болѣе или менѣе непростительнаго невѣдѣнія и равнодушія, со стороны администраторовъ, къ стѣсненіямъ, которымъ подвергаютъ народъ подобныя фискальныя мѣры. Оправдывать административное зло необходимостью, — а подобные налоги суть такое зло, — то-же, что оправдывать средство цѣлями, чего не можетъ допустить нравственность, не должна допускать и администрація. И эта, подобно закону, должна быть выраженіемъ и орудіемъ правды.

2) *Grundsätze der Finanzwissenschaft, von Dr. Karl Heinrich Rau* — образцовое, строго-систематическое руководство, представляющее результатъ всего, что добыто наукой по настоящее время. Всѣ части этого сочиненія обработаны съ знаніемъ дѣла и должнымъ вниманіемъ къ нему. Г. Рау принадлежитъ къ первокласснымъ ученымъ по части политическихъ наукъ, и рѣшительно-первое мѣсто занимаетъ онъ между

ними, какъ составитель руководствъ. Но и самыя достоинства сочиненія его показываютъ, что теорія финансовъ далеко еще не дозрѣла до степени науки, и что она не что иное, какъ систематическое собраніе болѣе или менѣе разработанныхъ данныхъ для нея, для будущей науки, — собраніе, приправленное разными, частію полезными и удачными, частію бесполезными и вредными, наставленіями финансовой практикѣ. Между тѣмъ, автора этой книги никакъ нельзя назвать теоретикомъ, въ узкомъ, обидномъ значеніи этого слова; онъ, напротивъ, практикъ, опирается на практику, боится окомпрометировать себя въ глазахъ ея. Да вотъ бѣда: такая опора, какъ современная финансовая практика, хороша далеко не во всѣхъ отношеніяхъ и дорожить ея мнѣніемъ — тѣ-же, что придавать излишнее значеніе отзываютъ безнравственнаго человѣка, равнодушнаго къ страданіямъ и благу своихъ ближнихъ. Финансовая администрація, которая-бы руководствовалась, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, сочиненіемъ г. Рау (какъ и всѣми другими, въ болѣе или мѣнѣе степени обязанными ему своимъ существованіемъ или походящими на него въ своихъ положеніяхъ и выводахъ), представляла-бы почти всѣ тѣ-же недостатки, которыми изобилуетъ значительная, наибольшая часть современныхъ финансовыхъ администрацій. Эти сочиненія, эти руководства, эти «теоріи финансовъ» — не болѣе, не менѣе, какъ только «своего рода идеализированные портреты существующихъ администрацій». Правда, въ администраціи, которая бы руководствовалась исключительно подобными сочиненіями и не выходила изъ правилъ, изложенныхъ въ нихъ, не было-бы грабежей и злоупотребленій, какіе мы видимъ, на примѣръ, въ турецкой ад-

министраціи, а былъ-бы, напротивъ, строгій порядокъ; но на этомъ порядкѣ лежала-бы печать тѣхъ *фортелей*, противъ которыхъ такъ справедливо и такъ мастерски возстаетъ г. Ламанскій, въ статьѣ своей о баронѣ Брукѣ и его административной дѣятельности; (*) а эти *фортели* тоже своего рода грабежи, только съ именемъ установленныхъ законодательною властью податей и повинностей, отъ которыхъ не легко ни народамъ, ни правительствамъ, и хорошо, — впрочемъ, болѣею частію на-время только, — однимъ *фортелицкамъ*. Разумѣется, во всемъ этомъ виновать не г. Рау, не предшественники и не послѣдователи его, а историческія обстоятельства. Если-бы изслѣдователи финансовыхъ вопросовъ могли собрать столько данныхъ, сколько нужно ихъ для возведенія зданія или по-крайней-мѣрѣ проекта зданія финансовой науки, то, конечно, трудно было-бы найти человѣка, который исполнилъ-бы это дѣло добросовѣстнѣе и лучше г. Рау.

3) Тѣ-же или почти тѣ-же самое можемъ мы сказать и о сочиненіи г. Горлова «Теорія финансовъ», а также и о другихъ подобныхъ сочиненіяхъ.

4) Возьмемъ теперь болѣе спеціальное сочиненіе, на примѣръ «*Исторію общихъ податей съ собственности и дохода*», г. Парьё. (**) Авторъ этой книги соединяетъ въ себѣ знанія ученаго съ званіемъ и способностями государственнаго человѣка. На каждой страницѣ его книги лежитъ печать замѣчательной учености и добросовѣстнаго труда. Г. Парьё какъ нельзя лучше

(*) Въ Экономическомъ Указателѣ 1857 г.

(**) Histoire des impôts généraux sur la propriété et le revenu, par M. F. Esquiou de Parieu. Paris, 1856.

воспользовался высокимъ положеніемъ своимъ въ государственной іерархіи, чтобъ написать эту книгу, добыть какъ можно болѣе данныхъ для науки и оказать ей важную услугу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи цѣль его вполнѣ достигнута: книга его занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ современной финансовой литературѣ; но съ этимъ вмѣстѣ подтверждаетъ, къ сожалѣнію, и все высказанное нами о современной теоріи финансовъ. Г. Парьё старается доказать неосновательность существующихъ предубѣжденій противъ *подходной* подати; но, не смотря ни на ученость, ни на способности свои, не успѣваетъ въ этомъ. По всему видно, что подходная подать — любимая мечта автора, какъ и многихъ другихъ лицъ, занимающихся финансовой теоріей или практикой, или той и другой вмѣстѣ. Прибавить подходную подать къ другимъ податямъ значитъ — только увеличить число золъ, т. е. въ одно и то-же время, обложить новымъ налогомъ трудъ гражданъ, противодѣйствовать составленію капиталовъ и нанести новый, жестокій ударъ недвижимой собственности; а эта послѣдняя и безъ того уже довольно страдаетъ, въ наше время, какъ отъ повинностей, лежащихъ на ней, такъ и отъ разныхъ превратныхъ теорій, производящихъ вредное вліяніе на ея развитіе. Подходная подать, какъ извѣстно, падаетъ преимущественно на недвижимую собственность, что, конечно, противно и правдѣ, и всѣмъ вообще интересамъ государствъ и народовъ. Замѣнить-же этой податью всѣ остальные — дѣло невозможное по сознанію всѣхъ защитниковъ ея; да если-бъ и оказалось оно возможнымъ, то и въ такомъ случаѣ болѣшая часть ея тяжести падала-бы все-таки опять на недвижимую собственность.

Эта подать не осуществима, но не потому, какъ думаютъ ея сторонники, чтобъ челоѳчество не доросло до нея, а потому, что самая идея такой подати не сознана надлежащимъ образомъ. Сущность идеи «одной общей подати» вѣрна; но въ настоящемъ своемъ развитіи она не болѣе, какъ предчувствіе чего-то благого; она — только-что заражающаяся почка, незамѣтная для невооруженнаго глаза, и цвѣтъ которой еще неизвѣстенъ, потому-что наука еще не подмѣтила его и не опредѣлила другихъ признаковъ растенія, на которомъ онъ показывается, — даже не дала еще настоящаго имени этому растенію. Мысль о подходной подати есть одно изъ самыхъ неопровержимыхъ и явныхъ доказательствъ несостоятельности современной теоріи финансовъ, видящей въ замѣнѣ такую податью всѣхъ остальныхъ — идеаль, къ которому должно стремиться; но въ то же время, хотя и неохотно, она сознается, что этотъ идеаль — неосуществимъ. А почему-же онъ неосуществимъ? Потому, что въ созданіи его участвуетъ, — кромѣ основательнаго недовольства существующимъ порядкомъ вещей, — еще воображеніе, а не разумъ, вполнѣ сознающій какъ дѣйствительность, такъ и причины существующей въ ней неурядицы. Потому также идеаль этотъ — только искусственное (мы не говоримъ: художественное) созданіе, а не плодъ разума и ума, просвѣтленнаго и обогащеннаго наукой и опытомъ. Пусть поборники и сторонники этой подати вникнутъ хорошенько въ сущность *дохода* и отношеній его ко всѣмъ условіямъ народнаго богатства, и они убѣдятся, что онъ *не можетъ и не долженъ* быть предметомъ (*assiette*) подати, по-крайней-мѣрѣ — подати рациональной; или-же они должны будутъ довольство-

ваться одними тѣми видами и результатами ея, которые представляютъ намъ Англія и нѣкоторыя другія страны, въ которыхъ она уже введена. Г. Паррѣ пришелъ-бы, безъ всякаго сомнѣнія, къ такому-же убѣжденію, еслибъ подвергнувъ подробному анализу эту подать и вліяніе ея на движимыя и недвижимыя имущества, денежныя и другіе капиталы. Не даромъ практическая Англія недовольна ею и возстаетъ противъ нея; не даромъ также всею тяжестью своей падаетъ она преимущественно на владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, и безъ того уже обремененныхъ налогами; не даромъ, наконецъ, г. Гладстонъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей нашего времени, вводитъ ее — для противодѣйствія военнымъ тенденціямъ въ своемъ отечествѣ: понимаетъ онъ, что подобная подать хуже всякой войны! Гдѣ же въ ней выраженіе и требованіе правды и справедливости? И что такое наука, идеалъ которой — неосуществимъ и, кромѣ того, нравственный уродъ?

Таковы болѣе или менѣе и другія, лучшія сочиненія по части финансовъ; таковы также въ болѣе или менѣе степени и результаты ихъ. Не смотря на обширность свѣдѣній и несомнѣнность способностей, а также и добросовѣстность ихъ авторовъ, теорія финансовъ, отъ такихъ сочиненій, подвигается впередъ крайне-медленно. Политическія науки, кромѣ политической экономіи, не имѣютъ еще своихъ Ньютоновъ, Кювье; а потому невозможны еще для нихъ ни Александры Гумбольдты, ни Леверрье.

Но неужели, спросятъ насъ, быть можетъ, нѣкоторые изъ читателей, всѣ вышеозначенныя и подобныя имъ сочиненія, плоды неутомимыхъ трудовъ, долгихъ наблюденій и рѣдкихъ способностей, не принесли и не

приносятъ своей доли пользы финансовой практикѣ, и всѣ болѣе или менѣе бесполезны въ этомъ отношеніи? Само-собой разумѣется, что нѣтъ, — что они не бесполезны, а, напротивъ, полезны въ высшей степени. Вмѣстѣ съ этимъ нѣкоторыя изъ нихъ приносятъ огромную пользу и самой наукѣ, и хотя крайне-медленно, но тѣмъ не менѣе все-таки подвигаютъ ее впередъ, доставляя ей, мало-по-малу, новые матеріалы и данныя. Въ строгомъ смыслѣ, не только подобныя сочиненія, но и самыя голословныя жалобы на ошибки и промахи администраціи приносятъ нѣкоторую пользу, хотя и отрицательную только. Притомъ-же эти сочиненія все-таки болѣе или менѣе потрясаютъ самоувѣренность рутинѣровъ и внушаютъ имъ осторожность и умѣренность, на сколько это возможно и полезно при современной финансовой практикѣ и взглядѣ рутинѣровъ на значеніе и цѣль финансовъ. Борьба современной теоріи финансовъ съ рутинной походитъ на борьбу гомеопатіи съ аллопатіей. Обѣ системы лѣченія опираются, какъ извѣстно, на природу вещей или, по крайней-мѣрѣ, предполагаютъ и утверждаютъ, что опираются на нее; обѣ приписываютъ себѣ основательность и рациональность, а потому и будущую, полную и окончательную, побѣду надъ соперницей, рѣшительное торжество и преобладаніе. По всей-же вѣроятности, ни одна изъ нихъ, безъ помощи другой, а также и всѣхъ остальныхъ, болѣе или менѣе основательныхъ, системъ лѣченія, не одержитъ окончательной побѣды. Само-собой разумѣется, что и въ настоящее время борьба ихъ приноситъ пользу какъ медицинѣ, такъ и медикамъ, а потому и всему человѣчеству. Чуть-ли не каждый изъ аллопатовъ смѣется надъ гомеопатами и

гомеопатическими каплями, осуждаетъ ядовитость ихъ и, въ то-же время, беретъ выпить всю гомеопатическую аптеку; но и самые отъявленные противники гомеопатіи сознаются, если не въ слухъ, то въ душѣ, что она принесла пользу своимъ появленіемъ и борьбой съ аллопатіей: она навела аллопатовъ на вѣрную и благотворную мысль, что для излеченія болѣе части болѣзней достаточно небольшихъ приемовъ, не нужно и не слѣдуетъ вливать въ пациентовъ цѣлыя бутылки и ведра лѣкарствъ, потому-что отъ такого огромнаго количества снадобій улучшается не здоровье больныхъ, а только состояніе аптекарей. Такъ и борьба финансовой теоріи съ финансовой рутинной наводитъ эту послѣднюю на благую мысль, что не всегда, требуя многого, получаешь много, столько, сколько требуешь, и что при умѣренномъ требованіи часто получаешь болѣе ожидаемаго. Но, къ несчастію, эта благая мысль, — не смотря на то, что польза ея несомнѣнна, и что на сторонѣ ея авторитетъ такихъ геніальныхъ министровъ, какъ, напримѣръ, Гускисонъ и Робертъ Пиль, — эта благая мысль менѣе дѣйствуетъ на финансовыхъ рутинѣровъ, нежели мысль о величинѣ и количествѣ приемовъ на аллопатовъ. Причина тому, безъ всякаго сомнѣнія, заключается въ томъ, что аллопаты *предписываютъ, совѣтуютъ* своимъ пациентамъ *покупать и принимать* лѣкарства, а наши рутинѣры *требуютъ*, чтобъ пациенты ихъ, податныя лица, *платили и вносили* подати. Не отъ однихъ обстоятельствъ, — и отъ сердца человеческого зависятъ различныя взгляды на вещи и дѣйствія людей! Всѣмъ намъ легче свыкнуться съ мыслью, что *давал* иногда менѣе, приносишь болѣе пользы тому, кому даешь, нежели съ мыслью, что *требуютъ* менѣе,

получишь болѣе, чѣмъ при неумѣренномъ требованіи. Нѣтъ, шепчетъ намъ сердце, люди глупы и алчны, — не потребуй отъ нихъ многого, такъ не дадутъ и необходимо-нужнаго....

Нѣтъ, эти сочиненія далеко не бесполезны; эта борьба теоріи съ рутинной необходимое условіе, *conditio sine qua non*, будущаго торжества и окончательной побѣды истинныхъ началъ надъ правилами, предразсудками и приемами рутины. Строящееся зданіе финансовой науки будетъ столько-же обязано, будущимъ окончаніемъ и совершенствомъ своимъ, этимъ и имъ подобнымъ сочиненіямъ, столько-же, не менѣе, а можетъ быть и болѣе, сколько и административному генію истинныхъ министровъ финансовъ, т. е. министровъ по призванію, потому что такіе министры всегда хорошо знакомы съ результатами науки, пользуются ими и далеко не безучастны въ ея развитіи, а, напротивъ, значительно содѣйствуютъ ему. Робертъ Пиль никогда не рѣшился-бы на самыя лучшія изъ совершенныхъ имъ реформъ, обезсмертившихъ имя его, еслибъ не пользовался сочувствіемъ и содѣйствіемъ людей коротко знакомыхъ съ данными и выводами современной науки. Г. Гладстонъ, въ министерствѣ и въ оппозиціи, смѣло продолжаетъ мѣрами, предлагаемыми имъ, реформы, столь счастливо начатыя славнымъ Гускисономъ, потому-что коротко знакомъ съ теоріей и практикой, и понимаетъ что истинно и что ложно какъ въ той, такъ и въ другой. Баронъ Брукъ преобразовываетъ экономическій бытъ Австріи, — не смотря на всѣ, встрѣчаемыя имъ на каждомъ шагу противодѣйствія, — съ смѣлостью и успѣхомъ, которые были-бы невозможны, еслибъ этотъ министръ не опирался на теорію финан-

совъ и, въ-особенности, на политическую экономію. И странно было-бы считать подобныя сочиненія бесполезными, не воздавать имъ и авторамъ ихъ должнаго, или вооружаться противъ нихъ, когда польза ихъ видна и несомнѣнна. Все, что можно и должно позволить себѣ въ-отношеніи къ такимъ сочиненіямъ, состоитъ единственно въ томъ, чтобъ разбирать ихъ съ надлежащимъ вниманіемъ, повѣрять ихъ выводы, взвѣшивать въ какой степени соотвѣтствуютъ они своему назначенію и цѣли, на сколько приносятъ пользы наукъ и практикъ, на сколько полезны для борьбы съ рутинной и торжества истинныхъ началъ. Но если странно сомнѣваться въ пользѣ такихъ сочиненій, то еще страннѣе сомнѣваться въ настоятельности строго-критическаго, по требованіямъ науки, разбора ихъ. Такой разборъ тѣмъ необходимѣе и полезнѣе, какъ для науки, такъ и для жизни вообще, что первая, при помощи его, быстрѣе подвинется впередъ и скорѣе пріобрѣтетъ право на общее вниманіе, сочувствіе, значеніе и даже власть, которымъ должна пользоваться наука; а практика будетъ руководствоваться только дѣйствительными, непреложными, а не мнимыми результатами ея. Любя науку, вполне сознавая ея пользу, служа ей всѣми способностями своими, мы, тѣмъ не менѣе, мало сдѣлаемъ для нея, если не будемъ постоянно имѣть въ виду ея приложенія къ жизни, или, что одно и тѣже въ такомъ случаѣ, торжества разума, истины, правды и полной побѣды ихъ надъ предрасудками и всевозможными неправдами, отравляющими чуть-ли не на каждомъ шагу жизнь и бытіе человѣчества. Служеніе наукъ не должно быть аматѣрскимъ дѣломъ въ родѣ страсти къ собакамъ, кошкамъ, лошадямъ, табакеркамъ и тому подобныхъ

увлеченій — если и не очень вредныхъ, то и не очень полезныхъ. Въ томъ-то именно и заключается высшая польза и разумная цѣль науки, что она, отыскивая истину и служа ей, служитъ тѣмъ и жизни вообще, всему человѣчеству. Да и можетъ-ли она имѣть какую-либо другую, высшую и окончательную цѣль, кромѣ полногo всесторонняго сознанія жизни вообще, — сознанія, составляющаго основаніе, необходимое условіе высшаго, возможнаго на землѣ блага? Не ея ли назначеніе — надѣлать всѣхъ и cadaго изъ насъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства, полнымъ уразумѣніемъ всѣхъ правъ и обязанностей своихъ, а также и возможностью жить и дѣйствовать сообразно съ такимъ сознаніемъ, а не по случайнымъ обстоятельствамъ, не по какой-либо людской прихоти? И не потому-ли, что наука еще не довольно распространена, да и не развита довольно, такъ много еще людей на свѣтѣ, которые полагаютъ назначеніе свое не въ томъ, чтобъ быть *людьми, чelовѣками*, въ лучшемъ значеніи этого слова, а въ томъ, чтобъ быть, на примѣръ, богачами, чиновниками, купцами, медиками, генералами? Не наука, конечно, создала подобный взглядъ на *человѣческое достоинство*, — напротивъ, она законно возстаетъ противъ него; тѣмъ не менѣе далеко еще не исполнила она и тысячной, быть можетъ, части дѣла своего, если, не смотря на всѣ ея подвиги, на всю пользу, уже принесенную ею человѣчеству, подобный взглядъ на вещи свойственъ большинству даже болѣе или менѣе образованныхъ людей. Многое уже совершено наукой, — правда; но правда и то, что это многое — крайне мало и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что еще предстоитъ совершить ей въ будущемъ. Не

время еще, значитъ, увлекаться ея успѣхами и результатами, не время и полагаться на непогрѣшимость ея. Это вѣрно, въ бѣльшей или мѣньшей степени, относительно всѣхъ вообще наукъ, но болѣе всего относительно наукъ политическихъ. Нельзя не видѣть заслугъ и этихъ послѣднихъ; но нельзя не видѣть и того, что нѣкоторые изъ общественныхъ вопросовъ, — которые, по мнѣнію многихъ, коротко знакомыхъ съ науками политическими, окончательно рѣшены, — въ сущности, едва только подняты, едва только поставлены этими науками, да и то не всегда надлежащимъ образомъ. Мало того, между людьми, серьезно-занимающимися политическими науками и приносящими дѣйствительную пользу своими занятіями, не-мало такихъ, которые не признаютъ истинныхъ заслугъ другихъ дѣятелей, какъ на поприщѣ науки, такъ и на поприщѣ административномъ и политическомъ вообще; а все потому, что политическія науки стоятъ еще на невысокой степени развитія, и большая часть людей, занимающихся ими, не вполне обладаетъ способностями, свѣдѣніями и средствами, необходимыми для сооруженія полного зданія этихъ наукъ. Еслибъ было не такъ, то чѣмъ-же объяснить довольно-странное явленіе, не приносящее чести ни познаніямъ, ни дальновидности большей части лицъ, занимающихся политическими науками, а именно, что до-сихъ-поръ такъ мало, если только вовсе не воспользовались они направленіемъ и, главное, методомъ, которые такъ рѣзко отдѣляютъ, а также и отличаютъ сочиненіе фонъ-Тюнена «Уединенное государство» (*) отъ другихъ изслѣдованій по-части наукъ об-

(*) I. H. von Thünen, *Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationalökonomie*. Наша литература, благо-

щественныхъ? Неужели и въ самомъ дѣлѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, подобный, т. е. математическій методъ, не годенъ для такихъ наукъ? Но въ такомъ случаѣ почему-же фонъ-Тюненъ такъ хорошо воспользовался имъ и, съ помощью его, оказалъ дѣйствительную услугу наукѣ? Не лучше-ли было-бы сознаться, что многіе, почти всѣ изъ насъ, изслѣдователей, путемъ науки, общественныхъ вопросовъ, не достаточно подготовили себя въ школѣ и потомъ вѣ ея, чтобъ продолжать трудъ фонъ-Тюнена и идти по указанному имъ пути? Не думаемъ, чтобъ подобное сознаніе было унижительно для кого-бы то ни было; а польза отъ него очевидна. Во-первыхъ, оно можетъ въ значительной степени очистить насъ отъ самодовольственнаго убѣжденія въ точности и непогрѣшимости нашихъ свѣдѣній и понятій, которыя далеко не всегда точны и непогрѣшимы; во-вторыхъ, оно смягчитъ приговоры и сужденія наши о бессознательно-неправильныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ, — впрочемъ, многихъ, — правительственныхъ лицъ.... Сознавъ свое собственное нравственное безсиліе, мы стали-бы менѣе осуждать безсиліе другихъ; судъ нашъ сдѣлался-бы правдивѣе и основательнѣе, и приобрѣлъ-бы несравненно-большее довѣріе; за такимъ довѣріемъ не замедлило-бы явиться и та степень значенія, которая необходима для науки и ученыхъ, а значитъ, и для общаго блага. вмѣстѣ съ этимъ мы невольно предались бы болѣе основательному, въ сравненіи съ настоящимъ, изученію общественныхъ вопро-

даря г-пу М. Волкову, имѣетъ теперь образцовое извлеченіе изъ этой книги и частію переводъ ея, изданный въ 1857 г., подъ заглавіемъ: *Уединенное государство въ отношеніи къ общественной экономіи*.

совъ, и наши труды приносили-бы несравненно болѣе пользы, какъ наукѣ, такъ и обществу, нежели современное ратованіе многихъ изъ насъ противъ разныхъ администрацій, администраторовъ и другихъ лицъ. Конечно, эти администраціи дурны, а эти лица далеко не безгрѣшны и не всевѣдущи; но дурны болѣею частію и тѣ административныя системы, которыя предлагаются нѣкоторыми учеными и публицистами, людьми также не всегда безгрѣшными и всевѣдущими. Не даромъ участь политическихъ наукъ не разъ уже походила, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по-крайней-мѣрѣ, на судьбу разныхъ представительныхъ палатъ во Франціи: народъ, сначала, громко рукоплещетъ громкимъ фразамъ парламентскихъ ораторовъ; эти, увлекаясь своимъ торжествомъ, превращаютъ палату представителей въ сцену ораторскаго искусства и въ клубъ для игры въ министерства; народъ мало-по-малу начинаетъ понимать, что содержаніе такой сцены и такого клуба стоить ему очень дорого, что громоносныя ораторскія рѣчи представителей не только не покрываютъ, шумомъ своимъ, бюджетныхъ дефицитовъ, но даже еще увеличиваютъ количество и тяжесть налоговъ; такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе теряетъ, нѣкогда теплую и безграничную, вѣру въ своихъ представителей и, въ-особенности, въ политическую пользу ихъ ораторскаго искусства; — словомъ, шагъ за шагомъ, доходитъ до того, что съ радостью привѣтствуетъ появленіе Наполеона I, даже Наполеона III, и такъ-же громко, при первомъ торжествѣ этихъ, освищиваетъ своихъ прежнихъ любимцевъ-ораторовъ, какъ нѣкогда аплодировалъ имъ. Положимъ, что и Наполесны не вѣчны; положимъ, что и слава, которою они надѣляются Фран-

цію, стоить этой такихъ денегъ, на которыя она могла-бы купить себѣ и свободу торговли, и прочный поземельный кредитъ, и лишнія тысячи миль желѣзныхъ дорогъ, и даже можетъ-быть вѣчный союзъ съ Англіей и остальнымъ міромъ; да представительнымъ-то палатамъ отъ того не легче, а съ ними и Франціи, и человѣчеству. Мало имѣть право, надо еще умѣть дорожить имъ и вполне заслуживать его. Незаслуженное право не прочно, — да и право ли оно?

Сознаніе, что политическія науки или, правильнѣе, теоретическое рѣшеніе значительнаго числа общественныхъ вопросовъ, неудовлетворительно и, при современномъ состояніи этихъ наукъ, не можетъ быть удовлетворительно, тѣмъ болѣе полезно и необходимо, что если, съ одной стороны, административная практика, въ наибольшей части государствъ, дѣйствительно изъ рукъ вонъ плоха и на каждомъ шагѣ выказываетъ свою нераціональность и несостоятельность, что если она вполне достойна строгаго осужденія и оправдываетъ всякое стремленіе замѣнить ее другою, болѣе сносною и рациональною; то, съ другой стороны, не должно терять изъ виду и того, что, благодаря немногимъ геніальнымъ политическимъ личностямъ, истинно-государственнымъ людямъ, если тоже далеко не всѣ, то нѣкоторыя части администраціи, — въ странахъ, которыя Провидѣніе благословило такими людьми, — не только не ниже, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и выше того, что предлагаетъ теорія. И нечего удивляться подобному явленію: оно естественно, и вотъ по какимъ именно причинамъ. Во-первыхъ, истинно-государственные люди *всегда* хорошо знакомы съ теоріей, наукой, и пользуются ея результатами. Не слѣдить по-возможности за

успѣхами науки они считаютъ позорнымъ грѣхомъ для себя—тѣмъ-же, что и не радѣть надлежащимъ образомъ объ общественномъ достоинствѣ и общемъ благѣ. Они знаютъ цѣну наукѣ и не пренебрегаютъ, а дорожатъ ея результатами, и потому содѣйствуютъ ея успѣхамъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, вмѣстѣ съ короткимъ знакомствомъ съ наукой или, по-крайней-мѣрѣ, ея результатами, они, въ трудахъ и заботахъ своихъ о приложеніи ея къ жизни, встрѣчаясь на каждомъ шагѣ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, со всеми ея требованіями и условіями, имѣютъ несравненно болѣе средствъ, нежели ученые и публицисты, какъ повѣрять надлежащимъ образомъ состоятельность науки въ приложеніи ея къ жизни, такъ и оцѣнивать и провѣривать дѣйствительность наукой; а каждое изъ этихъ средствъ и съ ними связанныхъ преимуществъ тѣ-же въ своемъ родѣ, что новый, лучший методъ для науки. Во-вторыхъ, истинно-государственные люди никогда не смотрятъ на общественный вопросъ съ одной какой-либо точки зрѣнія; а, напротивъ, въ-слѣдствіе особеннаго склада государственнаго ума и особеннаго, спеціальнаго назначенія государственныхъ людей, по-необходимости смотрятъ на него съ разныхъ, многихъ точекъ зрѣнія, которыми обуславливается истинно-государственная точка зрѣнія; а этого нельзя сказать о публицистахъ и ученыхъ, по-крайней-мѣрѣ о тѣхъ изъ нихъ, которые не надѣлены умомъ политико-административнымъ. Такимъ-образомъ, по необходимости, истинно-государственные люди приобрѣтаютъ лучшее, правильнѣйшее понятіе о предметѣ, подлежащемъ ихъ разсмотрѣнію, чѣмъ большинство ученыхъ и публицистовъ. Вотъ почему очень-часто то, что по мнѣнію и сочиненіямъ этихъ послѣднихъ кажется легко-осуце-

ствимымъ или, напротивъ, невозможнымъ, то въ дѣйствительности бываетъ на-оборотъ. Этимъ объясняется, почему только истинно-государственные люди умѣютъ вполне-успѣшно прилагать положительные выводы науки къ дѣйствительности, и почему мѣры, которыя не удаются, когда приводятся въ исполненіе — хотя и очень важными государственными сановниками, но не имѣющими политико-административныхъ способностей, — даютъ, напротивъ, самые блестящіе результаты, когда осуществляются людьми, созданными для государственной службы. Вспомнимъ кстати, какъ торжествовали рутинѣры, когда не удавались благонамѣренныя преобразованія австрійскаго императора Иосифа II; а что было съ нимъ, то можетъ повториться, да и повторяется очень часто съ другими. Надо умѣть пользоваться не только всякою, но даже и самою истинною теоріей; иначе истинное, а потому и полезное можетъ показаться многимъ ложнымъ и вреднымъ. Теорія можетъ быть непреложна, цѣль приложенія ея къ дѣйствительной жизни прекрасна до святости, а въ результатѣ все-таки получится нуль, если только не менѣе нуля, что также случается, когда не практическіе люди прилагаютъ теорію къ дѣлу. Въ-третьихъ, дѣятельность государственныхъ людей вообще не ограничивается, конечно, однимъ приложеніемъ результатовъ науки къ жизни; въ-слѣдствіе особеннаго свойства государственнаго ума, какъ отдѣльной, самостоятельной способности, люди, одаренные имъ, лучше другихъ, мало-сказать понимаютъ, но и сознаютъ не только настоящія, но, по возможности, и будущія потребности государства, опережаютъ въ отношеніи къ общественнымъ, государственнымъ вопросамъ всѣ другіе

умы и дѣйствуютъ сообразно съ такимъ сознаниемъ. Исторія постоянно подтверждаетъ справедливость нашихъ словъ. Разберите, на-примѣръ, дѣятельность Кольбера не съ одной финансовой, а со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, и вы убѣдитесь, что на каждомъ шагу, кромѣ рѣдкихъ исключеній, и то большею частію потому, что его стѣсняли обстоятельства, изъ которыхъ главнѣйшее — непомѣрное и дурно-направленное честолюбіе, въ связи съ безграничнымъ властолюбіемъ, мнимо-великаго Лудовика XIV, — и вы убѣдитесь, что Кольберъ не только умно пользовался результатами, добытыми въ его время наукой, но и опережалъ ее; вы убѣдитесь также, что какъ ни геніальны и велики въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были многіе изъ современниковъ его, тѣмъ не менѣе онъ былъ выше ихъ всѣхъ, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что все великое и прекрасное находило сочувствіе въ любящей и развитой душѣ его. Не то-же ли самое можно сказать и о Тюргѣ, и о графѣ Ревентловѣ, и о Штейнѣ, и о Робертѣ Пилѣ? Посмотрите также, какъ прилагаетъ къ дѣлу добытия наукой истины баронъ Брукъ. Пользуется онъ наукой, конечно, лучше всякаго ученаго, не одареннаго умомъ политико-административнымъ, и тамъ, гдѣ ученый или публицистъ видитъ только *одну* какую-либо пользу, знаменитый министръ извлекаетъ два, три, четыре и болѣе полезныхъ результатовъ (*), — и это не смотря на то, что, въ своей дѣятельности, встрѣчаетъ

(*) Чтобы убѣдиться въ способности барона Брука разсматривать предметъ съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія и извлекать изъ него многостороннюю пользу, достаточно прочесть изданную имъ брошюру: *Die neue Gestaltung der Geld- und Credit-Verhältnisse in Oesterreich*. Wien, 1855.

преграды и препятствія чуть-ли не во всемъ и во всѣхъ. Одна наука и сторонники ея стоятъ за него; но не на его сторонѣ всякаго рода рутинѣры и сектаторы-обскурантисты; а ихъ много еще вездѣ, въ Австріи-же чуть ли не болѣе, нежели въ другихъ странахъ. Чуютъ эти люди, что славный министръ — врагъ не только дурной финансовой администраціи, но и всякой тьмы; чувствуютъ они, что своими финансовыми мѣрами, — не говоря дурного слова, — онъ сильно противодействуетъ успѣху и конкордата, и разныхъ тому подобныхъ до мудрености мудрыхъ мѣръ.

Здѣсь-же, кстати, слѣдуетъ замѣтить, что если, съ одной стороны, истинно-государственные люди, какъ Кольберъ, Тюргѣ, Робертъ Пилъ, баронъ Брукъ и имъ подобные, не только пользуются результатами науки, но подѣ-часъ и опережаютъ ее, обращаютъ вниманіе ученыхъ и публицистовъ на стороны того или другаго предмета, которыхъ она не касалась, и такимъ образомъ служба обществу и человѣчеству вообще, въ тоже время приносятъ прямо и косвенно дѣйствительную пользу и наукѣ, содѣйствуютъ ея развитію; то, съ другой стороны, люди, попавшіе въ число политическихъ дѣятелей, государственныхъ сановниковъ, только благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, за отсутствіемъ истинныхъ дарованій по этой части, вредятъ иногда, и очень много, наукѣ, когда прилагаютъ тѣ или другіе выводы ея къ дѣлу, не понимая ни науки, ни жизни. Большая часть такого рода людей дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ точно такъ-же, какъ строить, на-примѣръ, машину, по рисункамъ и математическимъ формуламъ, человекъ, который не занимался никогда механикой. Онъ, по всей вѣроятности, упускаетъ изъ виду или треніе,

или прочность матеріала, или что другое, — и машина его оказывается, разумѣется, негодною, не смотря на то, что построена по вѣрнымъ формуламъ и рисункамъ. Объяснимъ это еще другимъ примѣромъ, болѣе близкимъ къ предмету и цѣли нашей статьи. Представимъ себѣ страну, истинно-способные государственные люди которой учреждаютъ государственный банкъ, для хранения и приращенія капиталовъ изъ процентовъ, а также и для другихъ банковыхъ операций, — съ цѣлю, между прочимъ, пріучить подданныхъ государства къ бережливости и умножить количество капиталовъ въ странѣ. Понятно, что съ теченіемъ времени, съ развитіемъ народнаго богатства, количество вкладовъ въ банкъ будетъ увеличиваться, и поступать въ банкъ, при другихъ равныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, будетъ тѣмъ болѣе капиталовъ, чѣмъ несовершеннѣе законодательство и администрація страны, чѣмъ менѣе обезпечиваютъ онѣ всякаго рода собственность, чѣмъ болѣе правъ заимодавцевъ зависятъ отъ своеволія должниковъ и судей, а не отъ предписаній закона. Настанетъ, наконецъ, время, когда огромное стеченіе капиталовъ становится тяжелымъ бременемъ для банка, тогда какъ, въ то-же самое время, промышленность и даже недвижимая собственность нуждаются въ капиталахъ, не смотря на то, что промышленники и собственники предлагаютъ капиталистамъ хорошіе проценты, вдвое и втрое выше банковыхъ. Надо помочь горю, помочь банку, помочь и промышленности, и недвижимой собственности. Люди умные, даже ученые, спеціалисты по части политическихъ наукъ, кричатъ: «средство на лицо: «понижьте банковый процентъ, и значительная часть капиталовъ выйдетъ изъ банка, перейдетъ въ промышлен-

ность; эта послѣдняя отъ того разовьется, процвѣтетъ, «и все будутъ въ выигрышѣ, а въ томъ числѣ и казна, «и капиталисты». Сказано-сдѣлано. Но тутъ-то и оказывается, что мало быть и важнымъ государственнымъ сановникомъ, министромъ, мало быть и ученымъ, и очень умнымъ вообще человѣкомъ, чтобъ браться за какое-либо *государственное* дѣло, и что для подобныхъ дѣлъ нужна особенная, спеціальная способность, — нуженъ, словомъ, государственный умъ, гений, политико-административный талантъ, дѣлающій человѣка способнымъ вполне понимать, цѣнить и сознавать общественные, государственные интересы, и дѣйствовать сообразно съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, въ разсматриваемомъ нами случаѣ, часть, но незначительная, капиталовъ дѣйствительно выходитъ изъ банка и, за исключеніемъ ничтожной доли этой части, переходящей въ промышленность, вся она употребляется на покупку недвижимой собственности, преимущественно городской.... Эта послѣдняя поднимается вдругъ въ цѣнѣ; квартиры, а съ ними и многое другое, какъ водится, отъ того дорожаютъ.... А теорія говоритъ правду: «чѣмъ менѣе процентовъ будетъ давать банкъ своимъ вкладчикамъ, тѣмъ болѣе капиталовъ будетъ оставаться въ промышленности и переходить въ нее.» Но съ этимъ вмѣстѣ необходимо знать и то, что также говоритъ теорія, наука; а именно, что капиталы, подобно людямъ, одарены прежде всего чувствомъ самосохраненія, и не-большой, но вѣрный процентъ предпочитаютъ невѣрному большому, въ-особенности, когда съ этимъ послѣднимъ связана, для капиталиста, большая или меньшая вѣроятность лишиться части или и всего капитала, отданнаго въ займы. Вотъ на это-то умные, ученые и

даже важные люди и не обратили должнаго вниманія; а истинно-государственный человѣкъ, елибѣ даже, по какимъ-либо невѣроятнымъ обстоятельствамъ, и вовсе не былъ знакомъ съ наукой, непремѣнно понялъ-бы въ чемъ дѣло: знаніе отечества и политико-административный талантъ указали-бы ему на причину зла и на средства къ его устраненію. Онъ зналъ-бы, что для такой страны прежде всего нужны хорошіе законы, правда въ судахъ, лучшая администрація, нужно обезпеченіе личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ и т. п. Словомъ, онъ началъ-бы строить зданіе, — ничего не разрушая, впрочемъ, — съ фундамента, а не съ крыши, и построилъ-бы его прочно и безъ лишнихъ жертвъ, потому-что строилъ-бы по здравому смыслу, который никогда не противорѣчитъ наукѣ и на-оборотъ, строилъ-бы его по требованію истинныхъ нуждъ и интересовъ своего отечества, которымъ также никогда не противорѣчитъ, а, напротивъ, всегда содѣйствуетъ наука; онъ началъ-бы дѣло съ начала, а не съ конца, и кончилъ-бы, потому, благополучно, не поднимая нераціональными мѣрами цѣнъ на необходимыя потребности, не создавая искусственной дороговизны... А въ этой странѣ, другіе умные люди, видя незавидныя результаты нераціональной мѣры, приписывали ихъ, конечно, теоріи, наукѣ, а не тому, что нѣкоторые ученые политико-экономы не поняли ея, учились, можетъ быть, да не выучились ей... Надо-же чему или кому-либо приписать неудачу; надо-же что-либо или кого-либо обвинить, — ну, и взвалили на науку, за которую, конечно, не вступилась администрація. Не многіе еще, въ наше время, понимаютъ, что такое теорія, наука, и что такое умная, а не кое-какая практика; что онѣ, по своей

сущности, не враждебны одна другой, а, напротивъ, взаимно восполняются и равно-полезны и необходимы, и что обѣ вмѣстѣ должны составлять одно неразрывное, органическое цѣлое, какъ жизнь, или душа, и тѣло человека. Не то дурно, что есть теорія и даже теоріи; напротивъ, это хорошо, необходимо, благотворно: дурно то, что многіе увлекаются *всякой* теоріей, не провѣривъ, истинна она или нѣтъ; дурно также то, что многіе, ознакомившись кое-какъ съ наукой, — поучившись, но не выучившись ей, — воображаютъ, что обладаютъ способностью пользоваться ею надлежащимъ образомъ. Отсюда нескончаемые споры, борьба, вражда, недовѣріе и тому подобное!

Но кому и чему, какъ не наукѣ и примирить враждующихъ? Не она-ли доставляетъ всѣмъ и каждому возможность пользоваться той ареной, на которой всѣ спорящіе и враждующіе могутъ сойтись и помѣряться силами, и потомъ разойтись безъ крови и гнѣва, потому-что на этой аренѣ никто не можетъ быть побѣжденнымъ, кромѣ лжи и неправды, ни побѣдителемъ, кромѣ истины. Въ торжествѣ же этой послѣдней каждый здравомыслящій и свѣдущій человѣкъ долженъ рано или поздно увидѣть и торжество собственныхъ своихъ, — конечно, истинныхъ, а не ложныхъ, — интересовъ. Какъ ежедневный опытъ, такъ и правдивая исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ представляетъ намъ непрерывный рядъ доказательствъ, что опытное рѣшеніе общественныхъ вопросовъ тяжело и трудно для человѣчества, стоить ему не только много всякаго рода, вещественныхъ и не вещественныхъ, капиталовъ, но и крови. Да не для того-ли и надѣлило насъ Провидѣніе всѣми умственными силами, а въ томъ числѣ и способностью

создавать науки, чтобъ открывать и раскрывать истину разумомъ, и тѣмъ избавлять человѣчество отъ совершенно-лишнихъ тяжкихъ золъ и страданій? Но чѣмъ значительнѣе цѣль науки, тѣмъ значительнѣе слѣдуетъ смотрѣть и на служеніе ей. На этомъ поприщѣ не можетъ быть, въ наше время по-крайней-мѣрѣ, ни мѣста, ни повода къ восклицанію. «и я художникъ!» Нѣтъ, мы всѣ только болѣе или менѣе несовершенно-лѣтніе въ умственномъ отношеніи ученики, и самые способные и опытные изъ насъ отличаются отъ другихъ преимущественно тѣмъ, что лучше сознаютъ недостаточность своихъ познаній.... Да это — старая пѣсня! замѣтятъ намъ. Правда, ужѣ древніе мудрецы пѣли ее; да что же дѣлать, если невольнo вырывается она изъ груди, какъ только подумаешь о томъ, что есть, творится и что могло-бы быть въ мірѣ? Да и не лучше-ли, не полезнѣе-ли твердить людямъ: «познанія наши еще не велики, — надо намъ еще и много, и многому учиться», нежели, скрывая недостаточность нашихъ свѣдѣній, громкими и пышными фразами прославлять только заслуги и успѣхи науки, и такимъ образомъ только бѣсить однихъ, и безъ того уже враждебныхъ ей, да убаюкивать умственные силы другихъ, которые, ознакомившись съ нею кое-какъ, схвативъ одни вершки, воображаютъ, что ужѣ все знаютъ, что только можно и нужно знать?

Такое сознание скорѣе всего примирить съ наукою тѣхъ, которые возстаютъ противъ нея. Правда, возстаютъ они только потому, что незнакомы надлежащимъ образомъ съ нею, не понимаютъ ни ея пользы, ни ея значенія, ни цѣли; да таково большинство и въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы и Америки. Рабо-

владельцы, напимѣръ, и мормоны въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, клерикалы въ Бельгіи, Сардиніи и другихъ государствахъ, меркантилисты и разные политическіе и религіозные сектаторы во Франціи, обскурантисты въ Неаполѣ и Австріи, недоросли (юнкера) въ Пруссіи и проч. не могли-бы, конечно, имѣть ни малѣйшаго успѣха въ этихъ странахъ, если-бъ большинство въ нихъ было просвѣщено наукой и питало къ ней хоть половину того довѣрія, какого уже заслуживаетъ она. Такое сознание составляетъ необходимое условіе дальнѣйшаго развитія наукъ вообще и политическихъ наукъ въ-особенности, какъ такихъ, которыя болѣе другихъ затрогиваютъ и объясняютъ общественные интересы и отношенія. Специалисты по этой части, — конечно, люди болѣе другихъ сочувствующіе успѣхамъ этихъ наукъ, — не должны терять изъ виду, что всѣ онѣ, не смотря на усилія и труды многихъ гениальныхъ людей, находятся далеко еще не на высшей степени развитія, и до тѣхъ поръ не пріобрѣтутъ возможнаго для нихъ значенія, пока не сдѣлаются *точными* науками.

Точною наукою можетъ быть и политическая экономія, лучшимъ доказательствомъ чему могутъ служить изслѣдованія фонъ-Тюнена. Знаемъ, что нашего мнѣнія не раздѣляютъ многіе изъ лучшихъ подвижниковъ этихъ наукъ; но мы остаемся при своемъ убѣжденіи и сожалѣемъ, что не всѣ раздѣляютъ его. Трудъ фонъ-Тюнена «Уединенное государство» — не только опытъ, но и неопровержимое доказательство, что науки политическія могутъ быть науками точными. Въмѣсто того, чтобъ отвергать несомнѣнную пользу приложенія математическаго метода къ этимъ наукамъ, не лучше-ли сознать-

ся, что чуть-ли не всё мы, занимающіеся этими науками, слишкомъ привыкли къ прежнимъ методамъ изслѣдованія, чтобъ приняться за новый, особенно за такой, каковъ методъ математическій, требующій не только значительныхъ познаній въ высшей математикѣ, но и математическаго склада ума, способности къ математическому анализу, — таланта, которымъ надѣлены крайне-немногіе изъ не-математиковъ? Математики-же не обратили еще до сихъ поръ, къ сожалѣнію, достаточнаго вниманія на политическія науки, чтобы понять, что и въ области этихъ наукъ есть нища для ихъ ума, есть дѣло для ихъ способностей. Не слѣдуетъ вообще забывать, что математическій методъ принесъ уже не мало пользы даже и такой наукѣ, какъ философія, и что никакіе умы такъ не содѣйствовали успѣхамъ ея, какъ тѣ, которые съ способностью къ философскому анализу соединяли въ себѣ и математическій складъ ума. Да и можетъ ли быть иначе, когда *точность* составляетъ необходимое условіе и существенный признакъ всякаго *прочнаго* и *полнаго* знанія; а какой складъ ума наиболее способенъ и стремится къ ней, какъ не математическій? Припомнимъ кстати, что и нѣкоторыя изъ математическихъ наукъ, какъ напримѣръ, астрономія и механика, еще не богъ-знаетъ какъ давно приносили очень немного пользы человѣчеству, пока не были науками математическими; что первая изъ нихъ, астрономія, и въ наше время немногимъ отличалась-бы отъ астрологіи прежнихъ вѣковъ, еслибъ не вошла, благодаря трудамъ и способностямъ людей геніальныхъ, въ область наукъ математическихъ. Кромѣ того, если спеціальныя способности и познанія необходимы для первоначальнаго развитія наукъ, въ чемъ никто не мо-

жетъ сомнѣваться, то при дальнѣйшемъ развитіи ихъ необходимо повѣрять положенія и выводы однихъ изъ нихъ положеніями и выводами другихъ, особенно, когда изслѣдованіямъ ихъ подлежитъ такой предметъ, какъ человѣкъ и жизнь его въ обществѣ. Вспомнимъ также, что величайшіе и замѣчательнѣйшіе изъ представителей умственной жизни человѣчества никогда не принадлежали къ числу крайнихъ спеціалистовъ, а, напротивъ, всегда обладали самыми многосторонними познаніями, какъ на-примѣръ: Платонъ, Аристотель, Декартъ, Бэконъ, Лейбницъ, Вико, Гумбольдты и имъ подобные ученые. По всей вѣроятности, никогда бы не написалъ, да и не задумалъ бы Вико ничего подобнаго «Новой наукѣ» (*Principi di una scienza nuova*) или *De antiqua sapientia Italorum*, еслибъ не обладалъ обширными свѣдѣніями не только въ исторіи и философіи, но и въ филологіи, и въ законовѣдѣніи. Философія исторіи потому-то, между прочимъ, и подвигается медленно впередъ, что крайне-рѣдки люди съ такою многосторонностью познаній и свѣдѣній, которая необходима для дальнѣйшихъ успѣховъ этой науки. И не можетъ быть ничего страннаго въ томъ, что наука, достигши извѣстнаго развитія, требуетъ, чтобы положенія и выводы ея провѣрялись положеніями и выводами другихъ наукъ, не имѣющихъ, по-видимому, ничего общаго съ нею. Весь міръ составляетъ одно органическое цѣлое, — одно органическое цѣлое должны составлять и всё человѣческія познанія. Всѣ успѣхи и неудачи наши въ области наукъ ведутъ къ тому мало-по-малу. Фонъ-Тюенъ и Рошеръ, на-примѣръ, въ наше время, — въ области наукъ политическихъ, — служатъ тому доказательствомъ: первый, своими практическими свѣдѣніями въ общественной экономіи,

знаніемъ математики и математическимъ методомъ, а второй, своими историческими познаніями и методомъ историческимъ, значительно подвинули впередъ политико-экономическія изслѣдованія. Только благодаря этимъ замѣчательнымъ ученымъ, ихъ послѣдователямъ и преемникамъ, уже довольно близко, быть можетъ, то время, когда вполнѣ сбудется пророчество Сень-Симона, что «политическая экономія будетъ не зависѣть отъ политики, какъ нынѣ, а, напротивъ, руководить ею.» Но достигнетъ она такого вліянія и значенія только тогда, не прежде, когда пріобрѣтетъ *всѣ* качества и свойства наукъ точныхъ и, когда, черезъ нея, и всѣ политическія науки сдѣлаются науками точными. Да и могутъ ли онѣ не быть такими, не достигнуть, рано или поздно, такой степени развитія и совершенства, когда, не говоря уже о томъ, что положено тому прочное основаніе, «числа» играютъ въ нихъ и нынѣ важную и значительную роль? Что такое безъ нихъ статистика? Чѣмъ можетъ быть лучше всего доказана правильность или неправильность финансовой мѣры, какъ не результатами ея, выраженными въ числахъ, — въ-особенности, когда эти числа выражаютъ не одно количество рублей, талеровъ или франковъ, но и отношенія между различными элементами и условіями общественной жизни? Отвергать возможность достиженія, для этихъ наукъ, подобной степени развитія, можно, съ нѣкоторою основательностію, не иначе, какъ считая числа, оправдывающія положенія и выводы наукъ, совершенно лишнею роскошью. Но можно-ли подобныя числа считать роскошью послѣ тѣхъ выводовъ и открытій, которыми такъ много уже обязана имъ наука, а значитъ, и человечество? Правъ Сэй: «цифры употребляются во зло; нѣтъ

такой нелѣпости, которой-бы нельзя было подтвердить цифрами;» (*) но это ничего не доказываетъ, а только подтверждаетъ всѣмъ извѣстную истину, что употреблять во зло можно рѣшительно все. И самое чистое золото не чисто въ грязныхъ рукахъ. Все слѣдуетъ употреблять съ толкомъ, и все, употребляемое съ толкомъ, ведетъ къ полезнымъ результатамъ. Если есть люди, для которыхъ достаточно нѣсколькихъ чиселъ, чтобъ построить на нихъ воздушный замокъ, то есть и такіе, которые, подобно Фонъ-Тюену, Кэтлэ и другимъ, по числамъ, не имѣющимъ въ глазахъ большинства особеннаго значенія, открываютъ міровые законы, знаніе которыхъ есть одно изъ величайшихъ достояній человечества и благо для него. «Часто говорятъ, сказалъ Гёте, «что числа управляютъ міромъ; несомнѣнно, однако, «то, что они показываютъ, какъ имъ управляютъ.» (**)

Прибавимъ къ этому: «и какъ слѣдуетъ имъ управлять!»!

Каждая финансовая мѣра имѣетъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на участь не только подданныхъ, или гражданъ, государства, которыхъ она касается непосредственно, но и «на всѣхъ остальныхъ людей въ мірѣ»; такъ можно-ли не желать, чтобъ теорія финансовъ достигла той степени развитія, на которой наука можетъ считаться и называться *точною*, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова? Такое желаніе законно, конечно, а потому и достижимо оно. Само-собою разумѣется, что теорія финансовъ не можетъ или, правильнѣе, не должна отставать и въ этомъ отношеніи отъ по-

(*) J. B. Jay, Traité d'Economie politique. T. I. Introduction.

(**) „Man sagt oft: Zahlen regieren die Welt. Das aber ist gewiß, Zahlen zeigen, wie sie regiert wird.“ Götthe bei Eckermann.

литической экономіи, но и опередить ее она, конечно, также не можетъ. Помощь и содѣйствіе этой послѣдней науки необходимо въ-особенности для доказательства взаимности истинныхъ интересовъ всѣхъ и каждаго въ мірѣ и вліянія финансовыхъ мѣръ на участь народовъ и человѣчества. Въ мірѣ нѣтъ ни одного ни счастливаго, ни несчастнаго человѣка, участь котораго не отражалась-бы, хотя-бы въ самомалѣйшей степени, на всемъ человѣчествѣ; нѣтъ и не можетъ быть и фискальной, какъ и всякой другой административной мѣры, благое или дурное вліяніе которой не отразилось-бы — если не одновременно, то послѣдовательно, если не сразу и не въ настоящемъ, то въ будущемъ, — не только на всѣхъ классахъ и сословіяхъ одного государства, но и на всемъ человѣчествѣ, даже на тѣхъ дикаряхъ, которые не имѣютъ никакого сношенія съ остальнымъ міромъ. Этого не видитъ большинство, не видятъ и многіе изъ самыхъ образованныхъ людей; тѣмъ не менѣе мы высказали, и притомъ безъ всякаго преувеличенія, только истину, и съ нами согласятся всѣ тѣ, умственные органы которыхъ достаточно вооружены тѣми данными, которыя доставляютъ участникамъ своимъ общественныя науки, преимущественно-же политическая экономія. Конечно, ни одна еще изъ этихъ наукъ не можетъ доказать совершенно-осязательнымъ образомъ справедливость нашихъ словъ, — такъ; но ни одна естественная и математическая наука не можетъ также, въ свою очередь, столь-же осязательно доказать и того, что каждая изъ извѣстныхъ планетъ имѣетъ вліяніе на движеніе другихъ небесныхъ тѣлъ, а между тѣмъ, по всѣмъ даннымъ, нельзя сомнѣваться въ этомъ. Давно-ли, напримѣръ, открытъ Нептунъ и

давно-ли способъ его открытія извѣстенъ наукѣ? Что-бы не сомнѣваться въ воздѣйствіи всѣхъ планетъ одной на другую, достаточно и тѣхъ данныхъ, которыми уже обладаетъ математика и физика; точно также достаточно и тѣхъ общественныхъ законовъ, которые уже раскрыты политической экономіей и другими науками, чтобъ не сомнѣваться и въ вліяніи участи не только каждаго народа, но и каждаго человѣка на участь всего человѣчества. Правда, это вліяніе, большею-частью, — только капля въ морѣ, даже менѣе, нежели капля въ морѣ: едва-вообразимо-малая часть ея; да дѣло въ томъ, что изъ такихъ ничтожно-малыхъ частей составляются цѣлыя капли, какъ изъ капель моря и океаны. Главное тутъ въ законѣ, по которому ни самомалѣйшее зло, ни самомалѣйшее добро не остаются въ мірѣ безъ послѣдствій: «зло влечетъ за собою только зло, а добро ведетъ къ добру, и нѣтъ ни частнаго зла, ни частнаго добра безъ общаго зла, общаго добра, и на-оборотъ — общаго добра или зла безъ частнаго добра или зла». Изъ этого слѣдуетъ, что равнодушіе къ добру или злу, которое, по-видимому, вовсе не касается нашей личности, не только уродливо въ нравственномъ отношеніи, не только «нѣразумно», но и «непрактично», и возможно для натуръ хоть и развитыхъ, но не въ высшей степени. «Своя рубаха ближе къ тѣлу» — вѣрно во всѣхъ отношеніяхъ; но не опровергаетъ и не исключаетъ слѣдующаго изреченія: «не желай ближнему своему того, чего себѣ не желаешь», или другаго: «Люди, вы братья!» Каждый, занимающійся честнымъ трудомъ, не смотря на то, что имѣетъ въ виду одну только личную пользу, уже тѣмъ, — такъ *мудро* устроенъ міръ! — трудится и для другихъ, для всѣхъ, и всѣмъ приноситъ пользу;

но, имѣя въ виду одни только личные интересы свои, онъ можетъ легко, — что и бываетъ сплошь-и-рядомъ чуть-ли не съ каждымъ изъ насъ, — не сознавать ихъ, и ложные принимать за истинные. Для полного уразумѣнія истинныхъ личныхъ, или частныхъ вообще, интересовъ, необходимо сознание истинныхъ общихъ интересовъ. Для достиженія такого сознания, необходима не только наука, но и любовь къ добру, правдѣ, истинѣ, ближнимъ, и отвращеніе отъ зла. Одной науки недостаточно уже и потому, что она не достается еще ни даромъ, ни легко. Чтобы совладать съ нею вполне, возможности, мало памяти и *нѣкотораго* прилежанія, — нужна еще любовь къ ней; а такая любовь опредѣляется и обусловливается не одною любознательностью. Любознательность только средство, способность. Душа истинно-любознательнаго человѣка жаждетъ всегда чего-то иного, кромѣ свѣдѣній: она жаждетъ именно любви и добра, истины и правды, хотя и не сознаетъ этого очень-часто. Взаимность всѣхъ истинныхъ интересовъ въ мірѣ столько-же, не менѣе, если только не болѣе, основана и на этой любви къ наукѣ, къ добру, къ ближнимъ, сколько и на личной или частной пользѣ. Истинная личная, или частная польза не только не противорѣчитъ истинной общей или общечеловѣческой пользѣ, но и вполне совпадаетъ съ нею, (*) и на-оборотъ. Часто употребляемая повсюду выраженія «частные интересы» и «общіе интересы» и противопоставленіе однихъ изъ нихъ другимъ свидѣтельствуютъ, что люди вообще, и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, не понимаютъ еще своихъ истинныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, и

(*) Монтень (Montaigne), какъ извѣстно, утверждалъ противное.

наука не сдѣлала еще всего, чтобъ доказать имъ, въ чемъ состоятъ истинные интересы ихъ. Подобная несостоятельность науки особенно замѣтна на Теоріи финансовъ — и подтверждаетъ справедливость нашихъ словъ о необходимости возвести политическія науки на степень наукъ точныхъ. Недостаточность сознания, что «*всѣ истинные интересы въ мірѣ неразрывно связаны между собою и составляютъ одно цѣлое*», лежитъ какою-то странною и темною печатью на всей теоріи финансовъ. Потому-то преимущественно эта наука, по содержанию своему, есть не болѣе какъ только ложная теорія государственной казны, въ отвлеченіи отъ народа и даже государства, или, другими словами, она, по содержанию своему, есть теорія дурно-понимаемыхъ казенныхъ интересовъ; а въ-слѣдствіе этого крайне-неудовлетворительна и по формѣ своей, — что и постараемся мы доказать.

IV.

Еслибъ читающему финансовыя руководства, разныя «Теоріи финансовъ», «Основныя начала финансовой администраціи» и тому подобныя сочиненія, попадались все экземпляры безъ первыхъ страницъ, на которыхъ излагается опредѣленіе финансовой науки и цѣли финансовой администраціи; то онъ составилъ-бы себѣ, по такимъ книгамъ, не иначе, какъ слѣдующее опредѣленіе этой науки и цѣли этой администраціи:

«Цѣль финансовой администраціи состоитъ въ томъ, «чтобы, обременяя подданныхъ государства и отравляя «ихъ существованіе самыми разнообразными налогами,

«и ставя, такимъ образомъ и на каждомъ шагу, препятствія правительствамъ въ дѣлѣ достиженія благихъ (другихъ же нѣтъ и быть не можетъ) цѣлей существованія государствъ, какъ можно болѣе обогащать государственную казну, не гнушаясь, или около того, «правиломъ: *всѣ средства хороши, или средства оправдываются цѣлями.*»

Судя по такому опредѣленію цѣли финансовой администраціи, видно, что центральное солнце ея — государственная казна. Эпитетъ «государственная» употребляется здѣсь, конечно, только для красоты слога, потому-что правильнѣе было-бы называть такую казну «анти-государственной», даже «революціонной» или въ родѣ этого.

«Теорія-же финансовъ есть систематическое собраніе «рецептовъ, какими способами финансовая администрація можетъ достигнуть вышеозначенной похвальной «цѣли своей, съ полезными и практическими въ высшей «степени наставленіями и предостереженіями, общій «смыслъ которыхъ таковъ: экономно употребляй, почтенная администрація, добытое такими способами богатство; иначе придется тебѣ быть до того неразборчивой въ выборѣ средствъ и до-того обременять народъ разными экономически и нравственно-вредными «налогами и вообще фискальными мѣрами, что народу «придется ужь больно худо и жутко, а тебѣ и хуже «того. Сдирай всю кожу съ подданныхъ, но до костей «не дотрогивайся; ощипывай всѣ перья курицы, но «такъ, чтобъ она не кричала; да притомъ-же *il faut laisser une poire pour la soif.*»

Изъ всего этого, какъ видите, слѣдуетъ, между прочимъ, что имущество гражданъ есть достояніе — даже

не государства, по праву сильного, а государственной казны, по праву сильнѣйшей, и что всѣ они ея крѣпостные, если только не рабы. Изъ этого слѣдуетъ также, что, по формѣ своей, современная теорія финансовъ или, по-крайней-мѣрѣ, главная часть ея, описывающая «способы собиранія государственной казны», мало отличается отъ разныхъ «поваренныхъ книгъ».

Рѣзкимъ и обиднымъ покажется очень многимъ такой отзывъ о сочиненіяхъ, изъ которыхъ многіе пользуются вполне заслуженнымъ успѣхомъ; тѣмъ не менѣе отзывъ нашъ, къ крайнему сожалѣнію, справедливъ, въ чемъ легко убѣдиться каждому изъ нашихъ читателей. Разумѣется, вина такого несовершенства теоріи финансовъ падаетъ не на ученыхъ и писателей по этой части, изъ которыхъ многіе люди въ высшей степени даровитые, свѣдущіе, добросовѣстные, честно во всѣхъ отношеніяхъ принимаются за свои труды и такъ-же честно выполняютъ ихъ. Виноваты въ томъ историческія обстоятельства и разныя условія развитія финансовой науки. Притомъ-же, какъ выше было замѣчено, если общій результатъ подобныхъ сочиненій и не блестящъ; то тѣмъ не менѣе они не только не бесполезны, но составляютъ необходимое условіе будущаго совершенства науки, доставляютъ драгоценный матеріалъ для воздвигающагося зданія ея и приносятъ не только теоретическую, но и огромную практическую пользу уже и теперь: они напоминаютъ администраціямъ, что всему есть мѣра — и налогамъ, и терпѣнію народовъ. Кромѣ того, лучшіе изъ новѣйшихъ администраторовъ потому, между прочимъ, менѣе другихъ впадаютъ въ страшныя по своимъ послѣдствіямъ ошибки, что хорошо знакомы съ теоріей, обращаютъ должное вниманіе на основательныя ея предосте-

реженія и пользуются матеріалами, которые она доставляет имъ для разныхъ финансовыхъ соображеній. Если же, съ одной стороны, мы и видимъ, что въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ дѣйствій своихъ эти государственные люди, лучшіе изъ современныхъ администраторовъ, не во всемъ слѣдуютъ нынѣшней теоріи, тѣмъ не менѣе, однако, достигаютъ иногда прекрасныхъ результатовъ, такъ это потому именно, что они вѣрнѣе ея политико-экономическимъ законамъ и лучше многихъ ученыхъ сознаютъ средства для достиженія общественнаго благосостоянія; то, съ другой стороны, мы не должны терять изъ виду и того, что ученые изслѣдователи финансовыхъ вопросовъ находятся, по необходимости, подъ тяжелымъ во всѣхъ отношеніяхъ вліяніемъ дѣйствительности, т. е. существующей финансовой практики, а эта, — какъ всѣмъ извѣстно, — кромѣ частныхъ исключеній, куда какъ не хороша. Не имѣя или не сознавая еще вполне строго-опредѣленнаго «критеріума» для повѣрки всѣхъ фискальныхъ мѣръ, по-неволѣ ученые изслѣдователи финансовыхъ вопросовъ ограничиваютъ дѣятельность свою въ этомъ отношеніи преимущественно выборомъ такихъ финансовыхъ мѣръ, которыя въ сравненіи съ другими кажутся имъ меньшимъ зломъ, и такимъ образомъ стремятся согласить, по возможности, неразумныя требованія и нераціональные приемы финансовой практики съ разумными, но, къ сожалѣнію, далеко еще не довольно опредѣленными и сознанными финансовой наукою требованіями истины и правды. Но само-собой разумѣется, что этимъ не можетъ ни довольствоваться, ни ограничиваться «истинная теорія финансовъ» и что подобная *примирительная политика* въ наукѣ ни къ чему путному не ведетъ. Наука можетъ,

а иногда и должна дѣлать уступки дѣйствительности, практикѣ, но не такія, которыя-бы противорѣчили истинѣ и правдѣ; она обязана указывать на ошибки администрацій и объяснять ихъ, но оправдывать и узаконивать ихъ своими выводами и доводами ей не слѣдуетъ; иначе выйдетъ своего рода *entente cordiale*, чего не можетъ быть, по законамъ истинной теоріи, между добромъ и зломъ, истиной и ложью. Наука должна предоставить право поддерживать всякаго рода *ententes cordiales* такимъ *практическимъ* людямъ, для которыхъ «всѣ средства хороши и оправдываются *практическими* цѣлями». Да кромѣ того, и сами авторы упомянутыхъ сочиненій въ бѣльшей или меньшей степени чувствуютъ несостоятельность такой *примирительной* теоріи финансовъ, какова нынѣшняя. Не говоря ужѣ о такихъ сочиненіяхъ, авторы которыхъ, какъ напримѣръ, Эмиль-де-Жирарденъ, (*) предлагаютъ ужь черезъ-чуръ рѣшительную мѣру замѣнить всѣ налоги и подати одною, — на всей литературѣ теоріи финансовъ лежитъ печать понятнаго недовольства, въ слѣдствіе общаго бѣльшаго или мѣньшаго сознанія ученыхъ, что эта теорія неудовлетворительна и не вполне состоятельна — во многихъ отношеніяхъ. По-крайней-мѣрѣ лучшіе и способнѣйшіе по этой части писатели, какъ напримѣръ: Рау, Отто Гюбнеръ, фонъ-Мальхусъ, Шёнъ, Парьё, Гарнье, Бартъ, а у насъ графъ Канкринъ, Гг. Горловъ, Гагемейстеръ, Максимовъ, Вернадскій, (**) и др. не только не скрываютъ, но часто

(*) Emile de Girardin, *De l'impôt*. 1857.

(**) Rau, *Grundsätze der Finanzwissenschaft*. Leipzig und Heidelberg, 1855. — Otto Hübner, *Österreichs Finanzlage*, 1849. — Von-Malchus, *Handbuch der Finanzwissenschaft und Finanzverwaltung*, 1830. — Schön, *Die*

прямо говорятъ о несостоятельности той или другой части нынѣшней теоріи, не указывая, впрочемъ, надлежащимъ образомъ, въ чемъ вообще заключается ея несостоятельность, и, въ-особенности, какъ помочь этому горю. Всѣ они вообще считаютъ шаткимъ и неудовлетворительнымъ преимущественно теоретическое основаніе налоговъ, составляющихъ важнѣйшую часть финансовой администраціи и главный отдѣлъ финансовой науки. Мы постараемся доказать, что этимъ не ограничиваются неудовлетворительность и несостоятельность современной теоріи.

Итакъ, не на нихъ, не на этихъ благородныхъ и даровитыхъ тружениковъ и подвижниковъ науки, должна падать отвѣтственность въ ея несостоятельности. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ все, что могъ, и принесъ наукѣ посильную лепту свою, иногда очень значительную; и если дѣло ихъ не приведено къ желанному концу, то это потому только, что оно велико и въ-особенности потому, что велико вліяніе зла, съ которымъ приходится бороться финансовой наукѣ. Какъ при разборѣ поэтическихъ произведеній не спрашивается: почему

Grundzüge der Finanz. 1832. — Parieu, *Histoire des impôts généraux sur la propriété et le revenu*. 1856. — Joseph Garnier, *Eléments de finances* (небольшое, но очень-дѣльное сочиненіе). 1858. — Barth, *Vorlesungen über Finanzwissenschaft*. 1843. — Graf Cancrin, *Die Defononie der menschlichen Gesellschaften*. 1845. — Горловъ, *Теорія финансовъ*. 1845. — Гагемейстеръ, *О теоріи налоговъ, примененной къ государственному хозяйству*. 1852. — Н. Максимовъ, *Положенія изъ диссертациі: «О различныхъ методахъ установленія промысловаго налога въ государствахъ Западной Европы»*. (Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы нигдѣ не могли достать этой диссертациі; но достаточно знать *положенія* изъ нея, чтобъ не сомнѣваться въ вѣрности взгляда на предметъ, способностяхъ и свѣдѣніяхъ ея автора). — Вернадскій, *Указатель Пол.-Экономич.*

авторъ избралъ тотъ или другой сюжетъ? а разсматривается только, какъ онъ выполнилъ свою задачу; такъ для вѣрной оцѣнки ученыхъ трудовъ должно обращать вниманіе преимущественно на то, въ какомъ состояніи засталъ ученый тотъ или другой научный вопросъ, что онъ сдѣлалъ для науки и что внесъ въ нее своими изслѣдованіями; но никто не имѣетъ права требовать отъ него окончательнаго рѣшенія даже одного какого-либо изъ такихъ вопросовъ, а не только-что сооруженія полнаго зданія науки, — дѣла, какъ извѣстно, невозможнаго не только для одного человѣка, но и для цѣлаго поколѣнія. Самое большее, что можетъ сдѣлать, для существующей уже науки, и величайшій изъ ученыхъ, это дать ей новое направленіе, — раскрыть одну или немного истинъ, съ большею пользою, нежели предшественники его, перебрать и разобрать всѣ данныя науки и добыть для нея большее или меньшее количество новыхъ; но дать ей окончательное совершенство, это дѣло невозможное для одного человѣка, какъ бы гениаленъ ни былъ онъ. Вотъ почему, сознавая несовершенство и несостоятельность науки, въ данное время, слѣдуетъ — не приписывать такую несостоятельность ученымъ, а разобрать причины, почему она не состоятельна, медленно или и вовсе не развивается, мало или и вовсе не приноситъ пользы обществу, и, наконецъ, изложить, въ чемъ заключаются условія, отъ которыхъ зависятъ дальнѣйшіе ея успѣхи. Достигнуть этого можно не иначе, какъ повѣркой всего зданія науки. Съ такимъ-то убѣжденіемъ и приступаемъ мы къ слѣдующему анализу современной теоріи финансовъ, — анализу, который, какъ мы надѣемся, убѣдитъ читателей въ справедливости всего сказаннаго нами объ этой

теоріи, и который, не смотря на то, что мы не будем входить въ подробности, дастъ достаточное понятіе о ней и тѣмъ изъ читателей, которые вовсе не знакомы съ нею.

Требованія, которымъ должна непремѣнно и постоянно удовлетворять каждая теорія, какъ наука, заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ единствѣ мысли, 2) въ полнотѣ и связи частей, а также и въ зависимости ихъ отъ цѣлаго, 3) въ опредѣленіи точнаго значенія всѣхъ данныхъ жизни и опыта, входящихъ въ составъ науки, какъ матеріала ея и для нея. Степенью выполнения первыхъ двухъ условій опредѣляется степень совершенства науки, какъ стройнаго умственного зданія, — архитектурное достоинство ея; третьимъ же обуславливается степень совершенства ея, какъ знанія. Только полнымъ удовлетвореніемъ всѣмъ этимъ требованіямъ можетъ наука вполне достигнуть своей цѣли — раскрыть надлежащимъ образомъ истину, снабдить человѣка необходимою для него — вполне-здоровою умственною пищею.

V.

Подъ выраженіемъ *единство мысли* должно разумѣть развитіе во всѣхъ частяхъ науки одной основной ея идеи и неизмѣнная вѣрность ей цѣлой науки. Прежде всего, конечно, требуется, чтобъ идея была истинна. Не можетъ лежать въ основаніи науки первая попавшая подъ-руку гипотеза, или первая схваченная на лету идея. Мало того, каждая наука составляетъ часть болѣе обширнаго цѣлаго — извѣстной области наукъ,

какъ, напримѣръ, теорія финансовъ есть одна изъ политическихъ наукъ; а потому необходимо еще, чтобъ основная идея науки не противорѣчила основной идеѣ цѣлой области наукъ, а совпадала съ ней, подтверждала ея, была однимъ изъ ея элементовъ и выражала одну изъ сторонъ ея.

Теорія финансовъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, не удовлетворяетъ этому условію. Хотя и говорится въ руководствахъ, что назначеніе и цѣль финансовой администраціи должны быть вѣрны общей идеѣ государства; но въ нихъ это только слова, не болѣе, потому что большая часть мѣръ и пріемовъ фискальныхъ, одобряемыхъ и допускаемыхъ теоріей, прямо противорѣчитъ основной идеѣ государства. Государственная казна — вотъ идея нынѣшней теоріи; средства собирать казну — вотъ единственное назначеніе финансовой администраціи, по этой теоріи. Неудивительно послѣ этого, что изучая ее, эту теорію, теряешь очень часто изъ виду и правительство, и народъ, и государство, а съ этимъ вмѣстѣ и условія ихъ естественнаго существованія и развитія. Передъ глазами стоятъ государственная казна, описаніе способовъ и средствъ къ собиранію ея и уплаты ея долговъ; за ними, т. е. за казной и этими средствами, не видать ничего — ни народа, ни государства и цѣли его, ни правительства и его назначенія. О человѣчествѣ и говорить нечего: оно рѣшительно не существуетъ для современной теоріи финансовъ.

Но неужели государственная казна можетъ быть идеей или основной мыслью науки? Государственная казна есть не болѣе и не менѣе, какъ только одно изъ средствъ къ достиженію государственныхъ цѣлей. Войско, законодательство, судопроизводство и разныя госу-

дарственные учрежденія суть такія-же средства. Подобно войску и другимъ учрежденіямъ, она должна быть предметомъ заботливости правительства, правильной администраціи, подчинена извѣстнымъ законамъ; но, подобно-же этимъ учрежденіямъ, она не должна быть предлогомъ къ жертвамъ, несомвѣстнымъ съ цѣлью государства, съ благосостояніемъ народа. Казна, подобно войску и другимъ учрежденіямъ, необходима — какъ средство; скажемъ болѣе: казна и войско, на-примѣръ, непремѣнныя условія государственнаго порядка, даже государственнаго союза; но должно признать справедливымъ и то, что они, въ такомъ случаѣ, должны быть органическими частями цѣлаго — государства, и потому должны обусловливаться имъ, его силами вообще и цѣлью, какъ и оно ими; должны составлять естественныя, а не произвольныя части и элементы его силъ. Ясно, что при разсмотрѣннн одной или нѣсколькихъ такихъ частей и силъ, нельзя терять изъ виду ни другихъ частей и силъ, ни соотношенія между ними, ни цѣлаго; а вотъ противъ этого-то и грѣшитъ современная теорія финансовъ. По этой причинѣ, не смотря на единство мысли, она не составляетъ строинаго и полнаго цѣлаго, и представляетъ собою зданіе, построенное безъ строго-опредѣленной и сознанный цѣли. Достоинства науки и съ этой точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія единства мысли, она, значитъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть. Государственная казна не синонимъ государственной администраціи, и понятіе слишкомъ узкое, чтобъ быть предметомъ какой-либо науки, по-крайней-мѣрѣ такой науки, какой слѣдуетъ быть теоріи финансовъ. Эта теорія должна быть не болѣе или менѣе систематическимъ собраніемъ рецептовъ,

какъ собирать государственную казну и платить ее долги; а наукой, *имѣющей предметомъ финансовыя силы и администрацію государства*; силы же эти не ограничиваются и не опредѣляются однимъ количествомъ ежегодно-собираемыхъ казною денегъ, а финансовая администрація не ограничивается собираніемъ и выпускомъ ихъ. Еслибъ назначеніе финансовой администраціи состояло только въ томъ, чтобъ набирать всеми правдами и неправдами казну, то и результаты ее были-бы всегда и вездѣ незавидны, а именно: искусственная дороговизна, постоянныя недоразумѣнія между подданными и правительствомъ, неправильное вообще народное хозяйство и т. п. Въ такомъ случаѣ она прямо противорѣчила-бы своему назначенію и цѣли государственной администраціи вообще. Правда, часто и видимъ мы это въ дѣйствительности; но считать такой порядокъ вещей, — какъ всеѣмъ извѣстно, дурной и непрочный, — естественнымъ, нормальнымъ, — верхъ неразумія. Множество самыхъ разнообразныхъ золъ, которыя мы встрѣчаемъ почти повсюду, плоды такого порядка. На немъ лежитъ печать отжившихъ понятій и убѣжденій; онъ ведетъ только къ страданіямъ и лишеніямъ, и создаетъ ихъ. Какъ-бы дѣйствителенъ ни былъ онъ, наука не можетъ принять его за норму, не можетъ, не противорѣча своему назначенію, считать его разумнымъ и правильнымъ. Она не должна даже называть его порядкомъ, а клеймить названіемъ *безпорядка*. Теорія финансовъ дѣйствуетъ прямо на-оборотъ. Повидимому, она не раздѣляетъ тѣхъ убѣжденій и понятій, которыми руководствуются многія администраціи, непосредственныя виновницы главныхъ изъ современныхъ золъ; но тѣмъ не менѣе въ болѣе или менѣе

степени оправдываетъ ихъ. Она слишкомъ сковываетъ себя дѣйствительностью, почти безусловно подчиняется ей, вмѣсто того, чтобъ быть ея руководительницей и наставницей. Такимъ образомъ, она служить не истинѣ и не правдѣ, а своего рода золотому тельцу — государственной казнѣ. Проповѣдуя, что финансовая администрація должна соображаться съ политико-экономическими законами, она на каждомъ шагѣ оправдываетъ нарушеніе такихъ законовъ. Что такое, напримѣръ, всѣ, болѣе или менѣе одобряемыя ею, промысловыя подати, какъ не нарушеніе политико-экономическихъ законовъ? Что такое подоходная подать, какъ не своего рода военная контрибуція, съ тою только разницей, что эта послѣдняя налагается непріятелями и не столь обременительна для народа, какъ нѣкоторые изъ одобряемыхъ наукой финансовъ податей и налоговъ? Какъ согласить благоразумныя и благотѣльные для человечества политико-экономическіе законы, а также указанія и требованія политической экономіи, съ ученіемъ о финансахъ, допускающимъ подобныя подати и налоги? И чѣмъ оправдать ихъ? — Государственными потребностями и цѣлями? — Онѣ требуютъ исполненія политико-экономическихъ законовъ, потому что эти цѣли не могутъ состоять въ чемъ-либо другомъ, какъ въ общественномъ благосостояніи, которое обусловливается исполненіемъ этихъ законовъ. — Ясно, значить, что теорія придаетъ не надлежащее значеніе финансамъ, что ея воззрѣніе на нихъ крайне-односторонне. Она смотритъ именно на нихъ глазами разнаго рода воеводъ, съ тою только разницей, что менѣе ихъ надѣлена страстью любостыжанія и старается умѣрить ее въ тѣхъ, къ которымъ обращается со своими совѣтами.

Воеводы готовы воспользоваться всякимъ возможнымъ случаемъ, чтобъ лишить несчастныхъ, подвластныхъ имъ людей, не только части, но и всего имущества; теорія-же финансовъ осуждаетъ такую падкость на чужое добро: «нехорошо, говоритъ она воеводамъ: не берите всего за-разъ, — заревутъ; берите умѣренно, — дольше будете брать, больше получите.» Иной разъ, читая совѣты теоріи, такъ и кажется, что она говоритъ въ духъ знаменитаго Гускисона; но, вникнувъ въ дѣло, нельзя не убѣдиться, что теорія повторяетъ только нѣкоторыя изъ его словъ, не сознавая вполнѣ ихъ смысла. Этотъ достойный и мудрый государственный человѣкъ совѣтовалъ уменьшать налоги не только съ цѣлю — увеличивать средства казны, но и для того «преимущественно», чтобъ «содѣйствовать развитію народнаго богатства и облегчить участь народа». На первую онъ смотрѣлъ какъ на средство только, на второе какъ на цѣль; а такъ-какъ цѣль была разумна и честна, такъ-какъ идея его дѣятельности была истинна, то и средство, — что всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, по непреложнымъ законамъ міра, — росло само-собою и развивалось съ приближеніемъ къ цѣли. Тѣ-же повторилось и въ реформѣ Роберта Пиля; тѣ-же видимъ мы и въ хорошихъ мѣрахъ барона Брука. Истинно-государственные люди, подобныя упомянутымъ здѣсь, видятъ въ финансахъ не одно только большее или меньшее количество монеты, денегъ. Для нихъ мало знать, что есть болѣе или менѣе *сподручныя* средства добывать этотъ товаръ для казны.... Они болѣе всего заботятся о благосостояніи народа, о развитіи нравственно-умственныхъ и матеріальныхъ силъ его. Они знаютъ, что съ развитіемъ народныхъ силъ — не только безъ но-

выхъ налоговъ, но и при уничтоженіи многихъ прежнихъ, преимущественно самыхъ вредныхъ, само-собой увеличиваются и средства государственной казны, т. е. улучшаются финансы и въ тѣсномъ, принимаемомъ теоріей, значеніи этого слова. Они не только *собираютъ доходы казны*, но еще *создаютъ, творятъ* ихъ, не угнетая, а обогащая народъ, или, лучше сказать, даютъ этому послѣднему возможность создавать ихъ, заботясь о его участи и содѣйствуя его благосостоянію. Въ этомъ-то, по-крайней-мѣрѣ, заключается самая свѣтлая, самая лучшая сторона ихъ административной дѣятельности, — и такую-то именно стороною преимущественно отличаются они отъ тѣхъ государственныхъ сановниковъ, которые пользуются совершенно иначе теоріей финансовъ, а также и другими науками, — (когда эти имъ болѣе или менѣе знакомы, что не всегда, впрочемъ, случается), — и которые въ финансовой администраціи видятъ только собраніе казны и доставленіе другимъ частямъ администраціи всѣхъ требуемыхъ ими денегъ, безъ строгаго, т. е. должнаго, разбора законности подобныхъ требованій. Не хитрая вещь кое-какъ набирать казну, — средства подъ рукою: налоги и займы... Но мудрое и святое дѣло — нравственно-законными способами собирать ее и создавать или, по-крайней-мѣрѣ, содѣйствовать развитію *финансовыхъ силъ* государства. А что финансы и казенныя деньги, государственная финансовая администрація и кое-какое собраніе государственной казны — не синонимы, такъ вотъ тому доказательства:

Въ одной странѣ, которой мы не назовемъ, чтобъ никого не обидѣть, — странѣ небольшой и, по общему понятію, не богатой, хотя и не бѣдной, съ населеніемъ

около 2,000,000, — завѣдывалъ финансовыми дѣлами, еще очень недавно, одинъ умный, даже гениальный, по мнѣнію многихъ, государственный сановникъ. Никто не сомнѣвался въ его способностяхъ. Монархъ, сколько намъ извѣстно, жаловалъ его и щедро награждалъ, до-вѣряя общему о немъ отзыву, — отзыву, впрочемъ, тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ ни права, ни повода примѣнять къ себѣ вторую половину извѣстной пословицы: «до Бога высоко, до царя далеко». Да монархъ и важные, вліятельные люди и не могли, не имѣли повода сомнѣваться въ его *финансовыхъ* способностяхъ: въ то время, когда всѣ или почти всѣ бюджеты міра отличались одни передъ другими только дефицитами, государственные доходы этой страны превышали, иногда значительно, судя по величинѣ и богатству ея, расходы, и это безъ экстраординарныхъ доходовъ, т. е. займовъ, продажи государственныхъ имуществъ или тому подобныхъ мѣръ. Золото, а не челоуѣкъ, по-крайней-мѣрѣ отличный министръ финансовъ, — не правда ли? Побольше-бы такихъ людей!? — Нѣтъ, господа, съ такими людьми будетъ иногда, пожалуй, и много золота въ государственной казнѣ, да проку не будетъ никакого, — будетъ мало хлѣба, просвѣщенія, вообще добра, надлежащаго государственнаго порядка, и революція будетъ постоянно висѣть надъ страной и тронѣмъ, какъ мечъ Дамоклеса. Вотъ тому доказательства. Въ этой странѣ, гдѣ частныя школы не имѣютъ или, по-крайней-мѣрѣ, еще недавно не имѣли возможности существовать въ слѣдствіе разныхъ постановленій и опасной для нихъ конкуренціи казенныхъ учебныхъ заведеній, учителя казенныхъ уѣздныхъ школъ получали такое ничтожное содержаніе, что, и при крайне-бѣдной жизни, его хва-

тало только на наемъ *угла*, рѣдко *кошлатки*, и на *хлѣбъ*, но не бѣлый, а черный; на одежду—же и обувь, на книги и другія необходимыя потребности его не доставало. Словомъ, учитель получалъ менѣе послѣдняго изъ чернорабочихъ, а именно около 25 коп. на наши деньги въ сутки; чернорабочіе—же въ той странѣ получаютъ не менѣе 40 копѣекъ, но почти всегда болѣе, до рубля и болѣе серебромъ. Не думайте, однако, чтобъ и трудъ учителя былъ зато малъ: нѣтъ, онъ обязанъ былъ давать 25 и 30 уроковъ въ недѣлю; значить, онъ получалъ около 5 коп. за урокъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ такой «мудрой экономіи» было то, что люди даровитые, съ дѣйствительнымъ призваніемъ къ учебному поприщу, избѣгали его, при первой возможности отказывались отъ своихъ мѣстъ, брали другія должности, изъ которыхъ всѣ были сноснѣе учительскихъ; а учебныя заведенія оставались часто безъ надлежащаго числа учителей, такъ—что начальству этихъ заведеній нерѣдко приходилось предлагать учительскія мѣста первымъ встрѣчнымъ людямъ, какъ—то: чиновникамъ, выключеннымъ изъ службы за пьянство и тому подобныя качества, малограмотнымъ писарямъ, пономарямъ, портнымъ, не умѣющимъ шить платья, и имъ подобнымъ людямъ. Вторымъ слѣдствіемъ такой «мудрой финансовой экономіи» было общее мнѣніе, что правительство вообще и монархъ въ-особенности враждебны просвѣщенію, и съ умысломъ назначили такія оклады учителямъ, чтобъ училища не имѣли преподавателей, юношество ничему не училось, и вся страна, со временемъ, не имѣла училищъ и погрязла въ мракъ невѣжества. — Чиновники вообще получали жалованье пропорціональное вышеприведенному учительскому. Только оклады *высшихъ*

чиновъ составляли исключеніе изъ общаго правила, были достаточны, а часто и болѣе того, такъ—что представляли этимъ высшимъ чинамъ возможность откладывать не только копѣйки, но и рубли на черный день. Понятно, что всѣ почти высшіе чины были въ восторгѣ отъ министра финансовъ, называли его своимъ Кольберомъ и приписывали ему дипломатическій умъ Талейрана. Разумѣется, *презрѣнная* толпа нисшихъ чиновъ не раздѣляла подобнаго восторга. Да на нее, какъ водится, никто и не обращалъ вниманія; только монархъ иногда вопрошалъ лица, получавшія *восторговозбудительные* оклады, объ участи людей, не удостоившихся такихъ окладовъ и, вѣроятно, на вопросы свои получалъ такіе отвѣты, которые успокаивали его совѣсть и радовали его доброе, любящее сердце. Не правило, впрочемъ, и нѣкоторымъ высшимъ чинамъ, какъ всѣмъ служащимъ, взиманіе въ пользу государственной казны разныхъ пошлинъ съ чиновниковъ при вступленіи ихъ въ должность, полученіи чина, ордена и т. п. На—примѣръ, съ чиновника, получавшаго за примѣрно отличную, начальствомъ засвидѣтельствованную службу, чинъ, соответствующій нашему 5-му классу, взыскивалось — въ благодарность казнѣ за ея милость — около 1800 франковъ, при жалованьѣ въ 4000 — франковъ—же, а не фунтовъ стерлинговъ. Понятно, что люди бѣдные, въ такомъ случаѣ, смотрѣли на милость правительства, какъ на кару Божію, и выражали, увы! тщетное желаніе, вмѣсто того, чтобъ удостоиваться полученія чина и благодарить за него такимъ денежнымъ образомъ правительство или казну, получать въ награду, за примѣрную службу свою, денежную сумму, равную такой благодарности. Ближайшимъ результа-

томъ такихъ и имъ подобныхъ мудрыхъ финансовыхъ мѣръ, по которымъ и награды за службу равнялись строгимъ наказаніямъ, или по-крайней-мѣрѣ взысканіямъ, было то, что огромное большинство служащихъ находилось въ крайности и, какъ говорится, въ долгу какъ въ шелку; а такъ-какъ промышленныя силы страны, благодаря подобнымъ-же, по мудрости своей, мѣрамъ, не были достаточно развиты, то служащіе не находили себѣ ни мѣста, ни дѣла на другихъ поприщахъ. Другимъ результатомъ было то, что въ странѣ, которая славилась еще недавно честностію своихъ гражданъ, даже служащихъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе укоренялось взяточничество со всѣми грустными и гнусными своими послѣдствіями. Далѣе, масса народонаселенія, всегда покорная правительству и прежде истинно-преданная своему монарху, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе охлаждѣвала къ нему и, довѣряя разнымъ слухамъ, приписывало все зло ему одному. А между тѣмъ, онъ вовсе не походилъ на какого-нибудь Лудовика XV, царствовалъ не по правилу: *après moi le déluge!* Такъ вотъ къ чему вело такое *цвѣтущее* состояніе финансовъ государства!

На это замѣтятъ, быть можетъ, нѣкоторые, что въ этой странѣ и вся администрація, а не одна финансовая часть ея была дурна? Безспорно, противъ этого и говорить нечего. Но можно-ли, спрашивается, считать этого министра не только государственнымъ, но и просто честнымъ человѣкомъ? Надѣленъ ли онъ былъ государственно-, административно-финансовымъ, а не просто-финансовымъ умомъ? Ясно, что нѣтъ. Ясно также, что скрывая отъ монарха истинное состояніе служащихъ и подданныхъ вообще, онъ не служилъ ему

и отечеству, а принадлежалъ къ числу ихъ враговъ, если не по чувствамъ, такъ по дѣйствіямъ своимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ смотрѣлъ на *финансы* съ узкой точки зрѣнія современной теоріи финансовъ. Но не такъ, конечно, смотрять на нихъ истинно-государственные люди: они не смѣшиваютъ въ понятіяхъ своихъ государственной казны съ народнымъ благосостояніемъ, не поддерживаютъ первой въ ущербъ второму. *Faites-moi de la bonne politique, et je vous ferai de bonnes finances*, говорилъ умный французскій министръ баронъ Луи (Louis), и не брался обогатить государственную казну «во что бы то ни стало».

Еще примѣръ. Въ одномъ германскомъ государствѣ, страдавшемъ, въ прошломъ вѣкѣ, не столько отъ количества налоговъ, сколько отъ дурнаго ихъ качества и вообще отъ дурной администраціи, взяточничества, nepotизма, фаворитизма и т. п. явленій, дороговизна возрасла до того, что обратила на себя вниманіе какъ богачей, такъ и лицъ, получавшихъ и восторго-возбудительные оклады. Къ этому присоединилось и другое зло, а именно — постоянно-возраставшій дефицитъ, и это не смотря на то, что администрація была очень, очень неразборчива въ выборѣ средствъ. Начали думать, какъ помочь горю и, послѣ долгихъ разсужденій, положили смѣнить интенданта государственныхъ доходовъ и расходовъ, и назначить на его мѣсто другаго, болѣе способнаго человѣка. Новый интендантъ, при вступленіи въ должность, объявилъ, что поправить финансовыя дѣла государства, но съ условіемъ, чтобъ еще на нѣкоторое время сохранить нѣкоторые изъ тѣхъ фискальныхъ мѣръ, которыя признавались дурными и вредными для народнаго благосостоянія. Условіе было принято;

но скоро всё раскаялись въ своей необдуманности : дороговизна возрастала , народъ продолжалъ бѣдствовать . Правительственныя лица не понимали , что зло кроется въ дурной администраціи вообще , что главная причина дороговизны—во взяточничествѣ , откупахъ , наиримѣрь , на соль , солодъ , бѣльшей или мѣньшей монополіи хлѣбной торговли , и тому подобныхъ явленіяхъ и мѣрахъ . Ясно , что и тутъ главная ошибка интенданта состояла въ томъ , что онъ поставилъ себѣ цѣлью *во-что-бы-то ни-стало* улучшить состояніе казны , и забывъ , что она только средство для достиженія государственной цѣли — блага народа , и что не слѣдуетъ жертвовать средству цѣлю . Ему слѣдовало-бы прежде всего , уничтожить , на сколько это зависѣло отъ него , причины страданія народа , содѣйствовать водворенію правосудія и т . п . ; а онъ , вмѣсто того , служа ложной цѣли , только усложнялъ дѣло и затруднял достиженіе цѣли истинной , а потому не достигъ и своей эемерной , ложной цѣли , какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ . Ясно также , что этотъ государственный сановникъ задумалъ дѣло невозможное : зло исправить зломъ , — воспользоваться доходами казны , вредными для народнаго хозяйства , чтобъ поправить финансы государства . Онъ дѣйствовалъ , значить , по правилу всѣмъ извѣстнаго Тришки , который « по четверти обрѣзалъ рукавъ — и локти заплатилъ » . А между-тѣмъ , вѣроятно , и этотъ государственный сановникъ и гражданинъ *просвѣщенной* страны называлъ и считалъ Русскихъ варварами , не подозревая , что между этими варварами , едва начинавшими тогда учиться азбукѣ , былъ человекъ , и притомъ не важный по званію , который утверждалъ и доказывалъ , что *«худой тотъ сборъ , аще кто казну царю соби-*

раетъ , а людей разоряетъ» (Посошковъ) (*). Зло не исправляется зломъ , что-бы ни говорили противъ этого нѣкоторые мудрецы .

На все вышесказанное намъ возразятъ , быть можетъ , что долженъ-же кто-нибудь въ государствѣ заботиться о государственной казнѣ , поставить ее болѣе или менѣе исключительной цѣлью своей дѣятельности , и что , по этой причинѣ , вышеозначенные два государственныхые сановника могутъ вполне оправдать себя тѣмъ , что они имѣли въ виду одну только эту цѣль . Отвѣтъ на такое замѣчаніе не труденъ . Во-первыхъ , если люди могутъ оправдывать ошибки свои тѣмъ , что берутся не за свое дѣло , не сознавая своей неспособности ; то , конечно , и эти государственные сановники не подлежатъ порицанію . Да мы и не думаемъ предавать ихъ суду ; мы даже и не осуждаемъ ихъ , а только разбираемъ смыслъ ихъ дѣйствій , идею ихъ дѣятельности , чтобъ доказать , что она неосновательна , превратна . Во-вторыхъ , какъ средства не оправдываются цѣлями , такъ и цѣли не оправдываются средствами , когда и эти нехороши , безнравственны , незаконны . Финансы и финансовая администрація не могутъ составлять исключенія изъ этого общаго правила ; а потому и означенные два мужа никоимъ образомъ не могутъ оправдывать нелогическихъ мѣръ своихъ желаніемъ достигнуть прекрасной цѣли — обогатить или , по-крайней-мѣрѣ , обезпечить государственную казну . Войско также составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій , въ наше время по-крайней-мѣрѣ , существованія госу-

(*) *Сочиненія Ивана Посошкова* , изданныя г . Погодинымъ въ Москвѣ , 1842 , стр . 209 .

дарства и средство для достиженія его цѣлей. Войско нуждается въ различныхъ упражненіяхъ, и люди практическіе по этой части говорятъ, между-прочимъ, что война образуетъ хорошихъ, опытныхъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ. Съ этимъ нельзя не согласиться, конечно. Но что сказали-бы здравомыслящіе люди о военачальникѣ, который, для достиженія полезной цѣли — образованія хорошихъ, опытныхъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ, — вздумалъ-бы, въ мирное время, за отсутствіемъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, упражнять войско свое въ военномъ искусствѣ на счетъ мирныхъ согражданъ, т. е. приказалъ-бы ему дѣйствовать противъ нихъ какъ противъ враговъ, и противъ ихъ имуществъ какъ противъ непріятельскихъ крѣпостей или кораблей, — положимъ, совершенно такъ, какъ это было въ достопамятное 2-е декабря въ Парижѣ? Да это совсѣмъ другое дѣло! замѣтитъ намъ, быть можетъ, кое-кто: тутъ военное дѣло и кровь, жизнь гражданъ, а тамъ финансы и деньги. Будто-бы совершенно другое дѣло? Главная разница между ними въ названіяхъ, а причина и послѣдствія одинаковы: причина — невѣжество, послѣдствія — зло и вредъ. Оба дѣла, военное и финансовое, дѣйствуютъ пагубно и убійственно на имущество и жизнь гражданъ; оба отравляютъ ихъ существованіе, уменьшаютъ число здоровыхъ людей и количество капиталовъ, усиливаютъ смертность, увеличиваютъ число больныхъ; оба свидѣтельствуютъ, наконецъ, что личныя и имущественныя права гражданъ не обезпечены надлежащимъ образомъ законами и зависятъ отъ прихоти и воли своего рода сатраповъ. Другая разница между ними состоитъ въ томъ, что вредныя послѣдствія одного,

именно военного дѣла, ближе, непосредственнѣе и замѣтнѣе, а другаго, финансового, менѣе бросаются въ глаза съ перваго на нихъ взгляда. Но тотъ, кто-бы сталъ осуждать дѣйствія подобнаго военачальника строже дѣйствій администраторовъ, каковы вышеупомянутые, тотъ былъ-бы крайне-несправедливъ и выказалъ-бы только неспособность свою разбирать общественныя дѣла. Если-бъ людямъ, понимающимъ вліяніе финансовой администраціи на жизнь государства, на благосостояніе его гражданъ, предложено было выбрать изъ двухъ золъ меньшее: назначить или упомянутаго военачальника, или упомянутаго интенданта, то, конечно, предвидя подвиги того и другаго, они предпочли-бы перваго, потому-что, подумали-бы они, если этотъ военачальникъ вздумаетъ стрѣлять по мирнымъ гражданамъ и дастъ приказаніе артиллеріи разрушать ихъ имущества, то тотчасъ-же, какъ только начнетъ онъ свое похвальное дѣло образованія опытныхъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ, всѣ увидятъ, «даже неопытные солдаты, офицеры и генералы», что онъ глупъ и принадлежитъ къ числу — не опытныхъ военачальниковъ, а людей полупомѣшанныхъ, а потому не дадутъ ему продолжать такое безумное дѣло... и такимъ образомъ зло будетъ пресѣчено въ своемъ началѣ; послѣдствія-же административной дѣятельности интенданта не будутъ съ-разу замѣчены, и потому онъ причинитъ государству болѣе вреда и зла, нежели подобный военачальникъ. Правы были-бы эти люди, или, по-крайней-мѣрѣ, не безъ основанія разсуждали-бы они такимъ-образомъ. — Въ-третьихъ, государство явленіе не случайное, а необходимое, существованіемъ котораго обусловливается все лучшее для челоуѣчества.

Оно такъ-же органически связано съ участью человѣчества, какъ и всѣ другія вещественныя и не-вещественныя силы. Существованіе государствъ вполнѣ объясняется разными неизмѣнными, естественными законами. Будучи не случайнымъ, а органически-необходимымъ явленіемъ въ мірѣ, государство, уже по одному этому, есть и должно быть живымъ организмомъ, всѣ части котораго должны быть органически связаны между-собою, и все въ немъ и въ нихъ должно соответствовать цѣлому организму его. Въ противномъ случаѣ жизнь его была-бы не нормальна, и всѣ силы его развивались-бы и ненормально, и медленно, даже и тѣ изъ нихъ, которыя-бы, по-видимому, развивались быстро и гораздо быстрѣе другихъ и въ ущербъ другимъ: рано или поздно оказалось-бы, что развитіе однихъ силъ на счетъ другихъ ни къ чему путному не ведетъ, подобно быстрому росту растенія не-кстати вскормленнаго на слишкомъ тучной почвѣ. Исторія на каждомъ шагѣ подтверждаетъ справедливость нашихъ словъ. Слишкомъ многочисленное войско, напримѣръ, не сообразное съ другими силами націи, — каковы, между-прочимъ, нынѣшнія войска французское и австрійское, — никогда не служило ни къ чему путному, даже далеко не всегда и къ военной славѣ, и тѣмъ менѣе къ водворенію прочнаго и долговѣчнаго внутренняго порядка или къ утверженію власти. Напротивъ, такое войско всегда дорого стоило странѣ, было помѣхой ея благосостоянію и служило къ паденію властей, думавшихъ поддержать себя имъ. Таковы-же результаты и излишняго богатства казны, невозможнаго безъ «насилій». Да кромѣ-того, кто-же изъ понимающихъ, что такое *государственныя силы*, измѣряетъ военныя силы государ-

ства однимъ количествомъ его войска, кораблей и крѣпостей? Если-бъ количество здѣсь значило все, то, конечно, достаточно было-бы повелѣнія Китайскаго императора, чтобъ создать войско, опасное для всѣхъ русскихъ, германскихъ и французскихъ армій, взятыхъ вмѣстѣ. Но военныя силы страны не ограничиваются и не измѣряются, людьми толковыми, однимъ количествомъ ея войска: эти силы и въ его дисциплинѣ, и въ духѣ правительства и народа, и въ территоріи, и въ администраціи, и въ духовномъ и промышленномъ развитіи націи, — во всемъ, что называется *государственными силами*. Какъ-же не понимать или не обращать должнаго вниманія и на то, что и финансовыя силы страны органически-связаны со всѣми другими силами ея, не могутъ измѣряться количествомъ денегъ въ государственной казнѣ и должны составлять не произвольно-большую или малую, а естественную часть капиталовъ государства, даже и въ такомъ случаѣ, если придавать финансамъ исключительно-денежный характеръ? При вступленіи Сюлли въ управленіе государственной казной, французскій народъ платилъ податей до 150,000,000 франковъ, изъ которыхъ только 30,000,000 поступало въ казну; но кто-же не согласится, что если-бъ народъ платилъ всего только 40 или 50 милліоновъ, которые-бы, за исключеніемъ небольшихъ процентовъ на расходы по взиманію податей, поступали всѣ сполна въ казну, то финансовыя силы страны, конечно, увеличились-бы значительно, но не потому только, что доходъ казны сдѣлался-бы значительно, но и потому еще, что народъ платилъ-бы менѣе за тѣ услуги, которыя оказывало ему правительство. Только люди, видящіе въ финансахъ однѣ деньги,

не согласается въ этомъ съ нами и, конечно, будутъ въ этомъ отношеніи, столь-же неправы, какъ тѣ, которые измѣряютъ военныя силы государства однимъ количествомъ его войска. Всѣ государственныя силы и всѣ условія ихъ развитія такъ-же тѣсно связаны между собою, какъ и силы каждаго отдѣльнаго человѣка, а потому жертвовать однѣми силами народа въ ущербъ другимъ — незаконно и неразумно.

Нѣчто подобное сказанному здѣсь нами говорится и въ современныхъ финансовыхъ учебникахъ; но тѣмъ не менѣе, въ нихъ чуть ли не на каждомъ шагу попадаются уклоненія отъ этого вѣрнаго правила, и государственной казнѣ придается значеніе, не соответствующее ея довольно-скромному, относительно, значенію. Считая приходы и расходы ея исключительнымъ предметомъ своихъ разсужденій и выводовъ, теорія финансовъ постоянно теряетъ изъ виду главное, а именно: что такое *финансовыя силы* страны и въ чемъ заключается *сущность* ихъ? Она еще смотритъ на государство вообще, и на правительство, администрацію и государственную казну въ-особенности глазами феодальныхъ временъ. Придавая такое значеніе казнѣ, она не далека отъ того взгляда на вещи, противъ котораго такъ основательно возстаетъ большая часть французскихъ и другихъ экономистовъ. Извѣстно, что французы вообще все, долженствующее, по ихъ понятіямъ, существовать въ государствѣ, взваливаютъ на правительство, требуютъ для всего опеки его и придаютъ всему оффиціальному такое значеніе, какого ему не слѣдовало бы никогда имѣть. Но если подобный взглядъ на вещи, объяснимый невѣжествомъ большинства великой націи, охотно прощается этому боль-

шинству всѣми здравомыслящими и незлобными людьми, то врядъ ли такъ-же легко должны они спускать его такой теоріи, наукѣ, назначеніе которой быть руководительницей даже образованныхъ людей, не исключая и государственныхъ дѣятелей. Особенно непонятно, какъ можетъ принадлежать подобный взглядъ на вещи ученымъ, которые не только признаютъ политическую экономію наукой, но и утверждаютъ еще въ своихъ сочиненіяхъ, что для правильной оцѣнки каждой финансовой мѣры необходимо знаніе этой науки. Знаніе политической экономіи непременно ведетъ къ убѣжденію, «что нельзя и не должно отдѣлять финансовыя силы страны отъ другихъ государственныхъ силъ, ни допускать, чтобъ государственная казна имѣла то значеніе, какое придается ей теоріей финансовъ». Какимъ-же образомъ согласить сознаніе политико-экономическихъ законовъ съ тѣми уступками, которыя дѣлаетъ эта теорія финансовой рутинѣ? Можно-ли объяснить такую уступчивость чѣмъ-либо другимъ, кромѣ вліянія рутинны на ученыхъ изслѣдователей финансовыхъ вопросовъ, и желаніемъ ихъ согласить требованія науки вообще, преимущественно политической экономіи, — требованія истины и правды, — съ условіями грустной и тяжелой дѣйствительности? Не думаемъ. Но какъ бы то ни было, а не слѣдуетъ смѣшивать средства съ цѣлями, ни оправдывать одни изъ нихъ другими; въ противномъ случаѣ неизбежны ошибки и значительные промахи, какіе постоянно дѣлаютъ финансовыя администраціи, подъ управленіемъ людей, не одаренныхъ государственно-административнымъ талантомъ. А къ чему ведутъ подобныя ошибки и промахи, это можетъ видѣть каждый: страданія большинства въ

большей части государствъ не такъ незначительны, чтобъ кто либо могъ не замѣчать и не видѣть ихъ, кромѣ бездарныхъ сановниковъ, довольныхъ своей собственной участью и въ-особенности своимъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ.

Само-собой разумѣется, что если можно объяснять неправильное воззрѣніе теоріи, или науки, на какой-либо предметъ, влияніемъ на нее дѣйствительности, а также если можно и даже должно прощать людямъ, какое-бы мѣсто ни занимали они въ обществѣ, ихъ превратный взглядъ на вещи и, въ-слѣдствіе такого взгляда, превратныя дѣйствія, какъ-бы пагубно ни было влияніе ихъ на участь человѣчества; то нельзя и не должно молчать обо всемъ этомъ, — не слѣдуетъ человѣку, сознающему свое человѣческое достоинство и содѣйствующему, по мѣрѣ силъ своихъ, развитію подобнаго сознанія и въ ближнихъ своихъ, — не слѣдуетъ такому человѣку признавать ложное истиннымъ, беззаконное законнымъ, неправое правымъ. Еще менѣе дозволяется такому человѣку быть равнодушнымъ къ тому, въ какой степени та или другая наука вѣрна своему назначенію. Онъ можетъ объяснять несостоятельность науки, между-прочимъ, и влияніемъ на нее дѣйствительности, практики, рутины; но оправдывать ложныя положенія и выводы первой ненормальностью второй онъ не имѣетъ права; да подобное оправданіе ни къ чему бы путному и не повело. Назначеніе науки состоитъ не въ томъ, чтобъ быть болѣе или менѣе вѣрнымъ и точнымъ изображеніемъ, или портретомъ, дѣйствительности; а въ томъ, чтобъ раскрывать истину, указывать людямъ, какъ имъ слѣдуетъ жить и дѣйствовать, не увлекаясь искусственными законами и прави-

лами, а слѣдуя законамъ, предначертаннымъ для нихъ Провидѣніемъ, законамъ непреложнымъ, естественнымъ и вѣчнымъ.

Думаемъ, что послѣ всего сказаннаго нами, не нужно еще распространяться о томъ, что основная идея теоріи финансовъ слишкомъ мелка для такой науки, задача которой состоитъ въ изложеніи законовъ и правилъ рациональнаго финансоваго управленія, — что такая идея не соотвѣтствуетъ назначенію и сущности истинной финансовой науки, надъ которой надо еще поработать ученымъ и государственнымъ людямъ, и, наконецъ, что казна и финансы, въ тѣсномъ, принимаемомъ современной теоріей, значеніи этихъ словъ, могутъ быть задачей только одной изъ отдѣловъ полной теоріи финансовъ. Ясно также, намъ кажется, что «условіе единства мысли» только формально, т. е. чисто внѣшнимъ образомъ удовлетворяется современной теоріей. Итакъ въ этомъ отношеніи не имѣетъ и не можетъ она имѣть достоинства науки, въ чемъ еще лучше убѣдятся читатели изъ нижеслѣдующаго продолженія нашего разбора.

VI.

Не удовлетворяетъ современная теорія финансовъ и другому требованію, а именно, чтобъ дѣленіе науки было не произвольно, а происходило изъ самой ея идеи, чтобъ была необходимая связь между ея частями и, наконецъ, чтобъ эти части соотвѣтствовали, вмѣстѣ и каждая отдѣльно, цѣлому ея зданію, наукѣ во всемъ ея объемѣ.

Теорія финансовъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей, излагаемыхъ въ руководствахъ въ различномъ порядкѣ :

1) *Введенія*, или *вступленія*, въ которомъ говорится о необходимости финансовъ и происхожденіи ихъ, — объясняется, что такое теорія финансовъ, къ чему служить она и т. п.

2) *О государственныхъ расходахъ*. Здѣсь говорится о разныхъ родахъ и видахъ государственныхъ расходовъ; но не разсматриваются они съ точки зрѣнія народнаго блага; не показывается отношеніе ихъ къ производительнымъ силамъ націи; не объясняется, стоятъ или нѣтъ блага, доставляемыя этими расходами, тѣхъ стѣсненій и страданій, которымъ подвергается нація, благодаря существованію такихъ расходовъ.

3) *О государственныхъ доходахъ*. Это главная по объему и по содержанію часть современной теоріи. Здѣсь разсматриваются все роды доходовъ, какъ-то: отъ государственныхъ имуществъ, регалій, повинностей и налоговъ. Эта часть вмѣстѣ съ слѣдующей служитъ лучшимъ доказательствомъ несостоятельности теоріи финансовъ.

4) *О государственномъ кредитѣ*, т. е. о займахъ и уплатѣ государственныхъ долговъ.

Къ этимъ частямъ прилагается въ нѣкоторыхъ руководствахъ еще особенный отдѣлъ: «объ устройствѣ финансоваго вѣдомства и управленія».

Вотъ и все зданіе современной теоріи финансовъ. Неужели не бросается въ глаза неполнота его? Понятно, что этой неполноты могутъ не замѣтить люди мало или вовсе не думающіе о финансовой администраціи; но какъ не замѣтить ея тѣмъ, которые вдумываются въ этотъ предметъ, посвящаютъ ему много времени, изу-

чаютъ его добросовѣстно и знакомы съ нимъ не по одному какому-нибудь руководству?

Доходъ, или приходъ, и расходы государственной казны, обзоръ способовъ, какими она пользуется для полученія *денегъ*, и общій перечень предметовъ, на которые она обязана выдавать ихъ, — вотъ содержаніе современной теоріи финансовъ; а между тѣмъ во всѣхъ руководствахъ по этому предмету, на первыхъ-же страницахъ, — впрочемъ, только на нихъ, — говорится, — и то правда, говорится только, но не доказывается, какъ и почему, — что финансы развиваются во всѣхъ отношеніяхъ вмѣстѣ съ развитіемъ государствъ, что они имѣютъ значительное вліяніе на судьбу этихъ послѣднихъ, на участь ихъ гражданъ и т. п. Это справедливо, конечно; но такая тѣсная связь финансовъ съ судьбой народовъ и государствъ должна быть развита и доказана наукой; теорія же ограничивается, въ этомъ отношеніи, самыми поверхностными замѣчаніями. Но это еще не бѣда; хуже то, что она на каждомъ шагу теряетъ изъ виду подобную неразрывную связь между одною изъ основныхъ частей администраціи и участію государства.

Самое введеніе, или вступленіе, показываетъ, что назначеніе финансовъ не вполне сознано учеными, создавшими нынѣшнюю теорію, и что слово *финансы* принимается ими въ значеніи слишкомъ тѣсномъ, а именно въ значеніи *денежныхъ доходовъ* и *расходовъ* государственной казны. Въ основѣ всей теоріи лежитъ слѣдующее положеніе, развитіе котораго составляетъ главное содержаніе введенія, или вступленія, а именно положе-

ніе, « что всякое правительство, для управленія государствомъ, *нуждается въ деньгахъ*, которыя и надлежитъ добыть ему, что добываніе такихъ денегъ и составляетъ задачу финансовой администраціи, а дѣло науки, т. е. теоріи финансовъ, состоитъ въ изложеніи способовъ полученія и употребленія *денежныхъ* средствъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей».

Но неужели задача финансовой администраціи въ томъ только и состоитъ, чтобъ набирать казну и удовлетворять *денежнымъ* требованіямъ всѣхъ частей администраціи вообще? Если такъ, то правъ графъ Канкринъ: « финансы — великое зло для общества » (*). Но точно-ли можно и должно приписывать финансамъ характеръ исключительно-денежный? Не такого мнѣнія о нихъ баронъ Брукъ (**). Точно-ли *финансы* и *деньги* — синонимы? Итакъ: « финансы его въ хорошемъ состояніи » значить: « у него довольно или много денегъ », и « финансы Испаніи въ жалкомъ состояніи » означаетъ, что « нѣтъ или мало денегъ въ испанской государственной казнѣ, и что испанскій министръ финансовъ не знаетъ, гдѣ и какъ добыть ихъ ». Такъ обыкновенно выражается большинство, а въ томъ числѣ и « непризванные министры финансовъ »; такъ и смотритъ оно на финансы и на финансовую администрацію. Не удивительно послѣ этого, что оно всегда готово предложить въ министры финансовъ каждаго банкира или купчика, который съумѣлъ составить себѣ огромное состояніе: « онъ-де нажился, — значить, съумѣетъ

(*) Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen. Stuttgart 1845. стр. 216.

(**) Die neue Gestaltung der Geld- und Credit-Verhältnisse in Oesterreich. Str. 3.

обогатить и насъ!» Оно и не подозрѣваетъ, что если, на-примѣръ, какой либо *банкирскій домъ* вступитъ въ управленіе финансами страны, то очень можетъ быть, что дѣла государственной ея казны пойдутъ *хорошо*, т. е. что въ ней не будетъ *видимыхъ* дефицитовъ, но что еще лучше пойдутъ дѣла этого банкирскаго дома и его представителя. Оно не подозрѣваетъ также, что съ этимъ вмѣстѣ можетъ быть плохо, даже очень плохо правительству и въ особенности народу, вообще государству, и что, при богатствѣ казны и высокомъ финансовомъ, — но не государственно-финансовомъ, — умѣ ея распорядителя, народъ можетъ бѣдствовать, крайне бѣдствовать, а правительство — не случайное, временное, а тѣсно, органически связанное съ народомъ, — можетъ глубоко страдать нравственно, если предположить, что оно не имѣетъ возможности избавить себя и народъ свой отъ ига банкирскаго дома, завѣдывающаго государственными финансами. Большинству простителенъ подобный взглядъ на администрацію и на способность къ ней людей, надѣленныхъ талантомъ ни во что не ставить страданія и интересы массы народонаселенія, при устройствѣ собственныхъ своихъ дѣлъ. Измѣряя чуть-ли не все условія своего благосостоянія деньгами, оно по-необходимости придаетъ имъ значеніе, какого они не имѣютъ, — подъ словомъ *финансы* разумѣетъ деньги и только деньги, на этотъ аршинъ мѣряетъ и способности людей, завѣдывающихъ финансовой администраціей, и не видитъ никакой разницы между *промышленно-финансовымъ* и *государственно-финансовымъ* умомъ. Исторія французскихъ и нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ казначействъ представляетъ не одно доказательство, что мало быть и геніальнымъ

банкиромъ, чтобъ управлять надлежащимъ образомъ государственными финансами. Каждый порядочный банкиръ — полезный дѣятель, заслуживающій полного уваженія, — на своемъ мѣстѣ; но никогда не замѣнить онъ, если не надѣленъ государственно-административнымъ умомъ, министра съ призваніемъ къ общественной службѣ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ для того только и приглашаются иногда банкиры къ участию въ министерствахъ, чтобъ они поддерживали не слишкомъ геніальныхъ министровъ своимъ вліяніемъ на промышленное сословіе, *что видно*; а частію и для того, чтобъ они устроивали и частныя *финансовыя* дѣлишки министровъ, *чего не видать*. Англія и въ этомъ отношеніи составляетъ счастливое исключеніе изъ общаго правила, и правительства ея ищутъ не банкировъ, а *министровъ* для управленія финансами. Не трудно, кажется, понять, что если такая поддержка и дѣйствительна для нѣкоторыхъ министерствъ, то немного пользы приноситъ она народамъ и правительствамъ. Мольены и Лафиты составляютъ рѣдкія исключенія изъ общаго правила. Геніальный банкиръ можетъ оказаться бездарнымъ и вреднымъ министромъ, а истинно-даровитый министръ плохимъ банкиромъ. Каждому свое, — и каждый хорошъ на своемъ мѣстѣ.

Теорія финансовъ, къ сожалѣнію, поддерживаетъ въ большинствѣ образованныхъ людей выше означенный неправильный взглядъ на этотъ важный предметъ, вмѣсто того, чтобъ доказывать его ложность. Нѣтъ, государственные финансы и деньги не одно и то-же, и финансовая администрація не можетъ ограничиваться одними доходами и расходами государственной казны. Образъ дѣйствія лучшихъ министровъ финансовъ слу-

жить яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ этой истины. Главная забота такихъ лицъ всегда заключалась въ томъ, чтобъ содѣйствовать своимъ управленіемъ развитію «*всѣхъ, матеріальныхъ и умственныхъ, силъ народа*»; а не въ томъ, чтобъ облагать его новыми податями или тому подобными мѣрами. На финансы они смотрѣли какъ на «*средство*» только, и не жертвовали этому средству великою и святою цѣлю своей дѣятельности — народнымъ благомъ. Истинно-государственные люди всегда понимаютъ, что съ увеличеніемъ налоговъ не увеличивается, а, напротивъ, уменьшается народное благосостояніе, и знаютъ также, что съ развитіемъ наукъ, искусствъ, промышленности, само-собой, не только безъ увеличенія числа и мѣры налоговъ, но даже и съ уменьшеніемъ количества и мѣры ихъ увеличиваются приходы государственной казны и, кромѣ того, уменьшаются ея расходы, хотя, судя по цифрамъ, и увеличиваются они иногда. Дѣло не въ величинѣ цифры, а въ пропорціи, процентъ, который она выражаетъ. Развитію этой истины слѣдовало-бы дать первое мѣсто въ теоріи финансовъ, и вся она должна-бы быть проникнута этой истиной, на каждомъ шагу доказывать и подтверждать ее. Тогда только можетъ теорія финансовъ получить значеніе науки вообще и значеніе науки политической въ-особенности, когда за государственной казной не будетъ скрываться въ ней, отъ взоровъ учащихъся, ни правительство, ни народъ, ни даже человечество. Тогда только будетъ она имѣть надлежащее вліяніе на общественное мнѣніе и на администрацію, когда задачей ея будетъ не казна, а народное благосостояніе. Наука фи-

нансовъ и правда, или истина, о финансахъ должны быть синонимами.

Только неспособные министры финансовъ принимали государственную казну за цѣль, а не за средство для достиженія высшихъ государственныхъ цѣлей. Только такіе министры ознаменовываютъ свое управленіе исключительною заботой объ увеличеніи средствъ казны *во-что-бы-то ни стало*, и потому или поддерживаютъ уже существовавшіе до нихъ тягостные для народа налоги, откупа и тому подобныя фискальныя мѣры, или даже вводятъ новые, и такимъ образомъ вмѣсто того, чтобъ уменьшать лишніе расходы казны, только увеличиваютъ ихъ, потому-что всякій налогъ, даже самый сносный, возвышаетъ цѣну (*) на всѣ вообще предметы въ государствѣ, препятствуя въ тоже время развитію всѣхъ его силъ. Приобрѣтать для казны суммы посредствомъ такихъ налоговъ и мѣръ значитъ брать одной рукою, чтобъ *издерживать* (**) другою; но издерживать не только взятое, или полученное, а еще высокіе проценты на взятое, проценты, которые, при откупахъ, на примѣръ, равняются не только добытымъ такимъ образомъ суммамъ, но и значительно превышаютъ ихъ. Графъ Канкринъ все это очень хорошо понималъ, и потому-то, смѣшивая дурныя финансовыя администраціи съ хорошими, рѣшилъ, что «финансы — зло». По нашимъ понятіямъ, онъ занимаетъ

(*) Замѣтимъ, однако, что чѣмъ рациональнѣе администрація, тѣмъ незначительнѣе возвышается *отъ налоговъ* цѣна на предметы, такъ-что такое возвышеніе можетъ равняться одному проценту и менѣе.

(**) *Издерживать, тратить*, а не *раздавать*, какъ утверждаютъ охотники до налоговъ и большихъ, непомѣрныхъ бюджетовъ.

одно изъ среднихъ мѣстъ между гениальными и весьма обыкновенными министрами финансовъ. Онъ понималъ, какъ самъ говоритъ въ сочиненіи своемъ: «*Die Oeconomia der menschlichen Gesellschaften*, стр. 344, что «министръ финансовъ обязанъ всѣми силами способствовать народному благосостоянію вообще, а въ томъ числѣ и народному просвѣщенію»; но, къ сожалѣнію, перѣдко жертвовалъ какъ этимъ, такъ и другими лучшими убѣжденіями своими ложной, развиваемой теоріей финансовъ, идеѣ государственной казны. Разныя полезныя учрежденія и мѣры, съ одной стороны, какъ-то: Технологическій институтъ, Лѣсной корпусъ и др., но, съ другой, откупа и разныя подобныя фискальныя мѣры служатъ доказательствомъ основательности нашего мнѣнія о немъ (*). Величайшіе изъ государственныхъ людей, не смотря на всѣ, иногда непреодолимыя, препятствія, всегда вѣрнѣе графа Канкринъ — не идеѣ государственной казны, а идеѣ государства, т. е. идеѣ народного блага или благосостоянія. Извѣстно, на примѣръ, какъ покровительствовалъ Кольберъ (**) не только народной промышленности, но и народному просвѣщенію: безъ этого министра не было бы, конечно, въ исторіи Франціи, *великаго* вѣка Лудовика XIV, а былъ бы

(*) Оно подтверждается и нѣкоторыми мѣстами вышеприведеннаго сочиненія нашего знаменитаго министра, судя по которымъ надо предполагать, что графъ Канкринъ приписывалъ столько-же достоинства, въ министрѣ финансовъ, находчивости и смысленности, свойственнымъ промышленникамъ, сколько и полному сознанію интересовъ страны, — дару, которымъ надѣлены только государственные люди по призванію.

(**) Нельзя строго осуждать этого великаго человека за нѣкоторые предосудительныя фискальныя мѣры; не даромъ, умирая, сожалѣлъ онъ, что служилъ не столько Богу, сколько Лудовику XIV!

только какой-нибудь *очень невеликій* вѣкъ Г-жъ де Лавальеръ, Ментенонъ и Коми. Тюрго болѣе всего заботился о «правахъ и благѣ» народа, сознавая, что съ обезпеченіемъ за гражданами всѣхъ ихъ правъ само собою обезпечиваются уже тѣмъ и доходы казны. Въ основѣ великихъ финансовыхъ преобразованій датскаго министра графа Ревентлова лежали — «освобожденіе крестьянъ, свобода торговли, правосудіе и тому подобныя благія мѣры, необходимыя условія и неизсякаемые источники народнаго благосостоянія». Въ наше время, баронъ Брукъ болѣе всего заботится объ умноженіи *народнаго капитала*, дѣла невозможнаго безъ развитія «народнаго благосостоянія», и денежныя средства казны, не смотря на всѣ неблагоприятныя обстоятельства, въ которыя ставитъ ее нѣкоторые другіе австрійскіе государственные люди, — денежныя средства казны занимаютъ только второстепенное мѣсто въ заботахъ и трудахъ этого замѣчательнаго министра (*).

Вся дѣятельность его служитъ доказательствомъ, что онъ знаетъ свое дѣло, что онъ *министръ* по призванію, а не какой-нибудь старшій чиновникъ съ званіемъ министра, для котораго главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ выказать свою ловкость, усердіе и, по случаю новаго *фортеля* для казны, получить незаслуженную награду въ ущербъ этой-же казнѣ, на короткое время обезпеченной его ловкостью и изворотливостью. Нѣтъ,

(*) Финансы, говоритъ баронъ Брукъ, суть матеріальныя условія, средства, необходимыя для достиженія высшихъ цѣлей, которыми обусловливается существованіе государства. Съ этой точки зрѣнія, финансовыя средства страны, какъ бы велики или малы ни были они, становятся могучими *факторами* исторіи. «Die neue Gestaltung der Geld- und Credit-Verhältnisse in Oesterreich. стр. 3.

не такой чиновникъ баронъ Брукъ! онъ не опозоритъ своей административной дѣятельности подобной мѣрой, не обезчеститъ своего славнаго имени алчностью къ подобнымъ наградамъ, и очень можетъ быть, что не смотря на пользу, приносимую имъ своему отечеству, онъ, подобно одному изъ достойнѣйшихъ предшественниковъ своихъ, оставитъ своимъ наслѣдникамъ, отъ государственной службы своей, только славное имя, а не отличные «финансы», въ вышеупомянутомъ значеніи этого слова.... Это, конечно, не удивитъ истинно-государственныхъ людей: для такихъ людей служба не промыселъ, а служеніе истинѣ, правдѣ и добру; они служатъ, а не прислуживаются; они, для государства, даже и для государственной казны, драгоценныя алмазы, отличающіеся отъ обыкновенныхъ, естественныхъ алмазовъ, между прочимъ, и тѣмъ, что мало стоить и государственной казнѣ, а пользу приносятъ огромную, и не только ей, но всему государству, даже человечеству, — всему и всѣмъ.

Нужны ли еще примѣры? За ними, благодаря Бога, дѣло не станетъ, если только одними примѣрами можно подтвердить и доказать, что государственные финансы не должны имѣть исключительно-денежный характеръ, который придаютъ имъ теорія и большинство даже образованныхъ людей. Какъ все истинное, не смотря на какую бы то ни было превратность порядка вещей и образа мыслей, всегда находитъ въ мірѣ факты для подтвержденія и доказательства своей истинности, такъ и наше положеніе о сущности и характерѣ финансовъ не можетъ имѣть недостатка въ нужныхъ примѣрахъ и доказательствахъ. Намъ кажется, что уже достаточно вышеприведенныхъ примѣровъ; тѣмъ не менѣе пред-

ставимъ въ заключеніе еще одинъ, а именно — дѣятельность Роберта Пиля. Она всеѣмъ извѣстна, извѣстны и результаты ея; а потому обратимъ вниманіе нашихъ читателей только на слѣдующія изъ словъ, которыми заключилъ этотъ великій и честный человѣкъ свою славную карьеру:

«Добромъ, быть можетъ, будетъ поминаться имя «мое въ жилищѣ тѣхъ, которымъ на этомъ свѣтѣ выпалъ на долю тяжелый трудъ, которые въ потѣ лица «добываютъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба; они будутъ «помянуть меня, возобновляя свои силы обильною и «свободною отъ налоговъ пищею, тѣмъ болѣе сладкою «для нихъ, что сознаніе несправедливости не будетъ «отравлять ее своею горечью».

Итакъ, «участъ несчастнаго большинства народонаселенія, облегченіе его страданій, доставленіе ему возможности добывать насущный хлѣбъ дешевле противъ прежняго, избавленіе его отъ ига несправедливыхъ налоговъ», — вотъ въ чемъ состояли цѣль административной дѣятельности *благодѣтельнаго, честнаго и великаго* министра! Прибавимъ къ этому: и высшая награда за цѣль и результаты такой дѣятельности.

Кто изъ знающихъ теорію финансовъ не согласится, что въ этихъ словахъ Роберта Пиля гораздо болѣе смысла и значенія, гораздо лучше и яснѣе во всѣхъ отношеніяхъ видна цѣль финансовой администраціи, нежели во всемъ томъ, что говорится въ теоріи объ этомъ предметѣ? Не потому-ли нѣтъ и мѣста въ ней для этихъ словъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ который изъ отдѣловъ ея можно и слѣдуетъ помѣстить ихъ? — Въ введеніе? — Но въ такомъ случаѣ они будутъ противорѣчить опредѣленію науки. Въ отдѣлѣ о налогахъ? И думать объ этомъ

невозможно! — Нѣтъ, не найдется въ ней мѣста для нихъ! А между тѣмъ, если исторія имѣетъ право на нихъ и пользуется имъ, передавая ихъ потомству; то, конечно, не мѣншее право на нихъ должна бы имѣть и теорія финансовъ; а съ этимъ вмѣстѣ должна бы она, конечно, и пользоваться ими, какъ однимъ изъ лучшихъ свидѣтельствъ, что честна и прекрасна высшая цѣль финансовой администраціи. Задача этой послѣдней не однѣ деньги и не одни средства набирать деньги для государственной казны. Еслибъ она ограничивалась только этимъ, то, конечно, не было-бы никогда и не могло бы быть финансовой науки, а было бы только финансовое искусство, мастерство. Въ такомъ искусствѣ, или мастерствѣ, наиболѣе отличались бы не самые честные, умные и способные къ государственно-административной дѣятельности, а самые пронырливые и изворотливые люди, скорѣе другихъ готовые соображать административные подвиги свои съ правиломъ: *всѣ средства хороши!* Теорія финансовъ, къ сожалѣнію, не даетъ ни себѣ, ни другимъ строгаго въ томъ отчета. Судя не только по введенію, но и по всеѣмъ другимъ отдѣламъ ея, должно предполагать, что финансовая администрація, — не смотря на увѣренія, подѣ-часъ, теоріи въ противномъ, — только искусство, а теорія финансовъ только изложеніе различныхъ способовъ и средствъ къ собиранію казны — правда, съ наименьшимъ, по возможности, отягощеніемъ народа. Если даже допустить, что теорія достигаетъ такого прекраснаго результата, т. е., что она дѣйствительно указываетъ на средства, какъ собирать «казну съ наименьшимъ вредомъ для народнаго благосостоянія»; то тѣмъ не менѣе не можетъ ограничиваться и этимъ задача ея,

потому-что не ограничивается этимъ и задача разумной финансовой администраціи. Какъ-бы подробно и внимательно ни разбирала теорія всѣ известныя ей способы и поводы къ доходамъ и расходамъ казны, она никогда не представитъ полного перечня и разбора ихъ, доколь будетъ ограничивать ими задачу свою. Это по общему и непреложному правилу, по которому никогда измѣна истинной цѣли не ведетъ къ достиженію ложной, подавшей поводъ къ такой измѣнѣ. *On ne nie pas impunément son principe*, замѣчаетъ Шатобрианъ, въ своихъ «Замогильныхъ запискахъ», говоря о судьбахъ монархической власти во Франціи. Это-же самое правило прилагается и ко всѣмъ началамъ, или принципамъ, цѣлямъ, задачамъ. Ужъ такъ устроенъ нашъ міръ, что только истинное и правое могутъ развиваться въ немъ вполне и безконечно, потому-что только они одни надѣлены Провидѣніемъ всѣми условіями полного и самостоятельнаго бытія. Все остальное въ мірѣ можетъ только кое-какъ жить, кое-какъ прозябать, до поры до времени, на чужой счетъ, на счетъ истиннаго и праваго; но никогда, что-бы ни говорили противъ этого пессимисты, ложь и неправда не овладѣютъ міромъ вполне, не изгонятъ изъ него основныхъ началъ его бытія — истины и правды. Ложь и неправда могутъ на время овладѣть умами и сердцами большинства, но самое торжество ихъ служитъ всегда имъ въ гибель: имъ опасно выказываться и высказываться вполне. Это вѣрно и въ примѣненіи ко всѣмъ ложнымъ ученіямъ. Такъ и современная теорія финансовъ, развивая неосновательное, слишкомъ одностороннее ученіе о финансовой администраціи, только уничтожаетъ самоё-себя подробностью, съ которой излагаетъ средства, спо-

собы и поводы къ расходамъ и приходамъ казны. Богатство содержанія ея въ этомъ отношеніи служитъ только доказательствомъ ея бѣдности, неполноты и несостоятельности, какъ науки. Это бросается въ глаза при первомъ-же опытѣ приложенія теоріи къ дѣйствительности и повѣрки первой второю. Теряясь въ мелочахъ, теорія на каждомъ шагу упускаетъ изъ виду главное — безусловную необходимость для нея, какъ науки политической, развивать, говоря о фискальных мѣрахъ и цѣляхъ финансовой администраціи, идею государства и оставаться вѣрной этой идеѣ. А къ чему ведетъ подобное невниманіе къ такой идеѣ, со стороны теоріи финансовъ, такъ это замѣтно преимущественно въ отдѣлахъ ея, въ которыхъ разсматриваются налоги и государственный кредитъ.

Много и долго говорится въ теоріи о налогахъ, но до-сихъ-поръ не находитъ она *критеріума* для опредѣленія ихъ сущности, для оцѣнки ихъ; а могло-ли бы это быть, еслибъ она не теряла постоянно изъ виду сущности государственной жизни, и еслибъ не ограничивала взаимныхъ отношеній подданныхъ и верховной власти исключительно обязанностью однихъ платить подати и правомъ другой облагать подданныхъ своихъ разными податями? Спору нѣтъ, что какъ эта обязанность, такъ и это право основательны, законны; но долгъ теоріи представить имъ такое основаніе, которое служило бы и *мѣрой* для опредѣленія величины и достоинства податей, и *доказательствомъ* сообразности ихъ съ идеей государственнаго союза. Говоря, что *улирать и платить подати обязанъ каждый*, Франклинъ, конеч-

но, не думалъ и не хотѣлъ утверждать этимъ — ни того, чтобъ каждый долженъ былъ платить какъ можно болѣе податей, по первому требованію законнаго или незаконнаго правительства; ни того, чтобъ умирать долженъ былъ каждый какъ можно скорѣе, чтобъ жизнь была тяжкимъ бременемъ для всѣхъ, чтобъ постоянно поднимались искусственныя цѣны на предметы потребленія, а съ ними увеличивались бѣдность и смертность въ благоустроенныхъ обществахъ, — словомъ, чтобъ истина: «умирать и платить подати долженъ каждый» была цѣлью государственной жизни и администраціи. Кто знакомъ съ дѣятельностію, сочиненіями и образомъ мыслей Франклина, тотъ знаетъ, что ничего подобнаго онъ никогда ни утверждалъ, ни оправдывалъ своею жизнію, и что не въ этомъ, по его понятіямъ, состоитъ сущность взаимныхъ отношеній подданныхъ и правительства.

Уже въ XVIII столѣтіи, послѣ, хотя и далеко не во всемъ вѣрныхъ, но тѣмъ не менѣе честныхъ ученій о государствѣ, которыми человечество обязано Гроцію, Спинозѣ, Пуффендорфу и особенно Юму, Монтескьѣ, Кумберланду, Фергюзону, Локку и другимъ, (*) было бы уже не своевременно предполагать въ правѣ требовать податей, съ одной стороны, и въ обязанности платить ихъ, съ другой, сущность отношеній между государствомъ и его подданными, или гражданами, и на этомъ основаніи болѣе или менѣе оправдывать существованіе пагубныхъ для государственнаго союза по-

(*) Незнакомые съ ученіями этихъ замѣчательныхъ мыслителей найдутъ свѣдѣнія о нихъ и краткое, но весьма основательное, изложеніе ихъ ученій въ первой части «Энциклопедіи Законовѣденія» Неволіна.

датей и налоговъ. Еще несвоевременнѣе подобное мнѣніе въ наше время, послѣ ученій о государствѣ какъ философовъ Канта, Фихте, Гегеля и другихъ, такъ и лучшихъ изъ современныхъ публицистовъ и государственныхъ людей. Только человекъ отсталый можетъ, въ наше время, предполагать назначеніе государства въ ограниченіи, а не въ развитіи свободы человека, — разумѣется, не смѣшивая свободы съ той дикой вольностью, которая свойственна только звѣрю, а не существу мыслящему и нравственному, считающему долгомъ своимъ не только быть прежде всего нравственнымъ существомъ, но и заботиться о развитіи нравственности во всѣхъ подобныхъ ему существахъ. Въ наше время уже достаточно доказана односторонность и того ученія, по которому назначеніе государства ограничивается одною внѣшнею безопасностію гражданъ. Теперь всѣ болѣе или менѣе свѣдующіе люди понимаютъ, что только въ мирномъ и законномъ союзѣ съ людьми можетъ жить человекъ по-человѣчески, и что чѣмъ шире такой союзъ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе достигаются въ немъ всѣ цѣли человѣческаго бытія. Они понимаютъ, что государство есть одно изъ безусловно-необходимѣйшихъ и полезнѣйшихъ для человечества проявленій и выраженій закона общенія между людьми и что оно не можетъ, не противорѣча своей сущности и цѣли, допускать ничего такого, что-бы такъ разрушительно и гибельно дѣйствовало на нравственное и матеріальное благосостояніе, даже на самую жизнь, бытіе гражданъ, какъ налоги, оправдываемые современной теоріей финансовъ и, къ несчастію, существующіе во многихъ государствахъ.

Современная теорія налоговъ — есть не теорія по-

datei, а, въ полномъ смыслѣ слова, теорія *налоговъ*; подь слогомъ же *налогъ* не даромъ люди и нашего времени, какъ и прежнихъ вѣковъ, разумѣютъ что-то не доброе, тяжкое, вредное и подь-часть даже невыносимое. *L'impôt est le mauvais génie qui veille à la porte du pauvre travailleur*, говоритъ Барбэ. *Au lieu de respecter la part indispensable à la vie de la famille du petit propriétaire, de l'artisan, il est l'instrument de leur spoliation, la cause de leur affreuse misère.* (*) Даровитый министръ Наполеона I, графъ Моленъ, удивлялся, какъ французы могутъ выносить возмутительные налоги, существующіе во Франціи, и только привычкой этого народа — вѣчно страдать и томиться подь игомъ разныхъ тягостей и стѣсненій объяснял онъ возможность такихъ налоговъ. (**) Чиста и честна была душа этого человѣка! Не нажился онъ на службѣ, и подь финансами разумѣлъ не однѣ деньги.

Еще несосгоятельнѣе выказывается современная теорія финансовъ въ выводахъ и положеніяхъ своихъ о государственномъ кредитѣ. Подь именемъ государственнаго кредита она разумѣетъ способность государства, или правительства, дѣлать займы для покрытія дефицитовъ. Значить, въ отдѣлѣ о государственномъ

(*) Barbet, *du Peuple, de Moïse à Louis-Philippe, ou causes et effets*. Paris. 1847. II, p. 189.

(**) Вотъ словà ergo: Il est vraiment étonnant que le peuple de France se soit soumis à une assiette d'impôt aussi injuste que véxatoire que le temps et l'habitude de payer expliquent seuls aujourd'hui; mais malheur au recouvrement de l'impôt, au système, si une circonstance quelconque amenait un temps d'arrêt! См. *Mémoires d'un ministre d'Etat*.

кредитѣ, она разсматриваетъ государство, или правительство, какъ дебитора, или должника. Если въ этомъ только состоитъ *государственный кредитъ*, то нельзя не признать вѣрности ученія теоріи финансовъ о необходимости для государства какъ можно менѣе занимать, притомъ занимать какъ можно выгоднѣе для казны и народа, а также и о правилахъ, какъ и когда уплачивать долги. Но узко и крайне-односторонне воззрѣніе теоріи и въ этомъ отношеніи. И здѣсь идея казны стоитъ на первомъ планѣ и заслоняетъ собою идею государства. *Государственный кредитъ не можетъ и не долженъ ограничиваться займами для покрытія дефицитовъ*. Кредитъ такого рода слѣдуетъ называть, по нашему мнѣнію, кредитомъ *пассивнымъ*, въ отличіе отъ другаго, который мы называемъ *активнымъ*, и о которомъ скажемъ нѣсколько словъ, предоставляя себѣ право издать особое, болѣе подробное разсужденіе объ этомъ предметѣ, не обратившемъ на себя до-сихъ-поръ, сколько намъ извѣстно, должнаго, ни даже поверхностнаго вниманія какъ ученыхъ, такъ и государственныхъ людей.

Здѣсь не мѣсто разбирать все ученія о томъ, на сколько правительство должно быть двигателемъ и поощрителемъ всего лучшаго для гражданъ государства, и какимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, оправдываетъ оно свое назначеніе и цѣль своего бытія; а потому и ограничимся слѣдующими замѣчаніями.

Задача и назначеніе каждаго государственнаго союза состоитъ не въ томъ только, чтобъ обезпечивать членовъ его отъ внѣшнихъ нападений, какъ думали прежніе юристы и публицисты. Государство не только форма, или среда, для общенія между людьми, не

только физическая, но и умственная и нравственная сила. Оно въ большей или меньшей степени овладѣваетъ всѣмъ бытіемъ гражданина. Если въ эпохи варварства и невѣжества оно смотритъ на него какъ на орудіе, средство, вещь, а не какъ на цѣль своего собственнаго бытія; то съ развитіемъ правильнаго государственнаго союза, совпадающемъ съ развитіемъ просвѣщенія, оно все болѣе и болѣе отрѣшается отъ прежняго, варварскаго, воззрѣнія своего на гражданина и не только не жертвуетъ имъ для своихъ ложныхъ и несознанныхъ цѣлей, какъ прежде, не только защищаетъ, но еще и воспитываетъ, образовываетъ, ведетъ его къ цѣли его бытія, какъ человѣка и члена не только государства, но и всего человѣчества. Степень вѣрности этому правилу, со стороны государства вообще и его правительства въ-особенности, обуславливается степенью благосостоянія гражданъ, а также и степенью прочности всего государственнаго союза. Другими словами: чѣмъ менѣе государственный союзъ поддерживается одной физической силой, тѣмъ прочнѣе и лучше онъ, тѣмъ болѣе въ немъ условій прочнаго существованія и всесторонняго развитія, и чѣмъ болѣе содѣйствуетъ онъ развитію всѣхъ, вещественныхъ и невещественныхъ, силъ своихъ подданныхъ, тѣмъ сильнѣе и могущественнѣе онъ, какъ органическое цѣлое.

Этимъ вполне опредѣляется значеніе и назначеніе правительства и мѣсто его въ государственномъ организмѣ. Само-собой разумѣется, что если кому принадлежитъ по-преимуществу право, совпадающее и въ этомъ случаѣ съ обязанностію, содѣйствовать гражданамъ въ достиженіи ими высшихъ цѣлей ихъ человѣческаго бытія, такъ это ему, правительству. Ясно, что роль его въ

такомъ случаѣ никакъ не можетъ ограничиваться, чтобы ни говорили противъ этого нѣкоторые публицисты, одной заботой о внутренней и внѣшней безопасности государства и мѣрами къ обезпеченію «внѣшнихъ правъ» подданныхъ. Возстающіе противъ «всякаго» вмѣшательства правительства въ дѣла гражданъ и противъ заботъ его о ихъ благосостояніи, смѣшиваютъ злоупотребленія правительственной власти съ ея назначеніемъ — и въ свою очередь впадаютъ въ крайность. Правительство, вѣрное своему назначенію, идетъ не только впередъ, вмѣстѣ съ народомъ своимъ, но и впереди его; въ противномъ случаѣ оно — отсталое и неспособное правительство, и называется только правительствомъ, на дѣлѣ-же оно собственно не правительство, а что-то враждебное государству, своего рода нелѣпая анархическая секта или даже шайка. Все въ мірѣ живетъ, движется и подвигается впередъ; народы тоже, правительства тоже. Все, что пребываетъ въ одномъ и томъ-же состояніи и положеніи, не можетъ быть сравниваемо и съ камнемъ, а только съ тлетворнымъ трупомъ. Правительственный меттернихизмъ, подавляющій нравственное, духовное и матеріальное развитіе народонаселенія ни-чуть не лучше маккиавелизма и, подобно этому, рано или поздно, но *всегда* разрѣшается для государства революціей. Но какъ князя Меттерниха не должно смѣшивать съ Кольберомъ, Тюрго, Робертомъ Пилемъ, Сперанскимъ и другими истинно-государственными людьми, такъ и правительственнаго меттернихизма или маккиавелизма не должно смѣшивать съ правительственнымъ раціонализмомъ, или, другими словами, не состоятельныхъ, всегда болѣе или менѣе революціонныхъ, правительствъ съ состоятельными и антиреволю-

ціонними правительствами. Свобода, — истинная, законная свобода, — столь-же необходима для правительствъ, какъ и для частныхъ лицъ. Тѣ, по мнѣнію которыхъ роль правительства ограничивается однимъ обезпечиваніемъ силы законовъ, теряютъ изъ виду одно изъ непремѣнныхъ и существенныхъ признаковъ состоятельнаго правительства, а именно то, что оно не только развивается во всѣхъ отношеніяхъ вмѣстѣ съ народомъ своимъ, но и ведетъ его впередъ, правитъ имъ. По ихъ теоріи, правительство должно быть болѣе или менѣе бездушною физическою силою; но подобныя правительства бывають только въ такія эпохи, когда нѣтъ государствъ въ строгомъ смыслѣ, когда связь между народомъ и правительствомъ виситъ на ниткѣ, т. е. скрѣплена одною силою оружія. Одно уже обезпеченіе за законами силы ихъ требуетъ разумнаго и дѣятельнаго вмѣшательства правительства въ отношенія и дѣла гражданъ. Да и самое существованіе законовъ невозможно безъ того, чтобъ правительство не обладало не только физическими, но и умственными, нравственными силами; иначе законъ можетъ быть выраженіемъ только *грубой силы*, а не разумной, законной воли, не выраженіемъ *правды*. Что нѣкоторыя правительства, не сознавая высокаго назначенія своего, злоупотребляють своею властью, то излишне вмѣшиваются въ частныя дѣла подданныхъ, думая искусственными мѣрами организовать все въ государствѣ, то не обращаютъ на нихъ должнаго вниманія, такъ въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія: факты на лицо. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ *всѣ* такъ дѣйствовали, и чтобъ законное, разумное вмѣшательство правительства было зломъ. Напротивъ, знаніе и сознаніе истинныхъ нуждъ и инте-

ресовъ подданныхъ составляетъ необходимое условіе состоятельности правительства; а гдѣ такое сознаніе, тамъ обыкновенно и способность употреблять его въ пользу, и стремленіе, — въ такомъ случаѣ, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ законное и похвальное, — содѣйствовать общественному благосостоянію. И что значило бы правительство и чѣмъ было бы оно безъ такого вмѣшательства или участія, — повторяемъ, *законнаго и разумнаго*? Притомъ, какого-бы рода ни было правленіе въ государствѣ, нигдѣ «одно лицо» не составляетъ правительства, хотя и олицетворяетъ его, — правительства, разумѣется, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова: и самодержавный, какъ и конституціонный монархъ, и восточный деспотъ, какъ и президентъ республики нуждается въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ сотрудниковъ по управленію странюю. Эти сотрудники, что бы ни говорили противъ этого, — кромѣ, разумѣется, исключеній, когда правительства вовсе не сознають своего назначенія, — эти сотрудники принадлежатъ въ «большей или меньшей» степени къ цвѣту общества, и потому естественно способнѣе большинства вести это общество, правитъ имъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобъ *всѣ* государственные люди были одарены умомъ государственнымъ и качествами, которые желательно было бы видѣть въ каждомъ изъ государственныхъ сановниковъ, — нѣтъ! Изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ лучше общество, чѣмъ развитѣе, просвѣщеннѣе нація, тѣмъ лучше и государственные люди ея. *Les peuples ont le gouvernement qu'ils méritent*. Если справедлива пословица: «каковъ попъ, таковъ и приходъ,» то справедлива и слѣдующая передѣлка этой пословицы, въ-особенности въ примѣненіи

къ государству и администраціи: «каковъ приходъ, таковы и поны.» Людей, сознающихъ свое человѣческое достоинство, нельзя производить въ рабы, шпіоны и тому подобныя званія. Если гдѣ-либо между правительственными лицами мало или даже вовсе нѣтъ способныхъ къ государственному поприщу, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ они, занимая высшія государственныя мѣста, не давали тѣмъ ходу другимъ, болѣе ихъ способнымъ: очень можетъ быть, что въ государствѣ нѣтъ лучшихъ, способнѣйшихъ людей. Для государственно-административной дѣятельности, какъ и для всякой другой, нужны призваніе и талантъ, и если дарованьяца по этой части такъ-же, какъ и по другимъ, иногда изнемогаютъ въ борьбѣ съ препятствіями, — что, конечно, зло, потому что и дарованьяца все-таки выше бездарныхъ личностей, — тѣмъ не менѣе и они не проходятъ безъ слѣда; а истинный талантъ, административный геній, государственный умъ, не падаетъ въ такой борьбѣ, но непремѣнно, рано или поздно, въ свое время во всякомъ случаѣ, займетъ принадлежащее ему по праву, по таланту и дѣламъ, по волѣ Провидѣнія, мѣсто въ государственной іерархіи. Такой умъ всегда съумѣетъ разбить на голову толпу бездарностей, препятствующихъ ему занять то мѣсто, для котораго онъ созданъ, а въ то же время съумѣетъ и очистить дорогу другимъ болѣе или менѣе способнымъ людямъ. Онъ можетъ даже болѣе: онъ можетъ поддержать цѣлое государство, избавить его отъ революціи. Если Тюргô, напимѣръ, служить, по-видимому, и то частію только, опроверженіемъ нашего мнѣнія, если онъ не удержался на своемъ мѣстѣ, то тѣмъ не менѣе выказался, занялъ въ свое время, «свое», первое мѣсто въ государствѣ,

показалъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать правительству для искорененія разныхъ золъ въ государствѣ и для избавленія его отъ революціи, и если онъ палъ, то палъ не только потому, что противъ него интриговали многіе изъ дворянъ и духовенства, но и потому еще, что не находилъ надлежащей поддержки себѣ ни въ одномъ классѣ общества, кромѣ слишкомъ малочисленнаго тогда класса ученыхъ и литераторовъ, которые одни только цѣнили этого великаго человѣка и которымъ, потому, вопреки здравому смыслу, фактамъ и правдѣ, іезуиты и ихъ сообщники приписывали и приписываютъ вину революціи. Словомъ, и участь Тюргô, какъ государственнаго человѣка, подтверждаетъ правило: *les peuples ont le gouvernement qu'ils méritent* (*).

Но какъ бы то ни было, а народъ, какъ и семья, и торговый домъ, или промышленное общество, не можетъ быть безъ главы, безъ правительства, назначеніе котораго *править, направлять, управлять, вести*, а не угнетать, какъ думаютъ Полиньяки, Меттернихи и ихъ бездарные подражатели. Совершенно правы тѣ, ко-

(*) Кто, напр., кромѣ іезуитовъ и ультрамонтановъ, не осуждаетъ Лудовика XIV за уничтоженіе Нантскаго эдикта? Конечно, подобнымъ *подвигомъ* онъ выказалъ не присутствіе, а отсутствіе административнаго и политическаго генія и такта, даже хуже этого; но если вспомнить, что почти всѣ, вся масса французовъ, даже геніи въ родѣ Лафонтена (*Remerciments à l'Académie française*), не только требовали отъ него подобной мѣры, но и прославляли его за приведеніе ея въ исполненіе; то можно ли безусловно осуждать его? Вотъ что писала объ этомъ событіи жепцина, славящаяся своимъ умомъ, именно знаменитая де-Севинь: *Vous aurez vu sans doute l'édit par lequel le roi révoque celui de Nantes. Rien n'est si beau que tout ce qu'il contient, et jamais aucun roi n'a fait et ne fera rien de si remarquable.* (*Lettres au comte de Bussy, du 28 Octobre 1685*).

торые, подобно Дюпонъ-Уайту (*), убѣждены, что съ развитіемъ цивилизаціи расширяется кругъ дѣятельности правительства и даже власть его. Разумѣется, эта послѣдняя изъ физической все болѣе и болѣе превращается, въ такомъ случаѣ, въ нравственную. Напротивъ, жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что гдѣ-либо есть или возможно абсолютное самоуправленіе. Эти послѣдніе смѣшиваютъ сущность общественной власти съ образами и способами ея проявленія, и теряютъ изъ виду, что если, въ наше время, и въ образованнѣйшихъ государствахъ, въ слѣдствіе неразвитости и въ нихъ большинства народонаселенія, для поддержанія порядка употребляютъ не только нравственную, но и грубую физическую силу, — эту послѣднюю даже чаще первой; — то тѣмъ не менѣе, съ развитіемъ просвѣщенія, и здѣсь уменьшается значеніе грубой силы, которая все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто свое силѣ нравственной, законамъ и убѣжденіямъ. Самое слово «правительство», *gouvernement*, *Regierung*, вполнѣ опредѣляетъ назначеніе общественной власти. Самоуправленіе же (*selfgovernment*) необходимо и возможно тоже только въ извѣстной степени, что лучше всего доказывается Англійей и Сѣверо-Американскими Штатами, гдѣ оно ограничивается преимущественно мѣстными вопросами и дѣлами; да и тутъ дѣло не обходится безъ правительства, — правда, мѣстнаго, но тѣмъ не менѣе все-таки правительства-же.

Назначеніемъ правительства опредѣляется и назначеніе всѣхъ частей администраціи, а въ томъ числѣ и финансовой. Задачу этой послѣдней нельзя ни уразу-

(*) Dupont-White, l'Individu et l'Etat, passim.

мѣть, ни опредѣлить безъ сознанія, что такое правительство и что такое администрація вообще. Теорія финансовъ потому-то также и не составляетъ полного зданія, полной науки, что слишкомъ отрѣшена, въ настоящемъ видѣ своемъ, отъ цѣлой области истинъ и познаній, именно политическихъ. Стремленіе къ излишней и дурно-понимаемой самостоятельности и тутъ приносить незрѣлые плоды. Самостоятельность науки состоитъ не столько въ безусловной независимости отъ другихъ наукъ, отъ истинныхъ положеній и выводовъ ихъ, сколько въ истинности и основательности собственныхъ ея положеній и выводовъ, въ полномъ и возможно-удовлетворительномъ рѣшеніи ея задачи, или всѣхъ ея задачъ. Задача же науки не можетъ быть дѣломъ произвольнымъ, и объемъ ея долженъ опредѣляться вполнѣ-сознаннымъ предметомъ изслѣдованія во всей его полнотѣ и во всемъ развитіи. Теорія финансовъ задаетъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ получать *денежныя суммы* на удовлетвореніе государственныхъ потребностей? и ограничиваетъ имъ свою задачу, не рѣшивъ предварительно другихъ вопросовъ, которые несравненно важнѣе предъидущаго, а именно вопросовъ: въ чемъ состоитъ задача финансовой администраціи и какую часть занимаетъ она въ администраціи вообще? Какимъ образомъ она содѣйствуетъ народному благосостоянію, согласно съ цѣлю бытія государства? Что должно разумѣть подъ словомъ финансы? Денежныя ли только средства государственной казны или вообще *государственныя финансовыя силы*, и что такое эти силы? и пр. Этимъ вполнѣ объясняется, между прочимъ, и то, почему правительство, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ теоріи, есть не что иное, какъ только верхов-

ный сборщикъ податей и, что еще хуже, *сочинитель* разныхъ налоговъ, а въ томъ числѣ и очень нехорошихъ, тягостныхъ для народа; а по другимъ мѣстамъ, оно тоже не болѣе, какъ главный казначей, съ такой, впрочемъ, неограниченной властью, что контролировать его можетъ одна теорія финансовъ, да и то не иначе, какъ совѣтами — всегда благонамѣренными, но не всегда удачными. Такимъ же *благимъ началомъ, элементомъ, факторомъ* государственной жизни, который обезпечиваетъ всѣ права гражданъ, содѣйствуетъ ихъ благосостоянію, правительство не является и не представляется никогда въ теоріи финансовъ. А между тѣмъ въ этомъ-то и состоитъ его назначеніе. Въ такомъ назначеніи правительства можно было сомнѣваться во Франціи въ царствованіе, на примѣръ, Лудовика XV, и въ большей части Германіи прошлаго вѣка, гдѣ множество мелкихъ владѣтелей жило не только на счетъ народа, но и на счетъ его благосостоянія и вовсе не для него. Въ наше время можно еще сомнѣваться въ такомъ назначеніи правительства въ нѣкоторыхъ итальянскихъ владѣніяхъ, въ Турціи и имъ подобныхъ странахъ, которыхъ Провидѣніе не благословило особенно-мудрыми правительствами, но не въ другихъ государствахъ, особенно не въ тѣхъ, правительства которыхъ вполне сознаютъ высокое назначеніе свое и дѣйствуютъ съ убѣжденіемъ и по убѣжденію, что имъ, по нравственному праву, принадлежитъ инициатива (начинаніе) всего лучшаго для ихъ подданныхъ, или по крайней-мѣрѣ, содѣйствіе и покровительство всему благому и общеплезному. Да и въ несчастнѣйшихъ, относительно правительствъ, странахъ, сомнѣніе въ этомъ можетъ быть допущено только для невѣжественнаго большин-

ства, но не для развитыхъ людей, которые, зная исторію, не могутъ, или не должны по-крайней-мѣрѣ, смѣшивать фактъ или даже множество фактовъ съ началомъ, принципомъ, сущностью. Вся исторія свидѣтельствуетъ, что съ цивилизаціей растутъ не только нравственные, но и физическія силы каждаго правительства, и это тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе содѣйствуетъ оно развитію всѣхъ условій и элементовъ цивилизаціи, а значитъ, и чѣмъ настойчивѣе оно въ борьбѣ съ враждебными ему и цивилизаціи началами, каковы, на примѣръ, феодализмъ, псевдо-аристократизмъ, клерикализмъ и т. п. Потому-то чѣмъ менѣе есть или остается враждебныхъ какъ сознающему назначеніе свое правительству, такъ, значитъ, и народу, началъ, тѣмъ успѣшнѣе подвигается дѣло цивилизаціи, тѣмъ быстрѣе и лучше приводятся въ исполненіе благія начинанія правительства, и чѣмъ болѣе такихъ начинаній, чѣмъ выше, значитъ, въ нравственномъ и умственномъ отношеніи правительство, тѣмъ успѣшнѣе и борьба его съ враждебными ему и народу его началами, тѣмъ быстрѣе растутъ и физическія и, самыя прочныя и надежныя, нравственные силы правительства. Исторія представляетъ также не одинъ примѣръ и не одно свидѣтельство, что правительства, которыя измѣняли высокому назначенію своему и ставили цѣлю своего существованія такъ-называемые частныя, т. е. дурно-понимаемые интересы правительственныхъ лицъ, не только не достигали никогда подобной цѣли, но, напротивъ, чѣмъ болѣе стремились къ ней, тѣмъ болѣе затрудняли для себя достиженіе ея, нанося въ одно и то-же время удары какъ собственному своему существованію, такъ и благосостоянію народа; правительства-же вѣрныя назна-

ченію своему, и безъ излишней заботы о своей участи, держались всегда тѣмъ долѣе и прочнѣе, чѣмъ болѣе обезпечивали собою и своими дѣйствіями народное благосостояніе, чѣмъ болѣе содѣйствовали цивилизаціи. Въ такомъ сдѣленіи правительственныхъ началъ и результатовъ ихъ нѣтъ ничего ни противоестественнаго, ни страннаго: оно должно быть такъ, потому-что *правда* и всѣ требованія ея равно обязательны какъ для частныхъ лицъ, такъ и для правительствъ. Какъ ни вертись, вѣруй или не вѣруй въ Бога, разсчитывай болѣе на правду, нежели на денежные и другіе капиталы, или на оборотъ, а отъ нея не уйдешь! Ужъ такъ устроены міръ; а передѣлать его — дѣло не рукъ человѣческихъ, и правды, какъ мало ни подчиняется она нѣкоторымъ человѣческимъ постановленіямъ и учрежденіямъ, какъ ни *революціонна* она въ этомъ отношеніи, казнить, заключить въ темницу или выслать изъ государства нельзя. Доказательства этому, между-прочимъ, въ томъ, что всѣ мѣры противъ нея оказывались до сихъ поръ недѣйствительными, не смотря на то, что сильные, всемогущіе люди, — въ родѣ нашего герцога Бирона, — не щадили ничего, чтобъ справиться съ нею: «и слово и дѣло», и «тайныя канцеляріи» не помогали!

И самый образъ правленія ни въ какомъ случаѣ не можетъ, или по-крайней-мѣрѣ не долженъ, противорѣчить сказанному нами о сущности правительства, а также и о правительственныхъ началахъ и результатахъ ихъ; а потому не столько отъ него, сколько отъ всего государственнаго уложенія, преимущественно-же отъ такихъ государственныхъ учреждений, которыми наиболѣе обусловливается умственное и нравственное развитіе народа, зависитъ болѣшая или мѣньшая сте-

пень возможности для правительства быть начинателемъ или по-крайней-мѣрѣ только покровителемъ всего благого и полезнаго для его подданныхъ. Образомъ правленія преимущественно обусловливается только степень способности правительства и возможности для него исполнять свое назначеніе. Такъ, напримѣръ, можно смѣло утверждать, что если-бъ президентъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ имѣлъ наслѣдственную власть, то мирное разрѣшеніе вопроса о необходимомъ освобожденіи негровъ-рабовъ представляло-бы менѣе затрудненій для правительства, нежели теперь; но навѣрное также государство это распалось-бы уже давно и было-бы не счастливѣе Мехики, если-бъ свобода книгопечатанія была въ немъ ограничена и не поддерживала, какъ теперь, тѣсной связи между частями его, между прочимъ, уже однимъ противодѣйствіемъ своимъ (неразрывно связаннымъ всегда съ такой свободой) проискавъ честолюбцевъ и замысламъ властолюбцевъ.

Мнѣніе нѣкоторыхъ экономистовъ, преимущественно французскихъ, по которому дѣятельность правительства должна ограничиваться одной заботой о внутренней и внѣшней безопасности государства (*), есть своего рода крайность. Оно, впрочемъ, явленіе необходимое и не безосновательное, какъ реакція противъ несравненно ложнѣйшаго мнѣнія, распространеннаго преимущественно во Франціи, а именно мнѣнія, по которому всѣ недуги общества и долгъ заботы обо всемъ приписываются исключительно правительству. Истинные экономисты, экономисты по призванію, и въ этомъ отношеніи оказываются людьми вполне способными къ понима-

(*) *Правительства суть производители безопасности*, говорятъ эти экономисты.

нію и научному рѣшенію общественныхъ вопросовъ, и распространяютъ ученіе свое о степени вмѣшательства правительствъ въ частныя дѣла не съ цѣлюю противо-дѣйствовать законной общественной власти, — напротивъ, и въ этомъ отношеніи они честные и благородные подвижники ея, — а съ цѣлюю парализировать ложное мнѣніе, преимущественно развиваемое коммунистами и централизаторами-абсолютистами, — мнѣніе, несовмѣстное съ достоинствомъ человѣка и несообразное съ закономъ личной отвѣтственности. Такіе экономисты (*) и въ этомъ отношеніи не впадаютъ въ излишнюю крайность; они утверждаютъ, напротивъ, что инициатива правительства необходима тамъ, гдѣ недостаточна инициатива частныхъ лицъ, и только настаиваютъ на томъ, чтобъ правительства не *сочиняли*, не *выдумывали* начинаній, а слѣдовали указаніямъ жизни, истинныхъ потребностей обществъ. Притомъ-же эти экономисты ограничиваютъ, какъ и слѣдуетъ, инициативу и, въ-особенности, вмѣшательство правительства преимущественно въ вопросахъ промышленныхъ, гдѣ, дѣйствительно, во *всѣхъ* случаяхъ, кромѣ крайне-рѣдкихъ исключеній, частныя лица — болѣе способные судьи, нежели администраторы вообще и болѣе всего тѣ изъ нихъ, которые любятъ регламентировать и то, что не терпитъ ни малѣйшей регламентаціи. Въ другаго рода вопросахъ, гдѣ недостаточенъ одинъ частный интересъ,

(*) Напримѣръ: Шарль Дюнойе (Charles Dunoyer, *De la liberté du travail*); Жозефъ Гарнье (Garnier) въ статьѣ *Exceptions à la liberté du travail*, стр. 380 и слѣд. сборника, заключающаго въ себѣ: *Eléments de Finances, Eléments de Statistique* и пр.; также г. Молинари, корреспондентъ нашего Русскаго Вѣстника и редакторъ журнала l'Economiste belge.

гдѣ нужно полное сознание общественнаго дѣла и ничѣмъ, никакими частными интересами несвязанная могущественная воля и сила, гдѣ въ-особенности нужны побужденія и благой примѣръ, тамъ, конечно, необходимо и начинаніе правительства, и власть его. *Das Vielregieren*, говоритъ Хюбнеръ, *war zu allen Zeiten das Unglück der Regierenden und der Völker* (*), съ чѣмъ нельзя не согласиться. Личный интересъ — великій и прекрасный, даже самый лучший и разумный изъ двигателей всего благого и полезнаго; но это не безусловно, а въ такомъ только случаѣ, когда онъ вполне сознанный, когда люди понимаютъ, что общее благо есть первое условіе частнаго, точно такъ-же, какъ и на-оборотъ. Къ сожалѣнію, такое сознание встрѣчается рѣдко, и этимъ объясняется повсемѣстность и успѣшность существованія различныхъ промышленныхъ и административныхъ теорій, требующихъ ненужныхъ регламентацій и стѣсненій, а иногда и запрещеній — подъ предлогомъ охраненія, поощренія и покровительства. Вотъ почему, между-прочимъ, правительства, вѣрныя высокому назначенію своему, стараются исправить общественное мнѣніе и въ отношеніи къ сознанію гражданами личнаго интереса ихъ, — посредствомъ просвѣщенія. Карлъ Великій, Петръ Первый, Екатерина Вторая, — всѣ *величайшіе* политики были и величайшими просвѣтителями своихъ подданныхъ. И гдѣ та страна, большинство которой успѣшно просвѣщаетъ себя безъ участія и поощренія правительства? Какой народъ избавилъ себя отъ ига феодализма, чужестран-

(*) «Излишнее управление было всегда несчастіемъ для правителей и народовъ». Otto Hübner, *Oesterreichs Finanzlage*. Wien, 1849, стр. 81.

наго владычества или чего-либо подобного безъ самаго дѣятельнаго участія верховной власти? Гдѣ возможны, безъ рѣшительнаго содѣйствія правительства, общественныя учрежденія и мѣры, имѣющія единственную цѣлю — «общую пользу», а потому полезныя и для всѣхъ частныхъ лицъ, хотя этого и не понимаетъ большинство, въ-слѣдствіе несознанія личныхъ интересовъ? Разумѣется, нѣтъ и не было нигдѣ такой страны, ни такого народа.

Не думаемъ, чтобъ послѣ всего вышесказаннаго нужно было еще распространяться о томъ, что правительства, принимающія на себя необходимую инициативу въ извѣстныхъ случаяхъ, съ цѣлю общаго блага, дѣйствуютъ вполне-сообразно своему назначенію. Итакъ, это вопросъ рѣшенный, а потому и перейдемъ къ другому, слѣдующему:

Какимъ-же образомъ, какими средствами и способами выражается инициатива правительства? Ясно, что тутъ недостаточны однѣ болѣе или менѣе физическія силы; бываютъ случаи, когда оказывается недостаточнымъ и нравственный авторитетъ правительства; очень часто приходится ему употреблять въ дѣло *всѣ* средства и силы свои, а въ томъ числѣ и финансы, въ тѣсномъ, принимаемомъ теоріей, значеніи этого слова. Здѣсь финансы являются могущественными рычагами правительственной дѣятельности, а значить, и общественнаго благосостоянія. Само-собой разумѣется, что денежныя средства казны, употребляемая такимъ-образомъ, не должно смѣшивать съ расходами на разныя *непроизводительныя* мѣры и учрежденія. Теорія-же финансовъ смѣшиваетъ вообще всѣ роды правительственныхъ или административныхъ расходовъ; для нея су-

ществуютъ только *расходы* и на нихъ смотритъ она глазами казначея, обязаннаго только получать и выдавать деньги по приказанію начальства. Финансовая администрація не можетъ ограничиваться подобными денежными операціями; а потому и возрѣніемъ такимъ на расходы и доходы государства не должна ограничиваться и теорія финансовъ.

Предвидимъ возраженіе: финансовую администрацію, замѣтятъ намъ сторонники теоріи, не должно смѣшивать съ администраціей вообще: дѣло первой — только финансы государства; дѣло второй — заботиться объ общественномъ благосостояніи вообще и употреблять, гдѣ и какъ нужно, финансы съ этой цѣлю.

Вотъ нашъ отвѣтъ. Финансовая администрація составляетъ не нѣчто отдѣльное, совершенно независимое цѣлое, а только одну изъ важнѣйшихъ и *органическихъ* частей администраціи вообще. Лучшіе государственные люди всегда сознавали это, и здравый смыслъ всѣхъ народовъ вполне оправдываетъ такое сознаніе. Нѣтъ такого образа правленія, который-бы допускалъ *не-монархическое* начало въ администраціи; нѣтъ и не было никогда такой страны, гдѣ общее управленіе дѣлами государства не сосредоточивалось-бы въ одномъ — если не физическомъ, то, по-крайней-мѣрѣ, юридическомъ лицѣ. Да и не можетъ быть иначе, потому-что государство, — если только сложилось оно не случайно, а потому и непрочно, какъ-бы ни было въ такомъ случаѣ велико стараніе скрѣпить и соединить навсегда его части, — государство есть *органическое цѣлое*; *органически-же цѣлымъ* можетъ быть только то, что состоитъ изъ такихъ частей и элементовъ, которые

всѣ вмѣстѣ составляютъ одно неразрывное цѣлое и живутъ съ нимъ одною полною жизнью; слѣдовательно, органически-цѣлымъ должна быть и администрація. Законъ раздѣленія труда можетъ и долженъ быть прилагаемъ и здѣсь, но не иначе, какъ съ соблюденіемъ *единства цѣли*, для скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго достиженія ея. Предполагать, что въ финансовой администраціи можетъ не выказываться и не проявляться вполне цѣль, а съ нею и духъ администраціи вообще, значить — допускать такія финансовыя мѣры, *которыя не имѣютъ ровно никакого, ни дурнаго, ни хорошаго, вліянія на народное хозяйство*; а можно ли допустить что-либо подобное? Какъ ни понимаетъ и ни сознаетъ свое дѣло баронъ Брукъ, какъ ни старается онъ избавить промышленность своего отечества, — а съ нею, по всей вѣроятности, и все то, что обуславливается ея успѣхами и ведетъ къ нимъ, — изъ подъ ига *австрійской* (по духу) администраціи вообще; но не вполне достигаетъ своей цѣли: и на *бруковской* финансовой администраціи лежитъ все-таки печать *австрійской* администраціи вообще. Та-же печать лежитъ и на вышеупомянутой нами, изданной барономъ Брукомъ, брошюрѣ: *Die neue Gestaltung* и т. д. И въ этой брошюрѣ онъ не могъ высказаться вполне, и читая ее, человекъ, способный по двумъ или нѣсколькимъ извѣстнымъ величинамъ заключать объ одной или нѣсколькихъ неизвѣстныхъ, чувствуетъ и видитъ, что баронъ Брукъ — гений, но увы! заключенный въ темницу очень душную и смрадную, хотя и вовсе не тѣсную, потому-что она, дѣйствительно, довольно велика, даже такъ велика, что означена на всѣхъ картахъ Европы — подъ именемъ «Австрійской Имперіи.» И на финансовыхъ мѣрахъ

Кольбера лежитъ печать администраціи, девизомъ которой было: *l'Etat — c'est moi*. И Роберту Пилю помѣшали вполне развить начатую имъ реформу тѣ люди и партіи, которые не вслухъ, но тѣмъ не менѣ довольно ясно высказываютъ мнѣніе свое: *l'Etat — c'est nous*, или другими словами: *l'Etat — c'est toute la nation, moins le peuple*. Теорія финансовъ, вѣрная, къ сожалѣнію, слишкомъ узкому, образовавшемуся подъ вліяніемъ феодализма и меркантилизма, возрѣнію своему на задачу финансовой администраціи, не смотря на оговорки, совѣты и сужденія свои о вліяніи финансовыхъ мѣръ на народное хозяйство и общественное благосостояніе, придаетъ финансовой администраціи такое значеніе, которое не допускаетъ между этой, съ одной стороны, и администраціей вообще, въ другой, никакой строго-органической связи. Мы-же думаемъ, что *рассматривать не только финансы вообще, но и «каждую отдельную фискальную мѣру» въ отвлеченіи отъ всей финансовой администраціи, а также и не въ связи со всей администраціей вообще и цѣлымъ государственнымъ организмомъ, — есть верхъ заблужденія и столько же неосновательно, какъ рассматривать и наблюдать устройство желудка отдельно отъ всей организаци и жизни существа*. Подобное наблюденіе надъ желудкомъ можетъ повести, безъ натяжекъ, къ выводамъ въ родѣ слѣдующаго: желудокъ устроенъ для того, чтобъ принимать и переваривать пищу; если-бы не было желудка, не было-бы и крови, не было-бы и жизни въ существѣ; слѣдовательно, чѣмъ болѣе будетъ онъ принимать и переваривать пищи, тѣмъ болѣе будетъ крови и жизни; а изъ этого слѣдуетъ, что *необходимо по-возможности наполнять желудокъ пищей*. Ка-

кое сходство съ нѣкоторыми изъ положеній финансовой науки, которыми оправдываются *стѣснительныя, вредныя, тяжкіе* налоги — ихъ *необходимостью!* Въ этомъ отношеніи теорія финансовъ походитъ на человѣка, хотя и очень умнаго, и очень ученаго, но не надѣленнаго благодатнымъ государственнымъ складомъ ума, — человѣка, который, получивъ мѣсто министра — положимъ, публичныхъ работъ, разсуждаетъ такимъ образомъ: «публичныя работы не только полезны и необходимы для государства, но и даютъ еще занятіе рабочему классу, обогащаютъ промышленниковъ, создаютъ капиталистовъ; значитъ, чѣмъ болѣе такихъ работъ, тѣмъ лучше для государства, — тѣмъ лучше и для меня, даже и въ такомъ случаѣ, если я буду довольствоваться одной славой строителя и покровителя и не позволю себѣ пользоваться безгрѣшными доходцами, хотя всѣмъ и каждому извѣстно, что «у хлѣба не безъ крошекъ», «рука руку моетъ» и т. п.» Посмотримъ, что можетъ выйти изъ подобнаго умозаключенія. Доказать вѣрность и правильность такого глубокомысленно-административнаго философствованія какой-либо палатѣ депутатовъ или другаго рода камерѣ, въ нашъ высоко-просвѣщенный вѣкъ, очень нетрудно: для этого нужно только, во-первыхъ, умѣнье говорить, а во-вторыхъ, выражаясь языкомъ Фредерика Бастиа, обращать какъ свое собственное, такъ и общее вниманіе только на то, *что видно*, и не затрогивать, даже и не думать по-возможности о томъ, *чего не видать*, хотя бы невидимое было стократъ важнѣе видимаго. Люди, подобные такому министру, вполне обладаютъ такимъ искусствомъ. Оно-то и образуетъ тѣхъ блестящихъ министровъ-горлановъ, которые надѣлены рѣши-

тельно всѣмъ, кромѣ государственнаго склада ума и той чистой, неподкупной любви къ добру, которая неизмѣнно связана съ такимъ умомъ. Нашъ министръ публичныхъ работъ предлагаетъ одни за другими проекты свои палатѣ или камерѣ: эта, пораженная его доказательствами и оглушенная его рѣчами, утверждаетъ проекты и, разумѣется, требуемая имъ суммы. Представимъ себѣ, что въ томъ-же государствѣ всѣ министры одного покроя съ этимъ, — случай очень не рѣдкій; что министры сухопутныхъ и морскихъ силъ разсуждаютъ такъ: «чѣмъ многочисленнѣе войско и флотъ, тѣмъ могущественнѣе государство»; министръ духовныхъ дѣлъ: «чѣмъ болѣе духовенства, тѣмъ болѣе нравственности»; министръ внутреннихъ дѣлъ: «чѣмъ болѣе агентовъ у правительства, тѣмъ лучше потому-то и потому-то» и т. д. Палаты утверждаютъ ихъ проекты и необходимыя суммы. Дѣло министра финансовъ добыть всѣ эти суммы; но какъ? Очень просто: обложеніемъ народа новыми налогами, по мѣрѣ того, какъ новые проекты предлагаются вышеупомянутыми министрами и утверждаются палатами. Но и дѣйствіе прежнихъ налоговъ совершенно противорѣчитъ и даже противодѣйствуетъ цѣли администраціи и благимъ намѣреніямъ правительства!? Мало-ли что! новыя мѣры, а потому и новые налоги *необходимы*; а необходимость такая сила, бороться съ которой верхъ безумія. Разумѣется, чтобъ дѣло шло какъ по маслу, нужно, чтобъ и министръ финансовъ былъ одного покроя съ своими собратами: онъ долженъ, во-первыхъ, умѣть говорить, главное — говорить; во-вторыхъ, оправдывать налоги означенною силой необходимости; а въ-третьихъ, доказывать, что чѣмъ значительнѣе цифра бюджета, тѣмъ

богаче государство, или, что то-же, получать подати и употреблять ихъ на разныя потребности все равно, что перекладывать деньги изъ одного кармана въ другой. Но это никакъ не сѣумѣеть доказать ни истинно-финансовый умъ, ни истинно-государственный талантъ, потому-что какъ у того, такъ и у другаго всегда довольно здраваго смысла, чтобъ видѣть и понимать, что выше-означенные министры вращаются въ ложной сферѣ, что цифры бюджета могутъ быть, при министрахъ-горланахъ, выраженіемъ не богатства, а бѣдности и страданій народа, и что не все равно, у кого въ рукахъ деньги, у промышленника и землевладѣльца или, на примѣръ, у министра публичныхъ работъ. Исторія представляетъ не одинъ примѣръ, къ чему ведетъ администрація съ подобными бюджетами, а также и оправданіе налоговъ и займовъ различными разсужденіями въ родѣ вышеприведенныхъ.... Всѣмъ извѣстно, на примѣръ, что стѣны, которыми окружили Парижъ Лудовикъ Филиппъ и г. Тьеръ, и отличное французское войско не предохранили ни Францію, ни Орлеанскую династію отъ революціи 1848 года. Эта революція вовсе не дѣло, какъ думаютъ многіе, социалистовъ и коммунистовъ; ученія этихъ послѣднихъ только раздались громче прежняго въ дни анархіи; да притомъ-же гг. Тьеръ, О. Баро, Барошъ и многіе другіе, какъ бывшіе, такъ и нынѣшніе государственные люди Франціи несравненно болѣе, нежели республиканцы, социалисты и коммунисты участвовали въ февральскихъ беспорядкахъ. Правда, они рассчитывали, что козни ихъ кончатся только паденіемъ министерства, что имъ доставатся министерскіе портфели — и тогда все пойдетъ хорошо, если не для націи, то для нихъ, гг. министровъ,

и вовсе не ожидали они незванной гостыи — республики; но это нисколько не оправдываетъ ихъ, а только доказываетъ, что они неспособны вести дѣла государства: истинно-государственные люди преобразовываютъ и творятъ, а не разрушаютъ и не революціонерничаютъ, даже не популярничаютъ! Тотъ же г. Тьеръ, который такъ хлопоталъ объ осуществленіи дурной административной и политической мѣры, т. е. объ утвержденіи во Франціи Орлеанской династіи съ помощью парижскихъ стѣнъ, — тотъ-же г. Тьеръ былъ и главнымъ предводителемъ партіи, которой обязана эта династія своимъ паденіемъ! Стѣны-же парижскія служатъ только доказательствомъ, что никакія китайскія стѣны, хотя бы они назывались парижскими, не предохраняютъ страны отъ революцій. Вотъ къ чему ведутъ государственные люди безъ призванія! Вотъ чѣмъ разрѣшаются *хитрыя* административныя и политическія мѣры! Всѣ ложныя ученія — исчадія ложной администраціи, и потому какъ наука, такъ и все общество, и въ-особенности государственные люди должны — не преслѣдовать послѣдователей такихъ ученій, а противодѣйствовать ложной администраціи, порождающей и питающей подобныя ученія (*). Преслѣдованія всегда

(*) Да и какъ преслѣдовать, заключать въ темницы или изгонять изъ государства людей, вся вина которыхъ состоитъ въ томъ, что они ошибаются! Социалисты и коммунисты въ родѣ Фуррье и Овэна заслуживаютъ даже глубокаго уваженія и удивленія. Счастливо было-бы человѣчество, если-бы хоть только одна десятая часть государственныхъ людей дѣйствовала такъ-же *честно*, какъ Овэнъ и Фуррье: тогда не было-бы и коммунистовъ, и социалистовъ, потому-что не было-бы пролетаріата, пауперизма и т. п. явленій, не существующихъ тамъ, гдѣ нѣтъ меркантилизма, меттернихизма и т. п. административныхъ и политическихъ

безсильны, даже въ высшей степени вредны, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить современный ходъ дѣлъ во Франціи. Лудовикъ Наполеонъ, какъ извѣстно, очень не жалуетъ ни коммунистовъ, ни социалистовъ, и употребляетъ противъ нихъ не только *хитрыя* административныя, но и *душеспасительныя* мѣры, т. е. не только содержитъ, на примѣръ, цѣлыя арміи шпионовъ, но и содѣйствуетъ той части духовенства, которая запрещаетъ чтеніе Евангелія, — какъ источника, должно-быть по ея мнѣнію, всѣхъ недобрыхъ и революціонныхъ чувствъ и помысловъ; однако, не смотря на все это, число коммунистовъ, социалистовъ, даже антибонапартистовъ увеличивается съ каждымъ днемъ, и будетъ увеличиваться, доколѣ не измѣнится къ

системъ. Въ строгомъ смыслѣ, вся вина *истинныхъ* социалистовъ и коммунистовъ состоитъ единственно въ томъ, что, не сознавая ни политико-экономическихъ, ни другихъ «естественныхъ» законовъ, и не понимая, что *ближайшая* и *непосредственная* причина важнѣйшихъ страданій человѣчества заключается въ постоянномъ нарушеніи и противодѣйствіи исполненію такихъ законовъ, со стороны администрацій, они, т. е. социалисты и коммунисты, въ искренней и страстной любви къ ближнимъ и въ изысканіи средствъ къ облегченію участи человѣчества, *увлекаются* (понятное, во всякомъ случаѣ, увлеченіе!) и рассчитываютъ на столь же недѣйствительныя и положительно-вредныя мѣры и преобразования, каковы и тѣ административныя приемы и системы, которымъ обязано человѣчество болѣею частію своихъ страданій. Недовольные результатами истинной науки, далеко еще не сказавшей своего послѣдняго слова и неизвѣстной имъ въ надлежащей степени, не находя также и въ дѣйствительной жизни удовлетворительнаго отвѣта на свой вопросъ: какъ помочь человѣчеству? они по-необходимости впадаютъ въ крайности и въ своего рода мистицизмъ. Ученія ихъ то-же въ своемъ родѣ, что алхимія и астрологія среднихъ вѣковъ, и находятся въ такомъ-же отношеніи къ политической экономіи, естественному праву и нѣкоторымъ другимъ наукамъ, какъ алхимія и астрологія къ химіи и астрономіи.

лучшему нынѣшняя французская администрація, одна изъ любимѣйшихъ дочерей макіавелизма.

Теорія финансовъ, отдѣляя финансовую администрацію отъ администраціи вообще, оказывается несостоятельной и въ достиженіи своей односторонней цѣли. Допустимъ вмѣстѣ съ нею, что задача ея состоитъ только въ томъ, чтобъ указывать на болѣе или менѣе рациональныя мѣры и способы собиранія казны. Но разсматриваетъ ли теорія всѣ эти мѣры — и съ своей односторонней точки зрѣнія? Нѣтъ, она ограничивается разсмотрѣніемъ только тѣхъ мѣръ и способовъ, которые подходятъ подъ категорію доходовъ отъ доменъ, регалій, налоговъ и займовъ. Для нея народъ, его просвѣщеніе, промыслы — не болѣе и не менѣе, какъ только источники дохода. Прекрасно! но какъ же терять ей при этомъ изъ виду, что съ развитіемъ просвѣщенія и промышленно-

Самый успѣхъ социалистскихъ и коммунистскихъ теорій столь-же объясняется неопредѣленностію и мистицизмомъ ихъ, какъ и дѣйствительными страданіями человѣчества. Незрѣлый чловѣкъ всегда падокъ на подобныя ученія и чѣмъ менѣе понимаетъ и знаетъ ихъ, тѣмъ теплѣе въ нихъ вѣруетъ, тѣмъ болѣе рассчитываетъ на ихъ содѣйствіе, въ-особенности когда онъ несчастливъ и страдаетъ. Во всякомъ случаѣ, за этими ученіями и ихъ сторонниками останется вѣчная и неоспоримая заслуга: они подняли нѣсколько изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ и содѣйствовали, хотя болѣею частію отрицательнымъ образомъ, ихъ разрѣшенію. За одно уже это социалисты и коммунисты заслуживаютъ не преслѣдованій и проклятій;... одно уже это даетъ имъ какъ право высказывать, не обинуясь и безъ ненужныхъ стѣсненій и ограниченій, свои убѣжденія, такъ и право на общее вниманіе къ ихъ доводамъ и выводамъ. Ложныя убѣжденія ихъ тогда будутъ предоставлено имъ и право *воплотить* опровергнуты, когда будетъ предоставлено имъ и право *воплотить* высказывать ихъ, — когда никакія стѣсненія и ограниченія не будутъ мѣшать гласной и честной борьбѣ съ ними политической экономіи и другихъ наукъ.

сти увеличиваются и доходы казны, безъ напряженій, усилій и мѣръ со стороны администраціи? Какъ же, въ такомъ слѣчаѣ, не помнить теоріи, что каждая мѣра, «содѣйствующая просвѣщенію или промышленности», есть въ то же время и новый источникъ дохода, хотя бы и не имѣли этого послѣдняго въ виду сторонники и вводители подобныхъ мѣръ? Если всё или чуть ли не всё средства хороши для достиженія прекрасной цѣли—обогащенія казны, то неужели не хороши и тѣ изъ такихъ средствъ, которыя, обогащая казну, обогащаютъ въ то же время и народъ? Неужели государство, или правительство, только кассиръ, или казначей, а не та благодатная сила, которая, обезпечивая всё безъ исключенія права гражданъ, даетъ имъ возможность быть людьми въ высшемъ значеніи этого слова и жить по-человѣчески? Если государство есть именно та сфера, въ которой долженъ жить человѣкъ, чтобы быть мыслящимъ и нравственнымъ существомъ, а не животнымъ только, то дѣло администраціи не ставить преграды, разными фискальными мѣрами, а содѣйствовать всестороннему развитію человѣка въ государствѣ... Оправдывая тяжелыя налоги, теорія служить не человѣчеству, не государству, не правительству, даже не казнѣ, а какой-то дурно-понимаемой идеѣ государственной казны, т. е. такому-же золотому тельцу, не болѣе, какъ тотъ, которому поклоняются меркантилисты.

Нѣтъ, дѣло финансовой администраціи состоитъ не въ томъ, «чтобы добывать болѣе или менѣе раціональными, по воззрѣнію теоріи финансовъ на этотъ предметъ, денежныя средства для казны»; а въ томъ, чтобы *надлежащимъ образомъ употреблять финансовыя силы націи для достиженія общей цѣли государства и адми-*

нистраціи вообще. Смотри иначе на этотъ предметъ, мы, подобно теоріи финансовъ и ея сторонникамъ, неизбежно впадемъ въ ошибки и создадимъ себѣ золотого тельца, поклоняясь которому, не будемъ имѣть возможности ни понимать, ни разрѣшать множества общественныхъ вопросовъ. Для разрѣшенія-же этихъ вопросовъ практикой необходимо предварительное разрѣшеніе ихъ теоріей, наукой, потому-что практическое рѣшеніе ихъ должно быть основано на полномъ сознаніи цѣли и средствъ государственной жизни; а такое сознаніе невозможно безъ правильнаго теоретическаго воззрѣнія на этотъ предметъ.

Подтвердимъ все вышесказанное примѣрами:

Въ настоящее время, уже не одно правительство убѣждено въ истинѣ и непреложности ученія о необходимости свободы торговли и вообще промышленности; тѣмъ не менѣе практическое, возможно-полное осуществленіе этого ученія подвигается крайне-медленно впередъ, не смотря на то, что во всѣхъ болѣе или менѣе образованныхъ странахъ значительная часть промышленности «требуетъ» уничтоженія тѣхъ преградъ, которыя до сихъ поръ стоятъ на каждомъ шагу ея и противодѣйствуютъ правильному ея развитію. Что же мѣшаетъ правительствамъ привести въ исполненіе задуманныя уже нѣкоторыми изъ нихъ, какъ, на примѣръ, французскимъ, благія преобразованія въ торговомъ и промышленномъ законодательствѣ? Само-собою разумѣется, что дѣло это не можетъ и не должно совершиться вдругъ, однимъ ударомъ; что недостаточно, на примѣръ, одного провозглашенія свободы торговли и что нужны — не полумѣры, а предварительныя, послѣдовательныя, но тѣмъ не менѣе рѣшительныя мѣры, въ родѣ тѣхъ, которыя

были приняты въ Англіи Гускисономъ и Робертомъ Пилемъ. Но и такихъ предварительныхъ мѣръ не принимаютъ нѣкоторыя изъ правительствъ, даже и тѣ изъ нихъ, которыя, какъ, напримѣръ, французское, готовы содѣйствовать распространенію истинныхъ политико-экономическихъ ученій, понимая, что эти ученія, между прочимъ, одинъ изъ лучшихъ оплотовъ отъ ложныхъ социальныхъ теорій. Что же задерживаетъ правительства? Высшія политическія соображенія? Какія же? И что можетъ быть для правительства, вполне сознающаго святость своего назначенія, выше общественнаго блага? Потеря нѣкоторыхъ, немногихъ? Мнимая потеря! потому—что тамъ, гдѣ въ выигрышѣ рѣшительно всё, что дѣйствительно всегда и бываетъ, когда употребляются *честныя* средства для достиженія *честныхъ* цѣлей, тамъ если и теряютъ нѣкоторыя, то фиктивно только, воображаемо, не иначе. Это доказали реформы Гускисона и Роберта Пила, отъ которыхъ, вопреки всеѣмъ опасеніямъ и предсказаніямъ, нисколько не пострадали, а, напротивъ, выиграли и землевладѣльцы, и фермеры,— между прочимъ, уже и тѣмъ, что эти реформы избавили всю страну, всю промышленность ея и, наконецъ, всеѣхъ собственниковъ отъ готовившейся революціонной анархїи. Уменьшеніе таможенныхъ доходовъ? Реформы Ревентлова, Гускисона, Роберта Пила и другихъ — несомнѣнные доказательства, что уменьшеніе таможенныхъ сборовъ въ первые годы вполне вознаграждается въ послѣдующіе годѣ—и притомъ такъ, что для покрытія дефицитовъ, могущихъ произойти отъ такихъ реформъ, можно, съ выгодой для казны, дѣлать займы и за *высокіе* проценты. Да, эти реформы столь благотѣльны, столь выгодны и для государственной казны, если смо-

трѣтъ на нее и съ точки зрѣнія теоріи финансовъ, что казнѣ, для покрытія такихъ дефицитовъ, выгоднѣе платить 10 на сто, даже 20 и 30 на 100, въ теченіи 10, 20 и 30 лѣтъ, нежели не измѣнять прежнихъ, меркантильныхъ тарифовъ. Все это очень хорошо извѣстно образованнымъ правительствамъ, и не это останавливаетъ ихъ. Нѣтъ, они не заслуживаютъ упрека въ боязни и страхѣ заключать займы! Ихъ останавливаютъ опасенія, что въ случаѣ замѣны старыхъ, меркантильныхъ тарифовъ новыми, произойдетъ сильное броженіе въ промышленномъ мірѣ, и множество рабочихъ останется на время безъ крова и куска хлѣба. Основательныя опасенія! Да, есть, дѣйствительно, о чемъ подумать! Тѣмъ не менѣе и эти опасенія не оправдываютъ, какъ бы основательны ни были они, медленности правительствъ въ дѣлѣ необходимыхъ и благотѣльныхъ реформъ, потому—что, если, дѣйствительно, множество рабочихъ можетъ, въ случаѣ такихъ реформъ, лишиться на время,—впрочемъ, на весьма короткое только время, — средствъ къ существованію; то это доказываетъ только одно, а именно, какъ жалко положеніе этихъ людей, какъ мало обезпечены они въ *настоящее время*, въ слѣдствіе *существующаго порядка вещей* вообще и *тарифовъ* въ особенности, какъ *мало сдѣлано* для нихъ государствами, и что *всѣ*, до сихъ поръ принятые, разными правительствами, *мѣры* для облегченія и улучшенія участи рабочаго класса, только паллятивныя, т. е. самыя вредныя мѣры. Вопросъ этотъ, однакоже, очень и даже очень легко разрѣшимъ. Если правительства находятъ средства для веденія тяжелыхъ войнъ, во всякомъ случаѣ непроизводительныхъ для страны, то какъ не найти имъ средствъ для совершенія подобныхъ ре-

формъ? Рѣшеніе этого вопроса — прямое дѣло финансовой администраціи и теоріи финансовъ; но эта почти и не затрогиваетъ его, какъ и всѣ вопросы, относящіеся не къ *пассивному*, а къ *активному* государственному кредиту.

Возьмемъ другой примѣръ, а именно вопросъ о народномъ просвѣщеніи.

Къ сожалѣнію, даже къ несчастію, и въ наше время нужно еще доказывать многимъ, что этотъ вопросъ важнѣе всѣхъ другихъ, даже и вопроса о свободной торговли. Въ этомъ не сомнѣвались государственные и вообще образованные люди древней Греціи и Рима; но должно-быть сильно сомнѣвается большая часть современныхъ намъ *высоко-просвѣщенныхъ* государственныхъ людей. Многіе изъ этихъ послѣднихъ тратятъ несравненно болѣе времени и талантовъ своихъ на разныя мелочныя, почти ни къ чему не ведущія дипломатическія сдѣлки, нежели на изученіе этого вопроса, который, потому, въ нѣкоторыхъ государствахъ едва затронутъ правительствами. А между-тѣмъ стоить только нѣсколько вникнуть въ его сущность, чтобы убѣдиться въ его важности и понять, какое мѣсто долженъ онъ занимать въ ряду важнѣйшихъ изъ текущихъ общественныхъ вопросовъ. Мы утверждаемъ прямо и рѣшительно, что если главнѣйшая причина болѣе части золъ въ мірѣ состоитъ въ ненормальности, несостоятельности администрацій, то эта въ свою очередь есть слѣдствіе невѣжества большинства и недостаточности образованія его руководителей вообще и болѣе части государственныхъ людей въ-особенности. Рѣшеніемъ вопроса о народномъ просвѣщеніи обусловливается современное и будущее благосостояніе человѣчества,

участь государствъ и народовъ, возможность для нихъ мирнаго поступательнаго движенія впередъ, преуспѣанія, путемъ умныхъ административныхъ реформъ, или же необходимость революцій. Этотъ вопросъ то-же для правительства и для всего строя современныхъ государствъ, что и *быть или не быть?* для Гамлета. Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего болѣе всего зависитъ развитіе *всѣхъ, умственныхъ и матеріальныхъ, силъ* государства, какъ не отъ степени народнаго просвѣщенія? Возможно-ли добро тамъ, гдѣ общее невѣжество? Дикари могутъ-ли быть христіанами — не по однимъ метрическимъ свидѣтельствамъ? Можно-ли управлять неграмотнымъ народомъ такъ-же «легко и хорошо», какъ грамотнымъ? Государственный сановникъ, не знакомый съ науками и предпочитающій имъ чины, ордена, титулы и воеводства, можетъ-ли быть надлежащимъ руководителемъ народа и безкорыстнымъ слугою своего государя? Конечно, нѣтъ. Не смотря, однако, на все это, не смотря и на убѣжденіе, дѣлающееся съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе общимъ, убѣжденіе, что необходимо распространять повсюду грамотность и увеличивать число учебныхъ заведеній, гдѣ ихъ мало, — дѣло это все-таки крайне-медленно подвигается впередъ, и средства образованія для многочисленнѣйшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ народонаселеній повсюду довольно ограничены, а въ нѣкоторыхъ государствахъ, такъ ихъ почти и вовсе нѣтъ! Это, между-прочимъ, потому, что по общепринятому мнѣнію, всѣ условія народнаго просвѣщенія не только не обходятся безъ *финансовъ*, но и совершенно зависятъ отъ нихъ. Говорятъ, что нѣтъ въ мірѣ государства, финансы котораго позволяли-бы ему принять на себя образованіе всѣхъ

бѣдныхъ дѣтей. А есть-ли государство въ мірѣ, финансы котораго позволяли бы ему содержать огромныя арміи — вовсе несообразныя съ матеріальными силами націи? Есть-ли государства въ мірѣ, средства которыхъ допускали-бы такія постройки, напримѣръ, какъ Версаль, въ царствованіе Лудовика XIV, или нынѣшнія официальные перестройки Парижа, — безъ обремененія народа тяжелыми налогами или невыгодными для государственной казны займами? Какимъ-же образомъ могло въ головахъ очень-умныхъ даже людей родиться и развиться мнѣніе, что условія народнаго просвѣщенія зависятъ отъ однихъ финансовъ? Очень просто: большинство и умныхъ, и образованныхъ людей не понимаетъ ни того, что такое государство, ни того, что такое финансы; то-же можно сказать и о большинстве упомянутыхъ государственныхъ людей. Всѣ они смѣшиваютъ финансы съ государственной казной, а правительство съ государствомъ, или, другими словами, на государственную казну и на финансовыя силы государства смотрятъ съ точки зрѣнія теоріи финансовъ, а на государство съ точки зрѣнія французскаго общества, противъ которой такъ справедливо возстаютъ всѣ истинные экономисты. И замѣчательно, что между людьми, раздѣляющими подобное мнѣніе, есть такіе, которые въ то-же время убѣждены, что государство *обязано* воспитывать *всѣхъ* своихъ подданныхъ, сообразно съ условіями своего существованія, по требованіямъ своей политики! Какъ согласить подобныя убѣжденія? Ясно, что тутъ, какъ говорится, что нибудь да не такъ. Одно изъ двухъ: или государство *обязано* воспитывать *всѣхъ* своихъ подданныхъ и, въ такомъ случаѣ, должно заботиться о народномъ просвѣщеніи,

а съ этимъ вмѣстѣ и имѣть надлежащія къ тому средства; или-же оно *не обязано* заниматься народнымъ воспитаніемъ и образованіемъ, и въ такомъ случаѣ должно предоставить это дѣло частной дѣятельности. Какъ разрѣшить вопросъ этотъ съ точки зрѣнія современной теоріи финансовъ? Судя по духу этой теоріи, надо предполагать, что *государство* (не государственная-ли казна?) можетъ не имѣть достаточныхъ денежныхъ средствъ на воспитаніе и образованіе всѣхъ своихъ гражданъ; да этого и не нужно (по духу той-же теоріи), потому-что богатые и достаточные люди не нуждаются въ помощи государственной казны. Допустимъ это, предполагая, что казна, правительство и государство — болѣе или менѣе синонимы; допустимъ, что казна, правительство или государство должно заботиться о воспитаніи только *бѣдныхъ* дѣтей. Но и на воспитаніе однихъ только бѣдныхъ дѣтей требуется, по той-же теоріи, столько денегъ, что ни одно государство, или правительство, не можетъ взяться за подобное дѣло, а потому должно ограничиться только воспитаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Положимъ, что опять такъ; но *какихъ* именно? Счастливейшихъ? Несчастнѣйшихъ? Дѣтей извѣстныхъ, привилегированныхъ классовъ — по правилу: «горе побѣжденнымъ?» Пусть отвѣтятъ на этотъ вопросъ сторонники нынѣшней теоріи финансовъ! Если они займутся имъ надлежащимъ образомъ, то непременно прійдутъ къ одному изъ слѣдующихъ заключеній, а именно:

1) Теорія финансовъ придаетъ слишкомъ много значенія государственной казнѣ, деньгамъ, «финансамъ», и обращаетъ слишкомъ мало вниманія на то, что такое *финансовыя и другія силы* государства, чтобы имѣть

правильное понятіе объ администраціи вообще, или же :

2) Вопросъ о народномъ просвѣщеніи не подлежитъ разсмотрѣнію теоріи финансовъ, какъ науки, предметъ которой только *финансы, деньги*, и что нѣтъ ничего общаго между финансами и народнымъ просвѣщеніемъ.

Въ томъ-то и горе, что по теоріи финансовъ нѣтъ ничего общаго между финансами и всѣми другими условіями государственной жизни, кромѣ налоговъ. Но нѣтъ ничего легче, какъ доказать неправильность и нелогичность такого воззрѣнія теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, неужели не подлежатъ разсмотрѣнію ея тѣ явленія, которыми обусловливается *величина* доходовъ и расходовъ государственныхъ? Если *нѣтъ*, такъ неужели обязанность теоріи — только перечислять предметы доходовъ и расходовъ, а не разбирать ихъ? Если *да*, то спрашивается : одно ли и то-же, какъ для администраціи вообще, такъ и для финансовой части ея въ-особенности, что государство, или правительство, нуждается, для республикованія, на примѣръ, какого-либо закона или для принятія какой-либо другой мѣры, во множествѣ прежнихъ или новыхъ агентовъ, чиновниковъ, или не имѣетъ надобности въ нихъ по той, на примѣръ, причинѣ, что газеты и журналы исполняютъ это дѣло за агентовъ? Конечно, не все равно, потому что агенты, въ-особенности дешевые и дурные, стоятъ всегда дорого, — дорого казнѣ, еще дороже правительству и несравненно дороже народу; — а журналы и газеты, своимъ содѣйствіемъ просвѣщенію и промышленности, *всегда* приносятъ, даже и безъ налоговъ на нихъ, если не прямо, то косвенно, *денежныя* доходы казнѣ, и оказываютъ вообще значительныя услуги правительству и народу.

Какимъ-же образомъ вопросъ этотъ, т. е. вопросъ о народномъ просвѣщеніи вообще, можетъ не подлежать разсмотрѣнію теоріи финансовъ, если даже и допустить, — на перекоръ всѣмъ дѣйствіямъ и мнѣніямъ истинно-государственныхъ людей, — что *финансы* имѣютъ и должны имѣть исключительно-денежный характеръ? — Трудно представить себѣ все зло, причина котораго заключается въ ложности воззрѣнія теоріи (а за ней и государственныхъ людей) на государственную казну, на характеръ и назначеніе финансовъ, на отношеніе ихъ къ народному просвѣщенію и пр. и пр. Подобное ложное воззрѣніе ведетъ къ слѣдующимъ, между прочимъ, явленіямъ :

1) Стоитъ только какому-либо правительству, напр. французскому, издать постановленіе, чтобъ значительная часть его подданныхъ ходила въ шитыхъ кафтаннахъ и держала стаи лакеевъ, чтобъ нашлись на то средства и въ казнѣ, и въ карманахъ частныхъ лицъ; но вмѣстѣ съ этимъ, *ни одно государство не въ состояніи выучить необходимой грамотѣ всѣхъ своихъ гражданъ!* Таково рѣшеніе многихъ современныхъ администрацій! 2) Стоитъ только захотѣть какому-либо правительству, на примѣръ, тому-же французскому, чтобъ число «полицейскихъ» чиновниковъ относилось къ числу прочихъ городскихъ жителей, какъ 1 къ 10, — и дѣло это будетъ устроено; но въ то-же время ни одно правительство не въ состояніи обезпечить всѣхъ вообще чиновниковъ такъ, чтобъ они могли не быть взяточниками; ни одно также правительство не въ состояніи обезпечить участь учителей, духовныхъ и т. п. лицъ, т. е. давать имъ содержаніе, равняющееся половинѣ или хоть трети того, какое получаютъ эти

«полицейскіе» чиновники... Ограничимся этими явлениями...

Возьмемъ еще примѣръ. Исключая социалистовъ и коммунистовъ, всѣ образованные люди, изучающіе политико-экономическіе вопросы, убѣждены, что проценты на капиталы — законная и необходимая вещь и что регламентировать ихъ и вредно, и бесполезно. Политическая экономія доказываетъ это такъ-же ясно, какъ математика, что $2 \times 2 = 4$. Но обращала-ли теорія финансовъ должное вниманіе на тотъ вредъ, который причиняется постоянно, не говоримъ уже «обществу, государству», а «государственной казнѣ» законами, опредѣляющими величину процентовъ въ частныхъ сдѣлкахъ? Или неужели и этотъ вопросъ не касается ни финансовой администраціи, ни, потому, теоріи финансовъ?

Мы бы еще не скоро кончили, еслибъ рѣшились перечислять всѣ общественные вопросы, научное рѣшеніе которыхъ принадлежитъ теоріи финансовъ, но на которыя она, по причинѣ односторонняго воззрѣнія своего на характеръ финансовъ и на роль финансовой администраціи въ государственной жизни народовъ, не обращаетъ вниманія. Придавая финансамъ исключительно-денежный характеръ, она по-необходимости смотритъ на финансовую администрацію, какъ на такой родъ правительственной дѣятельности, посредствомъ котораго правительство добываетъ себѣ денежныя средства для достиженія однѣхъ только *односторонне-правительственныхъ* цѣлей, а потому, судя по ней о значеніи и цѣли существованія государства и правительства, составляешь себѣ самыя превратныя о нихъ понятія.

Каждый согласится, что если таковы результаты науки, то въ основѣ ея лежитъ ложная идея, и что потому, какъ бы хорошо ни были разработаны нѣкоторыя части ея, она не можетъ представлять собою полного и стройнаго цѣлаго, удовлетворяющаго требованіямъ человѣческаго ума. Какъ зломъ не исправляется зло, какъ на немъ нельзя построить блага, такъ ложная идея не можетъ быть орудіемъ для опроверженія ложныхъ идей, и на ней нельзя построить науки, долженствующей служить и содѣйствовать истинѣ, правдѣ и общему благу.

VII.

Несостоятельность теоріи финансовъ еще болѣе выказывается при рѣшеніи вопроса: *въ какой степени удовлетворяетъ эта наука требованію ума, чтобы строго и точно опредѣлялось каждой наукой значеніе всѣхъ данныхъ, входящихъ въ составъ научнаго зданія?*

Для возможно-удовлетворительнаго разсмотрѣнія этого вопроса слѣдовало бы намъ разобрать, и притомъ очень подробно, всѣ положенія и выводы теоріи финансовъ; но, во-первыхъ, размѣръ нашей статьи не допускаетъ такого разбора, а во-вторыхъ, и всего вышесказаннаго слишкомъ достаточно, намъ кажется, чтобъ убѣдить читателей нашихъ, что и въ этомъ отношеніи крайне-несостоятельна теорія финансовъ: иначе-бы и основная идея ея была вѣрна, и дѣленіе ея на части было удовлетворительно и произвольно. Ложность основной идеи науки есть ужѣ достаточное ручательство и несомнѣнное свидѣтельство, что дурно, или по-крайней-мѣ-

рѣ, слишкомъ односторонне разработаны, разобраны и опредѣлены наукой тѣ данныя, которыя доставлены ей жизнью, дѣйствительностью, опытомъ. По всему этому, въ заключеніе нашихъ доказательствъ несостоятельности современной теоріи финансовъ, представимъ краткій очеркъ ученія ея о «сущности налоговъ», занимающихъ первое и главное мѣсто какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ финансовой.

Въ сочиненіяхъ о финансахъ, основаніемъ налоговъ, ихъ необходимости и законности полагаются обыкновенно *государственныя потребности*; но вѣрнѣе сказать, судя по духу современной теоріи, *потребности государственной казны*. Въ этихъ сочиненіяхъ утверждается, что налоги необходимы потому, что правительства нуждаются въ матеріальныхъ, преимущественно денежныхъ, средствахъ—какъ для своего существованія, такъ и для проявленія своей воли, сообразно съ цѣлью государства. Такой *необходимостью* налоговъ объясняютъ и *законность* ихъ. Такимъ образомъ законность доказывается здѣсь необходимостью, а необходимость ничѣмъ не доказывается, или, что то-же, доказывается необходимостью-же. Не много, однако, нужно ума, чтобъ понять, какъ шатко и неудовлетворительно подобное доказательство законности налоговъ: оно то-же въ своемъ родѣ, что и объясненіе права собственности завладѣніемъ никому не принадлежащей вещью, давностью владѣнія или общественнымъ договоромъ, — объясненіе, которое, какъ извѣстно, не выдержитъ критики перваго-встрѣчнаго социалиста или коммуниста. Понятіе необходимости слишкомъ относительно и произвольно, чтобъ служить основой понятію законности. Только то можетъ быть признано законнымъ, что можетъ быть доказано

на основаніи какого-либо непреложнаго, естественнаго закона. Мало-ли что люди считаютъ необходимымъ, а потому и законнымъ. Когда чиновнику нечего ѣсть, взятка для него необходима; тѣмъ не менѣе каждая взятка незаконна. Необходимостью можно доказать рѣшительно все, что угодно: необходимостью доказывалъ Маккиавелли, что управлять людьми слѣдуетъ по правилу: *divide et impera*, т. е. вооружая однихъ противъ другихъ; необходимостью доказывалъ Бентамъ, что законъ — зло; протекціонисты, меркантилисты, социалисты и коммунисты объясняютъ свои теоріи тоже разными необходимостями. И мало ли какихъ нелѣпостей не доказывали такимъ образомъ не только умные, но и гениальные люди; а все потому, что въ основу своихъ сужденій принимали и полагали въ бѣльшей или меньшей степени условныя понятія — въ родѣ необходимости и пользы. Достоинство науки и цѣлей ея не можетъ допускать ничего подобнаго. Наука ищетъ истины, и только безусловная истина должна быть исходнымъ пунктомъ и основой всѣхъ ея положеній и доказательствъ; иначе эти положенія и доказательства, какъ бы строго-логически ни выводились они изъ основнаго понятія ея, будутъ шатки и ложны, и тѣмъ шатче и ложнѣе, чѣмъ логичнѣе будетъ выводъ ихъ изъ основнаго понятія. Истинная наука признаетъ законнымъ не то, что можетъ казаться, въ бѣльшей или меньшей степени, необходимымъ, а только то, что дѣйствительно законно, и признаетъ она не «условно-необходимое законнымъ», а «законное безусловно-необходимымъ». Особенно въ настоящее время, когда наука вообще съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе повѣряется жизнью и въ свою очередь повѣряетъ ее, когда она сознала обя-

занность свою не увлекаться ничѣмъ инымъ, кромѣ изысканія истины, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ права на всеобщее вниманіе и уваженіе, она не можетъ, безъ посягательства на свое достоинство, быть не разборчива въ своихъ положеніяхъ и выводахъ. Теорія финансовъ, къ сожалѣнію, пренебрегаетъ и этимъ правиломъ.

Государственная казна — не цѣль, а только одно изъ условій, средствъ, существованія администраціи, обусловливающагося въ свою очередь существованіемъ государства, цѣль котораго — общественное благосостояніе. Когда администрація вообще правильна, рациональна, тогда богатство казны пропорціонально богатству народа; тогда въ казнѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, отражается народное благосостояніе, и въ такомъ случаѣ она не можетъ быть въ крайности, не имѣть средствъ необходимыхъ для удовлетворенія дѣйствительныхъ государственныхъ потребностей. При неправильной-же администраціи, казна можетъ быть относительно и очень богата при бѣдности народа, — что и бываетъ очень часто, благодаря мудрости непрізнанныхъ государственныхъ людей; но въ такомъ случаѣ каждый франкъ или талеръ въ ней ужѣ не есть знакъ народнаго благосостоянія, а выраженіе страданій и лишеній народа....

Всякій разъ, когда наука принимаетъ средство за цѣль, въ-особенности въ дѣлѣ общественныхъ вопросовъ, она не только вызываетъ ложныя соціальныя ученія, но и сама, не подозрѣвая того, поддерживаетъ, въ умахъ и жизни вообще людей, правило: «средства оправдываются цѣлью»; а это правило уже *потому* ложно и вредно, что, по неизмѣннымъ законамъ *правды*, все-

гда и во всемъ вѣрной себѣ, для достиженія всякой честной, истинной цѣли есть честныя, истинныя средства, и эти средства всегда дешевле, вѣрнѣе и дѣйствительнѣе всѣхъ остальныхъ, недостойныхъ истинной и честной цѣли. Гдѣ бы и какъ бы ни проявлялась правда, она подтверждаетъ эту истину, приложимую ко всѣмъ условіямъ и сферамъ человѣческой жизни и проявленіямъ человѣческой дѣятельности. Эта истина вполне прилагается и къ тѣмъ отношеніямъ между гражданами, съ одной стороны, и государствомъ, или правительствомъ, съ другой, которыя выражаются разнаго рода финансовыми и фискальными мѣрами и законами. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ теоріи финансовъ въ томъ именно и состоитъ, чтобъ представить полное объясненіе того, чего требуетъ правда отъ финансовыхъ, фискальныхъ мѣръ, — т. е. представить неопровержимыя доказательства полной приложимости ея, правды, въ этомъ отношеніи. Долгъ финансовой науки объяснить и доказать, что существованіе и мѣра повинностей обусловливаются — не случайною, временною необходимостью ихъ, а *необходимостью нравственной, т. е. правдой*. Безъ такого научнаго подтвержденія законности налоговъ и повинностей вообще, теорія финансовъ никогда не будетъ имѣть *критеріума* для оцѣнки качествъ и свойствъ всѣхъ родовъ и видовъ податей; а съ этимъ вмѣстѣ не будетъ имѣть ни права, ни возможности быть — не кое-какой, а состоятельной и законной (компетентной) руководительницей практики. Она должна объяснить и доказать, что какъ по формѣ, такъ и по сущности своей, по своему содержанию, налогъ, или подать, повинность, въ смыслѣ обязательнаго правила для извѣстнаго рода дѣйствій лицъ, живущихъ въ государствѣ, есть тѣ-же,

что и каждый изъ положительныхъ законовъ; она должна доказать, что *каждое фискальное узаконеніе должно быть въ той же степени выраженіемъ правды и справедливости, въ какой требуется это отъ каждаго «хорошаго» положительнаго закона.* Словомъ, она должна доказать, что «каждая фискальная мѣра должна быть, какъ по существу своему, такъ и по формѣ своей, закономъ, и только потому можетъ и должна имѣть *юридически-обязательную силу*».

Такое объясненіе существа и формы налоговъ легко и просто достигается путемъ анализа какъ цѣли государства, такъ и неизмѣнныхъ условій его существованія. Для оцѣнки и опредѣленія вліянія налоговъ и вообще фискальныхъ мѣръ на народное хозяйство, въ основу такого анализа должны быть приняты непреложные, естественные политико-экономическіе законы, которые, какъ всѣ непреложные и естественные законы, не только ни въ чемъ не противорѣчатъ правдѣ и справедливости, но, напротивъ, постоянно подтверждаютъ ихъ бытіе и объясняютъ ихъ необходимость, а съ этимъ вмѣстѣ и въ свою очередь подтверждаются и объясняются ими. Изъ такого объясненія существа и формы налога, или подати, само-собой вытекаетъ правило, что *налогъ, не имѣющій вѣншнаго и внутренняго достоинства раціональнаго, нравственнаго и положительнаго закона, есть не болѣе, какъ постановленіе, обязательная сила котораго основана на произволѣ, а не на правдѣ и не на справедливости.* Каждый здравомыслящій человекъ согласится съ нами, что дѣло науки распространять подобныя правила, возводить ихъ на степень убѣжденій, и что подобныя убѣжденія болѣе, нежели полезны: они благотѣльны и для правительствъ, и для

поданныхъ ихъ. Современная теорія финансовъ, по видимому, и не подозреваетъ ничего подобнаго такому правилу.

Высшее назначеніе человека — быть человекомъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, т. е. быть существомъ не только чувствующимъ и мыслящимъ, но и вполне сознающимъ свое человеческое достоинство, всѣ права и обязанности свои. Сомнѣваться въ этомъ можетъ, въ наше время, развѣ только тотъ, кто мало или вовсе не изучалъ природы человеческой, кто не обращалъ должнаго вниманія на послѣдовательность и непрерывность духовнаго и нравственнаго развитія всего человечества и не вникалъ въ сущность стремленій, свойственныхъ, въ болѣе или менѣе степени, каждому изъ насъ, стремленій не только пользоваться наибольшимъ, по-возможности, количествомъ земныхъ благъ, но и познать самого себя. Правда, стремленіе къ самопознанію и самосознанію только дѣло инстинкта для большинства людей; тѣмъ не менѣе оно обще всѣмъ людямъ, и не только не ослабѣваетъ, но, напротивъ, усиливается въ каждомъ новомъ поколѣніи; оно въ природѣ человека, родится и умираетъ съ нимъ, да и умираетъ не иначе, какъ оставивши послѣ себя въ человечествѣ и мірѣ слѣды и память о своемъ существованіи. За послѣдовательность и непрерывность развитія человечества, прогресса, ручается вся исторія и каждый моментъ ея въ-отдѣльности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, не нужно изучать исторію всѣхъ вѣковъ и народовъ, достаточно и одного вѣка, даже нѣсколькихъ лѣтъ, а для болѣе проникательныхъ наблюдателей, пожалуй, довольно и одного года. И можно-ли сомнѣваться въ такомъ развитіи, когда проявленіе и результаты его

на-лицо? Какъ ни былъ великъ и прекрасенъ, подъ-часть, человѣкъ, на примѣръ, въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ; но какъ въ той, такъ и въ другомъ онъ немногимъ, и то крайне-рѣдко, переросла тотъ типъ самодовольнаго гражданина болѣе или менѣе значительной городской общины, въ которомъ несравненно-болѣе эгоистическихъ, мелкихъ муниципальных доблестей, нежели тѣхъ истинно-человѣческихъ чувствъ, понятій и качествъ вообще, которыми обуславливается достоинство развитаго человѣка нашего времени. Древній человѣкъ могъ дойти до убѣжденія въ необходимости самопознанія и самосознанія, но дорости до самопознанія и самосознанія онъ не могъ: не даромъ Діогенъ искалъ человѣка и не находилъ его нигдѣ и ни въ комъ. А чѣмъ былъ человѣкъ въ доисторическія эпохи? И чѣмъ будетъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, — не говоримъ: въ недосыгаемомъ и для духовнаго зрѣнія далекомъ грядущемъ, — нѣтъ, но въ томъ болѣе или менѣе близкомъ отъ насъ будущемъ, которое уже можетъ предвидѣть и предугадывать умъ, способный по нѣсколькимъ извѣстнымъ даннымъ находить неизвѣстныя? Если сравнить между собою двѣ эпохи существованія человѣчества, первую или вторую историческую и ближайшую будущую или только настоящую, и если принять ихъ за крайніе члены прогрессіи, средніе члены которой, благодаря наукѣ, уже болѣе или менѣе хорошо извѣстны; то можно-ли не придти къ убѣжденію, что не даромъ существовало и существуетъ человѣчество, не даромъ трудилось и трудится, страдало и страдаетъ оно? И если сравнить древняго человѣка съ новымъ, если разобрать природу вообще человѣка, слабость, ничтожность его физическихъ и духовныхъ силъ при

его рожденіи, съ одной стороны, и ту степень духовнаго развитія, до которой, подъ-часть, дорастаетъ онъ въ наше время, съ другой стороны; если сравнить крайнюю зависимость первыхъ людей отъ природы ограниченной мѣстности, на которой они родились и жили, съ развитостью современнаго человѣка, который такъ успѣшно подчиняетъ своей волѣ уже столько силъ природы и который, въ благоустроенномъ государствѣ, «одинъ» работаетъ уже на «милліоны» людей и въ свою очередь уже пользуется работою милліоновъ, — если сравнить все это, то какъ не задуматься надъ вопросомъ: какимъ-же образомъ, человѣкъ, слабое и ничтожное, въ первыя времена своего бытія, существо, могъ достигнуть той степени развитія, на которой мы видимъ его нынѣ?

Исторія и политическая экономія даютъ намъ положительныя отвѣты на этотъ вопросъ. Первая, раскрывая передъ нами картину послѣдовательности и непрерывности развитія человѣчества, доказываетъ, между прочимъ, что каждая новая, высшая степень этого развитія совпадаетъ съ новою и высшею степенью развитія человѣческихъ обществъ; кромѣ того, что чѣмъ обширнѣе то или другое изъ такихъ обществъ, чѣмъ рациональнѣе законы, которыми оно управляется, тѣмъ быстрѣе и всестороннѣе развивается въ немъ человѣкъ, и наконецъ, что только въ государствѣ, одной изъ высшихъ формъ человѣческихъ обществъ, дорастаетъ человѣкъ до той высокой, но еще не высшей, степени развитія, на которой видимъ мы его въ наше время. Политическая экономія объясняетъ намъ, какъ и почему только въ обществѣ ближнихъ своихъ, въ мирѣ съ нимъ и съ ними, — сообразно съ духомъ и ученіемъ

Евангельскимъ, — можетъ жить человѣкъ истинно-человѣческой, вполне разумною и полезною, какъ для себя, такъ и для всѣхъ другихъ, жизнью. Она объясняетъ и доказываетъ намъ также, какъ и почему въ наиболѣе-правильномъ, сообразномъ съ природой человѣческой гражданскомъ обществѣ, наиболѣе и крѣпнеть во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и, самъ въ свою очередь, приноситъ наибольшую пользу обществу, въ которомъ живетъ, — возвышается и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ; а оно падаетъ только въ-слѣдствіе частаго и продолжительнаго нарушенія основныхъ законовъ жизни и дѣятельности человѣческой.

Семья, гражданское общество, или государство, человѣчество — вотъ безусловно-необходимыя сферы жизни и дѣятельности нашей. Отъ правильности въ существованіи и развитіи союзовъ семейныхъ и гражданскихъ, или государственныхъ, зависитъ правильность существованія и развитія въ нихъ болѣе или мѣншей части человѣчества вообще и каждой личности отдѣльно, и на оборотъ. Степень правильности и законности этихъ союзовъ опредѣляется степенью сообразности устройства ихъ съ сущностью и назначеніемъ такихъ союзовъ — служить сферами «свободнаго, законнаго, естественнаго общенія между людьми», ихъ членами. Необходимость такого общенія обуславливается природою человѣческой, законами, предначертанными для нея Провидѣніемъ. Вотъ почему, съ одной стороны, каждый изъ насъ обязанъ — «не просто кое-какъ жить и дѣйствовать», но «правильно, законно жить и дѣйствовать» въ этихъ союзахъ, чтобъ имѣть право на блага, доставляемая ими и недостижимыя внѣ ихъ. Съ другой стороны, устройство этихъ союзовъ должно

быть вполне сообразно съ ихъ сущностью и назначеніемъ: оно должно способствовать, а не препятствовать правильному существованію и развитію въ нихъ человѣка; оно должно быть дѣломъ и орудіемъ правды, а не какой-либо человѣческой воли или фантазіи. Какое бы изъ современныхъ или прежнихъ гражданскихъ обществъ ни взяли мы предметомъ для нашихъ изслѣдованій, какъ бы неправильно ни было устройство этого общества и какъ-бы мало ни удовлетворяло положительное законодательство его требованіямъ правды, — словомъ, какъ-бы превратно ни шли всѣ вообще дѣла въ этомъ обществѣ; тѣмъ не менѣе, подвергнувъ его всестороннему, по-возможности, анализу, мы непременно придемъ къ слѣдующимъ выводамъ и убѣжденіямъ: 1) «Общеніе между людьми» не просто одна изъ потребностей человѣческой природы, а одна изъ «самыхъ сильныхъ и настоятельныхъ» потребностей ея, неудовлетворять которой нѣтъ никакой законной возможности; она — непремѣнное условіе бытія человѣка, какъ существа физическаго и нравственнаго; она — начало и необходимое условіе всѣхъ частныхъ союзовъ между людьми. 2) Чѣмъ обширнѣе, свободнѣе, дѣятельнѣе и многостороннѣе такое общеніе, тѣмъ выгоднѣе оно для общества вообще и для каждаго члена его въ-отдѣльности; тѣмъ лучше и скорѣе удовлетворяются какъ общія, такъ и частныя потребности членовъ этого общества; тѣмъ быстрѣе и полнѣе развиваются всѣ силы какъ всего общества, такъ и каждаго члена его. 3) Государство, и въ нынѣшнемъ значеніи этого слова (*status*), какъ было и въ древнемъ (*civitas*, Πολις), есть одна изъ безусловно-необходимыхъ и высшихъ степеней такого общенія.

Лучшимъ доказательствомъ, что эти выводы вѣрны, служить, между прочимъ, и то, что какимъ бы путемъ ни производили мы свои изслѣдованія и наблюденія надъ обществомъ, восходя ли отъ недѣлимыхъ къ государству или нисходя отъ этого къ недѣлимымъ, выводы наши будутъ совершенно-тождественны.

Продолжая свои изслѣдованія и наблюденія надъ тѣмъ же или какимъ либо другимъ государствомъ, или же надъ многими государствами, все равно, мы приходимъ къ убѣжденію, что отдѣльныя личности, недѣлимые, подобно всему обществу, или государству, котораго они члены, живутъ и развиваются во всѣхъ отношеніяхъ по непреложнымъ, неизмѣннымъ, естественнымъ, предначертаннымъ Провидѣніемъ, законамъ, и что всѣ они должны подчиняться этимъ, а не «кое-какимъ» законамъ, если дорожатъ правомъ, законностью и разумностью своего человѣческаго бытія, развитія и достоинства. Вмѣстѣ съ этимъ мы видимъ, что въ государствѣ, организація и администрація котораго противорѣчатъ такимъ законамъ, все неправильно и непрочно, и въ такомъ случаѣ общественная власть не содѣйствуетъ, а противодѣйствуетъ народному благосостоянію, но за то и въ свою очередь не находитъ надлежащей поддержки для себя въ своихъ подданныхъ и ихъ силахъ. Въ такомъ государствѣ граждане неохотно подчиняются требованіямъ законовъ и при первой возможности уклоняются отъ ихъ исполненія, чуя, если только не понимая, что эти законы не ограда, защита, а враждебная сила, противодѣйствующая правильному развитію ихъ жизни и благосостоянію. Понятно, что въ такомъ государствѣ всѣ стремятся избавить себя отъ вліянія враждебныхъ общественному благосостоянію причинъ и подчиниться

законамъ наиболее соответствующимъ человѣческой природѣ; — стремленіе это растеть съ каждымъ днемъ, пока не будетъ удовлетворено законными путями или не разрѣшится революціей. Какъ бы геніаленъ ни былъ Макіавелли или Руссо, или кто-либо другой, готовый взять на себя трудъ законодателя человѣчества, но никогда и ни въ какомъ случаѣ не придумать ему законовъ лучше тѣхъ неизмѣнныхъ, непреложныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ естественныхъ, которые предначертаны Провидѣніемъ, и которымъ, кромѣ немногихъ, крайне-рѣдкихъ уродовъ, «легко и добровольно» подчиняются всѣ люди, незараженные ложными идеями: *легко*, потому что эти законы «легко исполнимы, благотворны», и вся организація чловѣка требуетъ ихъ исполненія; *добровольно*, потому что «сознаніе необходимости» такихъ законовъ и исполненія ихъ *легко* дается чловѣку, составляетъ одну изъ непремѣнныхъ потребностей его, и онъ всегда нравственно боленъ, пока не дойдетъ до такого сознанія. Можно смѣло утверждать, что не только эти законы созданы для чловѣка, но и самъ онъ созданъ для нихъ: онъ родится съ ними и съ потребностью исполнять ихъ. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго и удивительнаго для чловѣка мыслящаго и сознающаго такіе законы: подобное явленіе только лишній разъ доказываетъ ему, что *правда* — не пустое слово, что она дѣйствительно есть и неизмѣнно-вѣрна себѣ; а потому-то и законы, выражающіе ее, «легко» исполнимы, — не то, что многіе изъ положительныхъ законовъ!

Къ числу такихъ-то неизмѣнныхъ, непреложныхъ и естественныхъ законовъ принадлежатъ и всѣ, уже раскрытые политической экономіей, законы производства, распредѣленія и потребленія цѣнностей. Въ томъ числѣ

законъ *раздѣленія труда* лучше всѣхъ разсужденій о призваніи человѣка — жить въ обществѣ объясняетъ необходимость возможно-полнаго и мирнаго общенія между людьми, пользу, которую приносятъ оно человѣчеству, и вредъ, причиняемый каждымъ «беззаконнымъ» противодѣйствіемъ такому общенію. Этимъ же закономъ *раздѣленія труда* лучше, нежели чѣмъ либо другимъ, объясняется и множество отношеній между людьми въ обществѣ, а также и отношенія частныхъ лицъ съ государствомъ, и на оборотъ. Къ числу важнѣйшихъ изъ послѣднихъ отношеній принадлежитъ, конечно, то, по которому государство, или правительство, обезпечивая права своихъ гражданъ, охраняя и защищая ихъ, на сколько это входитъ въ кругъ его дѣятельности и зависитъ отъ него, требуетъ отъ подданныхъ своихъ, чтобы они исполняли большее или меньшее число повинностей, платили подати и пр. Въ такомъ требованіи, если только оно не выходитъ изъ «законныхъ» (мы не говоримъ: «юридическихъ») границъ, которыя опредѣляются сущностью отношеній государства и правительства къ ихъ гражданамъ и подданнымъ, нѣтъ ничего ни противоестественнаго, ни нерациональнаго, ни вреднаго для государственнаго союза и его членовъ вообще, — напротивъ, оно «естественно», а потому и «законно», необходимо и полезно для всѣхъ. Какъ все ужё приобрѣтенное, такъ и все приобрѣтаемое человѣчествомъ есть произведеніе его труда, или, другими словами, есть результатъ услугъ, оказанныхъ и оказываемыхъ, полученныхъ и получаемыхъ каждымъ болѣе или менѣе дѣятельнымъ членомъ общества тѣмъ лицамъ, съ которыми онъ прямо или косвенно имѣетъ дѣло, а при ихъ посредствѣ и всему человѣчеству. Такая-то возможность обмѣна услугъ на

услуги и даетъ ту изумительную производительность труду человѣческому, которой нельзя не удивляться и тогда, когда вполне сознаешь сущность ея. Несомнѣннымъ доказательствомъ этой изумительной производительности служатъ всякаго рода *капиталы*, которые уже *созданы* человѣчествомъ, *не смотря* ни на продолжительныя, истребительныя постоянныя войны, ни на тяжелыя налоги, ни на феодальныя и меркантильныя таможи и заставы, ни на что, чѣмъ стѣсняется и ограничивается трудъ *человѣческой* — въ большей или меньшей степени во всѣхъ странахъ, даже славящихся и гордящихся либеральностью своихъ учреждений и своимъ просвѣщеніемъ... Стоить только вспомнить о деревенскомъ столярѣ, о которомъ говоритъ Фредерикъ Бастиа и на котораго работаютъ сотни тысячъ людей, чтобы понять механизмъ этой силы, этой благотворной производительности, и не увлекаться никакими ложными теоріями, несогласными съ непреложнымъ въ этомъ отношеніи ученіемъ политической экономіи. Столь же производительно, какъ этотъ столяръ, трудится и для себя, и для другихъ каждый членъ благоустроеннаго государства, въ которомъ трудъ человѣка подвергается не болѣе, нежели во Франціи, на примѣръ, различнымъ стѣсненіямъ, — стѣсненіямъ нелѣпнымъ, противоестественнымъ и вреднымъ не только въ экономическомъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, а въ томъ числѣ и политическомъ (чего, къ несчастію, не понимаетъ большая часть современныхъ администраторовъ). Тамъ же, гдѣ такихъ стѣсненій нѣтъ или гдѣ ихъ мало, т. е. гораздо менѣе, нежели, на примѣръ, во Франціи, тамъ трудъ еще производительнѣе, и не только насущный хлѣбъ добывается легче, но и вся жизнь cadaго гражданина правильнѣе,

отраднѣе и производительнѣе, нежели въ этой странѣ. Доказательствомъ тому могутъ служить, между прочимъ, Сѣверо-американскіе Штаты. Не образъ ихъ правленія, которымъ по справедливости недовольны въ нихъ многіе, не естественныя богатства страны, которая и въ этомъ отношеніи не счастливѣе, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ европейскихъ странъ, а свобода труда — вотъ главная причина возвышенія и благосостоянія этого государства, и какъ всѣмъ извѣстно, если что болѣе всего угрожаетъ опасностью этимъ Штатамъ, какъ государству, такъ это именно рабство негровъ, т. е. ограниченіе свободнаго труда въ нѣкоторыхъ изъ этихъ Штатовъ.

Столь-же производительной «можетъ», а по сущности вещей и «должна» быть дѣятельность каждаго правительства, вѣрнаго высокому назначенію своему. Добровольно и разумно подчиняясь въ ней непреложнымъ политико-экономическимъ законамъ и оказывая ея необходимыя и важныя *услуги* своимъ подданнымъ, оно, конечно, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ полное, неотъемлемое право и на полученіе отъ нихъ полнаго *вознагражденія* за такія услуги, тѣмъ болѣе необходимаго и настоятельнаго, что безъ такого вознагражденія оно, какъ все въ мірѣ, какъ всякое въ немъ бытіе, не могло-бы существовать; а безъ правительства невозможно не только болѣе или менѣе значительное государство, но и ничтожная, микроскопическая община. Этимъ вполне объясняется и узаконивается право правительства на взиманіе податей. Ясно, что здѣсь разсматривается это право съ точки зрѣнія политико-экономической, а не юридической; но всякое право, основанное на непреложныхъ политико-экономическихъ за-

конахъ, такъ безусловно, что никоимъ образомъ не можетъ быть опровергнуто: политико-экономическіе законы — «естественные, непреложные законы», предначертанные «Провидѣніемъ»!

Признавая такимъ-образомъ законность и непреложность того основанія, которое даетъ правительству право требовать податей отъ подданныхъ, а подданныхъ обязываетъ исполнять такое требованіе, мы должны всѣ сужденія свои о финансовыхъ и фискальныхъ мѣрахъ (о налогахъ, повинностяхъ, податяхъ) основывать на тѣхъ-же политико-экономическихъ законахъ, которыми обуславливается и опредѣляется сущность и законность фискальныхъ мѣръ, и признавать только тѣ изъ такихъ мѣръ рациональными, которыя оправдываются этими законами. Всѣ другія мѣры мы должны отвергать, какъ «неестественныя и противозаконныя.» Дѣйствуя иначе, мы будемъ постоянно впадать въ ошибки, — сужденія наши о финансовыхъ и фискальныхъ мѣрахъ не будутъ имѣть прочнаго основанія, и теорія финансовъ никогда не пріобрѣтетъ значенія науки основательной и вполне заслуживающей изученія. Потому-то именно теорія налоговъ и несостоятельна до-сихъ-поръ, что не имѣла *такого критеріума* для оцѣнки фискальныхъ мѣръ; а каждый здравомыслящій человѣкъ согласится, что «потребности» государства, «болѣе или менѣе дѣйствительныя или воображаемыя», не могутъ быть такимъ критеріумомъ. Тѣ противорѣчія въ сужденіяхъ о разныхъ фискальныхъ мѣрахъ, которыя мы встрѣчаемъ чуть-ли не на каждой страницѣ сочиненій и такихъ писателей, какъ, напримѣръ, графъ Канкринъ, вполне объясняются отсутствіемъ подобнаго критеріума. «Финансы суть постоянное и большое зло (*Uebel*)», утвер-

ждалъ, между прочемъ, бывший русскій министръ финансовъ: (*) «зло не потому, что они необходимы, а «по причинѣ ихъ *естественнаго* несовершенства, и «потому, что почти на каждомъ шагѣ стѣсняють они «свободное движеніе общества.» Судя по этимъ словамъ, ясно, что финансовая теорія графа Канкринна очень походитъ на юридическую теорію Бентама, утверждавшаго, что «законъ есть зло.» (**). Умный министръ, подобно не менѣе его умному юристу, принималъ частное за общее, временной, случайный признакъ за существенный, фактъ за правило, или законъ; потому-то и высказалъ онъ мнѣніе, изъ котораго безъ всякихъ натяжекъ выводится другое, съ которымъ однако-же, онъ, какъ умный человѣкъ, никогда-бы не согласился, конечно, а именно мнѣніе, что *такъ какъ финансы — зло, то слѣдуетъ стараться, чтобъ государство не имѣло финансовъ, а также и министровъ финансовъ.* Нѣтъ, не финансы зло, а зло — дурная, нераціональная финансовая администрація, точно такъ же, какъ не законъ зло, а зло тотъ изъ положительныхъ законовъ, который противорѣчитъ правдѣ, оскорбляетъ, *не* выражаетъ, а отрицаетъ ее. Если финансовыя и, особенно, фискальныя мѣры стѣсняють общество или, по-крайней-мѣрѣ, не вознаграждаютъ его вполне за причиняемыя ими стѣсненія, и если онѣ приносятъ не пользу, а вредъ, то онѣ нераціональны, пагубны, — зло; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ и рациональныя мѣры были вредны. Напротивъ, каждая рациональная мѣра полезна, точно такъ-же, какъ не-

(*) Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften, стр. 216.

(**) Traité de Legislation, t. I, Introduction.

раціональная вредна, и можно смѣло утверждать, что каждая *истинно*, а не *видимо* только, полезная мѣра — рациональна, а вредная — нераціональна. Считать правильную финансовую администрацію вообще или какую-либо истинно-полезную рациональную финансовую или фискальную мѣру зломъ, значитъ, не вполне сознавать политико-экономическіе и другіе законы, лежащіе въ основѣ обществъ. Кто-же, кромѣ невѣжды, можетъ считать вреднымъ для капиталовъ (въ обширномъ значеніи этого слова) преміи въ пользу страховыхъ обществъ, добросовѣстно-исполняющихъ свое назначеніе и свои обязательства? Неужели потому, что я долженъ платить извѣстный, болѣе или менѣе незначительный процентъ съ капитала, который застраховываю, такія общества вредны какъ для меня, такъ и для другихъ лицъ, застраховывающихъ свои капиталы? Неужели, платя такой процентъ обществу, я лишаясь части своего капитала или дохода съ него, равняющейся этому проценту? По-видимому, это такъ; но въ дѣйствительности совершенно иное. Правда, я расходую, трачу этотъ процентъ, но зато обезпечиваю свой приходъ: благодаря такому расходу, мой деревянный домъ прочнѣе и цѣннѣе незастрахованнаго каменнаго. Гдѣ-же тутъ убытокъ, зло? Или каждый расходъ есть зло и убытокъ? Но въ такомъ случаѣ нужно признать зломъ и то, что человѣкъ долженъ ѣсть, пить, трудиться, мыслить, жить! Отсюда, послѣдовательно, недалеко и до убѣжденія, что надо пересоздать міръ и поручить это дѣло въ юридическомъ отношеніи Бентаму и его послѣдователямъ, а въ другихъ отношеніяхъ — другимъ лицамъ, не забывая, разумѣется, ни социалистовъ, ни коммунистовъ, которые охотно возьмутся

за такое *легкое* для нихъ дѣло. Истинно-государственныхъ людей не стоитъ и тревожить: они непременно откажутся отъ такого дѣла, потому-что не увлекаются фантазіями, не берутся не за свое дѣло, уважаютъ законы природы. — Вотъ до чего доводитъ людей непризнаніе естественныхъ законовъ, прирожденныхъ міру и человѣчеству! Можетъ ли быть, чтобъ Провидѣніе, которое создало вселенную и управляетъ ею по неизмѣннымъ и непреложнымъ законамъ, служащимъ выраженіемъ непреложной и неподкупной *правды*, ставило въ обязанность человѣку *сознательно творить необходимое зло*? Конечно, этого быть не можетъ, и если люди творятъ зло, и притомъ чуть ли не на каждомъ шагу, то это только потому, что *не видятъ, что творятъ*. Правда не допускаетъ сознательнаго совершенія зла, и одно изъ лучшихъ доказательствъ, что она не пустое слово, такъ это именно то, что человѣкъ, «*вполнѣ сознающій*» зло и добро, *не въ состояніи* творить перваго изъ нихъ и, подобно Иисусу Христу, скорѣе погибнетъ на крестѣ, нежели рѣшится избавить себя отъ какой-бы то ни было мѣрки какимъ-либо потворствомъ злу и неправдѣ.... Да кромѣ того, вотъ что внушаютъ намъ здравый смыслъ и логика: мы должны допустить одно изъ двухъ, а именно: или есть правда, или нѣтъ ея. Если нѣтъ, то, конечно, люди имѣютъ право творить зло сознательно, въ-особенности если оно необходимо, неизбѣжно, даже полезно; но въ такомъ случаѣ, оно уже не зло, а благо. Если же правда не только слово, но и основное начало нашей человѣческой природы и мірозданія вообще, начало, долженствующее освѣщать и освящать все наши дѣйствія, всю нашу жизнь; то ясно, что признавая ея бытіе и сознавая его, мы не можемъ въ тоже

время допускать, чтобъ люди имѣли право и даже возможность сознательно творить зло, какъ естественную необходимость. Вникая въ устройство міра вообще, мы и не видимъ такой необходимости ея. Такой необходимости нѣтъ, а бываетъ только, — и слишкомъ часто, къ несчастію, — необходимость искусственная, придумываемая и создаваемая людьми вообще и тѣми изъ нихъ въ-особенности, которые, не сознавая ни своихъ личныхъ, ни общихъ интересовъ, видятъ мудрость человѣческую не въ сознаніи и исполненіи непреложныхъ, предначертанныхъ Провидѣніемъ, законовъ, а въ умѣннн разными искусственными способами управлять людьми, во имя превратно-понимаемыхъ частныхъ интересовъ. Если-же зло, — что мы и видимъ довольно часто въ дѣйствительности, — и ведетъ подь-часъ къ добру, такъ это дѣлается не иначе, какъ путемъ отрицательнымъ, когда зло разрастается до того, что или уничтожаетъ само себя или всемъ бросается въ глаза, и когда волей-неволей мы, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ, приходимъ къ убѣжденію, что нѣтъ проку для насъ въ томъ или другомъ злѣ, и что ведетъ оно только ко злу. Да и не можетъ быть иначе, потому что идеи истины, добра и прекраснаго прирождены намъ, и имъ-то, этимъ идеямъ, этимъ основнымъ началамъ нашей умственной и нравственной жизни, обязаны мы тѣмъ, что рано или поздно, но во всякомъ случаѣ доходимъ-же наконецъ, — и притомъ не только отрицательнымъ, но и положительнымъ путемъ, — до разумѣнія вѣчныхъ законовъ, управляющихъ міромъ. Страданія и бѣдствія, которымъ подвергается ежеминутно человѣчество вообще и каждый человѣкъ въ отдѣльности, — обстоятельства, въ-слѣдствіе которыхъ

жизнь есть тягостное бремя для многого множества людей, нравственная и физическая несостоятельность многихъ правительствъ, — словомъ, все зло въ мірѣ происходитъ преимущественно отъ того, что до сихъ поръ наибольшая часть людей не только не сознаетъ вѣчныхъ и непреложныхъ законовъ, но и не подозреваетъ ихъ существованія, и потому, естественно, замѣняетъ ихъ другими, придумываемыми — хотя иногда и очень остроумно, но тѣмъ не менѣе всегда неразумно. Законъ долженъ быть выраженіемъ только правды и, какъ выраженіе ея, вести только къ добру. Таковы всѣ естественные и «хорошіе» положительные законы. Иначе и быть не можетъ, и еслибъ законъ, выражающій правду, влекъ за собою зло, то этимъ бы онъ отрицалъ, а не выражалъ ея. Ничего подобнаго нигдѣ нѣтъ и никогда не было, и влекутъ за собою зло только дурные, нераціональные положительные законы. Вотъ почему, еслибъ былъ какой-либо механизмъ, посредствомъ котораго можно было-бы измѣрять количество добра и зла, причиняемое какимъ-либо положительнымъ закономъ, то такой механизмъ служилъ-бы въ тоже время и мѣриломъ для опредѣленія степени правды, выражаемой этимъ закономъ: количество добра, доставляемое имъ, было-бы въ такомъ случаѣ даннымъ для опредѣленія, въ какой степени служить этотъ законъ выраженіемъ правды. Но не нужно никакихъ механизмовъ для уразумѣнія уже не разъ высказанной и доказанной величайшими мыслителями истины, что повсюду и всегда единственно-вѣрный и полезный путь — это путь правды. Доказать эту истину можетъ каждая изъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ; опровергнуть ее не можетъ ни одна изъ нихъ. Опроверженіемъ ея, впрочемъ, никто и не

занимается, кромѣ софистовъ, дипломатовъ и вообще непризванныхъ политическихъ дѣятелей. Исторія на каждомъ шагу подтверждаетъ эту истину. Вообще, правда и добро, или истинная польза, идутъ «всегда» рука объ руку.

Такимъ образомъ, всматриваясь и въ результаты разныхъ финансовыхъ и фискальныхъ мѣръ, мы приходимъ къ убѣжденію, что если наибольшая часть этихъ мѣръ влечетъ за собою зло, такъ это потому именно, что онѣ несогласны съ истинной цѣлью и сущностью финансовой администраціи, а не потому, чтобъ эта послѣдняя, какъ бы хороша и раціональна ни была она, вела, по необходимости, ко злу и была зломъ. *Раціональные финансы — суть раціональное, законное, а потому благое и необходимое средство для достиженія и осуществленія истинной цѣли государства.* Возставать противъ сущности финансовъ или, что то-же, считать ихъ неизбѣжнымъ зломъ, можно, логически, не иначе, какъ возставая въ то-же время и противъ сущности государственной жизни, потому что государство и финансы его такъ-же тѣсно связаны между собою, какъ чело-вѣкъ и его насущный хлѣбъ.

И не трудно доказать, что *финансы*, вопреки мнѣнію графа Канкринна и другихъ, не только не неизбѣжное зло, а даже благо или, по-крайней-мѣрѣ, *благое и честное* средство для достиженія *благой и честной* цѣли — цѣли государства, не смотря на то, что они рождаются не сами собой, а состояются изъ бѣльшей или мѣньшей доли имущества и доходовъ гражданъ, и что такимъ образомъ уменьшаютъ, *повидимому*, количество ихъ достоянія и дохода. Во-первыхъ, финансы — средства для достиженія цѣли государства, и законныя средства не

только потому, что цѣль законна, но и потому, что при рациональной финансовой администраціи они столь-же благотворно дѣйствуютъ на общество вообще и его капиталы; какъ все то, что добывается членами его честнымъ и полезнымъ трудомъ, честнымъ и полезнымъ обмѣномъ услугъ на услуги. Во-вторыхъ, финансы — одно изъ тѣхъ звеньевъ, которыя тѣснѣе и прочнѣе многихъ другихъ соединяють правительства съ ихъ подданными; болѣе другихъ отношеній между ними побуждаютъ каждое правительство заботиться о благосостояніи народа, какъ основѣ и источникѣ всѣхъ правительственныхъ силъ; а гражданамъ вообще они представляютъ и сильнѣйшій поводъ, и лучшее средство къ оцѣнкѣ администраціи. Въ-третьихъ, внося въ общую государственную казну долю своего имущества или дохода, гражданинъ рано или поздно сознаетъ, что *не даромъ* пользуется онъ тѣми благами, которыя доставляетъ государство ему и его согражданамъ; отсюда не далеко для него и до сознанія, что, во-первыхъ, государственная жизнь полезна и необходима, а во-вторыхъ, что какъ бы мала ни была лепта его въ государственной казнѣ, тѣмъ не менѣе и онъ членъ государства, а потому долженъ имѣть въ немъ и въ отношеніи къ нему и обязанности, и права. А нужно-ли доказывать «мыслящимъ» людямъ, какъ благодѣтельно подобное сознаніе? Не говоря уже о томъ, что при рациональной администраціи вообще и финансовой части ея въ-особенности, крайне-дешево, почти даромъ, должны доставаться каждому члену государства тѣ блага, для достиженія которыхъ финансы служатъ необходимымъ и законнымъ средствомъ, одно уже подобное понятіе челоука о своемъ гражданскомъ достоинствѣ, какъ бы поздно ни пробудилось и проявилось

оно, не стоить ли того, чтобъ онъ вносилъ свою лепту въ государственную казну, — въ-особенности, когда эта управляется рационально и вѣрна высокому назначенію своему? Замѣтимъ кстати, что одинъ изъ существенныхъ признаковъ рациональной финансовой администраціи состоитъ въ томъ, чтобъ «каждый вѣдалъ и зналъ» не только то, сколько именно, прямо или косвенно, вноситъ онъ въ казну, но и *на что* и *за что*.

Словомъ, финансы, какъ потребность, подчиняются общимъ законамъ потребностей вообще. Если, съ одной стороны, налоги и подати и ограничиваютъ удовлетвореніе разныхъ потребностей, то, съ другой стороны, служатъ они и побужденіемъ къ полезному и благотворному труду, физическому и умственному; но не потому, какъ утверждали Канаръ и другіе, чтобъ употребленіе налоговъ правительствомъ увеличивало доходъ подданныхъ, — нѣтъ, такое употребленіе увеличиваетъ только трудъ ихъ; а потому, что налоги и подати — средства къ обезпеченію труда, имущества и вообще жизни и правъ гражданъ, которые тѣмъ болѣе и охотнѣе трудятся, чѣмъ болѣе обезпечены труды, достояніе и вообще жизнь ихъ. Само собой разумѣется, что намъ и въ голову не можетъ прійти — оправдывать ненужные и вредные налоги и подати, ограничивающіе нераціональными способами удовлетвореніе разныхъ потребностей и стѣсняющіе трудъ гражданъ. Не стѣсненія, а *необходимыя потребности* ведутъ къ добру — и только къ добру, когда онъ пробуждается и удовлетворяется не искусственнымъ, а естественнымъ, рациональнымъ образомъ.

Но этимъ не ограничиваются еще польза и блага, доставляемая всѣмъ членамъ государства законною фи-

нансовой администраціей. Не говоря ужé о безусловной, безотносительной пользѣ, которую можно ожидать отъ рациональнаго государственнаго хозяйства вообще, финансовая администрація приноситъ ; между прочимъ, ужé и ту пользу, что лучше всякаго другаго рода контроля можетъ доставлять данныя для повѣрки администраціи вообще и состоянія государства. Финансовыя цифры лучше всякихъ другихъ, собираемыхъ статистикой, объясняютъ степень благосостоянія народа и разныхъ явленій въ государствѣ. Если справедливо, что чѣмъ хуже или лучше администрація вообще, тѣмъ меньше или болѣе нравственности въ государствѣ, тѣмъ несчастнѣе или счастливѣе народъ; то не менѣе справедливо и то, — въ-особенности въ наше время, — что чѣмъ лучше или хуже финансовая администрація, тѣмъ лучше или хуже — рѣшительно все и всѣмъ въ государствѣ.

Нѣтъ, не финансы — зло, а дурная финансовая администрація, парализирующая благосостояніе народа и дѣятельность его правительства. Не то дурно, что народъ долженъ платить подати, а дурно то, что народы очень часто платятъ 150, изъ которыхъ правительства получаютъ только тридцать, остальные же 120 расходятся по вѣчно-грязнымъ во всѣхъ отношеніяхъ рукамъ такихъ людей, которые ежеминутно повторяютъ, что «рука руку моетъ, обѣ бѣлы хотятъ быть...» Дурно и пагубно какъ для государства, такъ и для всего человѣчества то, что очень часто казна, хотя и получаетъ всѣ подати сполна; но, въ ущербъ себѣ, народу и человѣчеству, собираетъ несравненно менѣе того, сколько могла бы получать, еслибъ не было ни тягостныхъ монополій и откуповъ, ни феодальныхъ таможенныхъ и заставныхъ сборовъ, ни тому подобныхъ ан-

тифискальных, антисоціальныхъ и административно-революціонныхъ мѣръ.

Съ какой стороны ни разсматривать финансы, нельзя не прійти къ убѣжденію, что они, по сущности своей, законны, необходимы и полезны; но для того, чтобъ они соотвѣтствовали назначенію своему, были благомъ, а не зломъ, въ основѣ всѣхъ финансовыхъ и фискальных мѣръ должны лежать политико-экономическіе законы, а не какое-либо мудрствованіе, не какой-либо произволъ.

Продолжая свои наблюденія надъ финансами и вникая все болѣе и болѣе въ сущность ихъ, мы непремѣнно приходимъ и къ убѣжденію, что правила, которыми опредѣляются фискальныя мѣры, должны удовлетворять всѣмъ требованіямъ правды и справедливости, должны быть выраженіемъ этихъ требованій, — словомъ, быть *законами* и имѣть всѣ достоинства *хорошихъ* положительныхъ законовъ. Само-собою разумѣется, что они должны имѣть и всю нравственно-обязательную силу нравственныхъ, естественныхъ законовъ.

Само-собою разумѣется также, что финансовыя и фискальныя правила должны имѣть значеніе и силу законовъ не по одному только содержанию своему. Осуществляемая въ государствѣ и получая въ немъ значеніе и силу положительныхъ законовъ, эти правила и по формѣ своей — *законы*, — и должны быть ими, чтобъ имѣть не только внутреннюю, нравственную, но и внѣшнюю, т. е. юридическую силу. Чтобъ имѣть такую силу, они должны быть выраженіемъ и проявленіемъ воли не нѣсколькихъ частныхъ лицъ, а верховной государственной власти.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что *каждое*

финансовое и фискальное правило должно быть какъ по формѣ, такъ и по содержанію своему не только «положительнымъ», но и внутреннимъ, естественнымъ, рациональнымъ закономъ.

Такое родство финансовыхъ мѣръ и правилъ со всѣми другими юридическими правилами и законоположеніями, составляющими предметъ какъ естественнаго, такъ и положительнаго права вообще, можетъ казаться страннымъ и удивлять только поверхностнаго наблюдателя общественной, государственной жизни; но, безъ сомнѣнія, нисколько не поразитъ человѣка, свѣдущаго въ юридическихъ и политическихъ наукахъ. Родство идей политико-экономическихъ и юридическихъ (прибавимъ къ слову: и всѣхъ другихъ истинныхъ, а потому и Евангельскихъ) не смутитъ того, кто постигаетъ сущность идей истины, добра и прекраснаго, и сознаетъ, что *правда*, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась, повсюду и всегда вѣрна себѣ, и что политико-экономическая правда никогда не только не противорѣчитъ юридической или какой-либо другой, но, напротивъ, подтверждаетъ ее и подтверждается ею. Да и какъ удивляться тому, что *рациональный порядокъ* въ одной сферѣ жизни и дѣятельности разумныхъ существъ не только не мѣшаетъ, а содѣйствуетъ еще такому-же порядку въ другой, если сферы эти тѣсно связаны между собою? А которая-же изъ сферъ общественной жизни не составляетъ звена, соединяющаго ихъ всѣ въ одно неразрывное, органическое цѣлое? Всѣ элементы, начѣла и условія общественной жизни столь-же тѣсно связаны между собой, какъ члены, органы, cadaго живаго существа, и всѣ роды дѣятельности человѣка въ общественной жизни столько же зависятъ одни отъ другихъ, какъ

и роды жизни и дѣятельности cadaго изъ насъ, если только не болѣе. Вотъ почему тамъ, гдѣ нѣтъ правосудія или гдѣ оно сопряжено съ непомѣрными расходами и ненужными неприятностями, тамъ нѣтъ и не можетъ быть ни правильнаго народнаго хозяйства, ни рациональной финансовой администраціи, потому-что какъ для перваго, такъ и для второй необходимо, чтобъ всѣ права гражданъ были вполне обеспечены и законами, и судопроизводствомъ. Что такое, на примѣръ, кредитъ тамъ, гдѣ нѣтъ довѣрія къ суду?... Вотъ почему также нѣтъ государства, въ которомъ бы нѣкоторыя или только одна часть администраціи была неправильна, а другія въ то-же время были правильны, рациональны: если хоть только одна нераціональна, такъ нераціональны и всѣ, и далеко не вполне достигаютъ цѣли своей. вмѣстѣ съ этимъ и устройство одной части ведетъ само-собой къ улучшеніямъ и въ другихъ. Это ужé и потому, что каждая изъ нихъ, въ общемъ государственномъ механизмѣ, повѣряетъ другія и повѣряется ими. Вся разница тутъ только въ степени вліянія. Такимъ образомъ въ государствахъ, гдѣ вся администрація неправильна, стóитъ только хорошо устроить судебную часть, чтобъ въ скоромъ времени вполне опредѣлить и оцѣнить неправильность другихъ частей администраціи, и одно уже правильное устройство судебной части поведетъ, между прочимъ, и къ обогащенію государственной казны безъ усиленія податей и безъ перемѣнъ къ лучшему въ финансовой администраціи. Преобразование къ лучшему и этой послѣдней должно имѣть благотворное вліяніе и на все государство, и на всѣ части его администраціи. Но какъ бы то ни было, а правосудіе, при всѣхъ обстоятельствахъ, самое высшее и лучшее изъ государ-

ственныхъ началъ. Вотъ почему въ странѣ, гдѣ вся администрація болѣе или менѣе плоха, истинно-государственный человѣкъ, вступивъ въ управление ея финансами, непременно начинаетъ преобразованія свои съ судебной части или, по-крайней-мѣрѣ, съ усиленнаго содѣйствія этому дѣлу, какъ условію, основанію, безъ котораго и самая лучшая финансовая администрація далеко не во всемъ отличается отъ самой худшей.

Къ сожалѣнію, ни теорія, ни практика не обращала до сихъ поръ должнаго вниманія на то, что каждая фискальная мѣра, какъ по формѣ своей, такъ и по содержанию своему, должна быть не только положительнымъ, но и нравственнымъ закономъ, и что юридическая сила ея должна быть основана не на произволѣ, а на законной, въ полномъ смыслѣ этого слова, волѣ, какъ и всякій *хорошій* положительный законъ. Въ значительной части и самыхъ образованнѣйшихъ государствъ фискальныя правила и мѣры не только имѣютъ всевозможную юридическую силу, но и превышаютъ въ этомъ отношеніи всѣ другія постановленія верховной власти; а между тѣмъ чуть ли не всегда ниже ихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и очень часто не только не удовлетворяютъ требованіямъ правды и справедливости, но и прямо противорѣчатъ имъ. По всему видно, что администрація въ такихъ странахъ несравненно болѣе дорожитъ мнимыми доходами государственной казны, нежели не только нравственностью и благомъ гражданъ, но и достоинствомъ правительства. Не удивительно, что въ этихъ странахъ быстро развиваются и распространяются ложныя ученія, враждебныя и правильному народному хозяйству, и всѣмъ существующимъ правительствамъ. Еще разъ повторяемъ, что правъ Шатобрианъ:

On ne nie pas impunément son principe! Какъ законами, такъ и мѣрами вообще, которымъ придаютъ силу и значеніе законовъ, шутить не должно и безнаказанно нельзя. У каждаго, даже у самаго неразвитаго человѣка, умъ котораго еще не зараженъ окончательно разными превратными идеями, есть на столько здраваго смысла, чтобъ понимать, что законъ и правда, или извѣстное требованіе ея, должны быть синонимами: вотъ почему тамъ, гдѣ законы не оправдываютъ своего назначенія, тамъ ложныя антисоціальныя ученія распространяются легко и быстро, не смотря ни на какія полицейскія и политическія мѣры противъ нихъ. Проповѣдники такихъ ученій находятъ даже поддержку себѣ въ законодательствѣ и администраціи страны: имъ легко доказывать неразвитымъ умамъ, что если при существующемъ порядкѣ вещей возможны дурныя законы и мѣры, то весь порядокъ, весь строй общества не хорошъ, и дурно все то, что волей или неволей уживается съ нимъ. Современныя намъ Франція и Австрія, напр., служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Придавать какимъ-бы-то ни-было правиламъ и мѣрамъ всевозможную обязательную силу еще не значитъ обезпечивать за ними достоинство, котораго они не имѣютъ. Законъ вполне исполнимъ и приноситъ дѣйствительную пользу не тогда, когда одна только физическая сила поддерживаетъ его, а когда онъ дѣйствительно хорошъ. Хорошимъ-же закономъ должно считать только такой, исполненіе котораго обезпечивается не однимъ внѣшнимъ, но и внутреннимъ достоинствомъ его, а это бываетъ только тогда, когда онъ служитъ выраженіемъ правды. Такъ и финансовыя и фискальныя правила и мѣры, какую-бы денежную пользу ни при-

носили онѣ казнѣ и какъ-бы быстро и точно ни приводились въ исполненіе, не могутъ быть причислены къ хорошимъ законамъ и мѣрамъ, если производятъ дурное вліяніе на народное благосостояніе и не находятъ поддержки себѣ ни въ правдѣ, ни въ здоровомъ смыслѣ народа. Приписывая всѣмъ вообще фискальнымъ мѣрамъ и правиламъ всю силу положительныхъ законовъ, но въ тоже время забывая, что они, эти правила и мѣры, должны быть законами въ полномъ значеніи этого слова, т. е. имѣть не только юридически-обязательную силу, но и всѣ другія свойства и качества истинно-хорошихъ положительныхъ законовъ, — теорія и практика, забывая это, оказываются на каждомъ шагу несостоятельными и впадаютъ въ ошибки, возможные только тамъ, гдѣ основа всему шатка и непрочна. Такимъ-образомъ какъ та, такъ и другая, одна въ своихъ положеніяхъ, другая въ образѣ своихъ дѣйствій, находятся въ полной зависимости отъ «обстоятельствъ», — понятія и слова, которыми, какъ всѣмъ извѣстно, и трусъ оправдываетъ свою трусость, и лѣнтяй свою лѣнь, и воръ свое «художество», и каждый нечестный человѣкъ свои нечестные поступки, и, наконецъ, австрійское и ему подобныя правительства свою политику и администрацію. Такимъ-образомъ теорія финансовъ лишаетъ себя «единственно-непреложнаго критериума» для повѣрки и оцѣнки своихъ положеній и выводовъ, а финансовая практика, не находя въ этой теоріи точныхъ правилъ и законовъ для себя, менѣе довѣряетъ даже и основательнымъ теоретическимъ правиламъ, нежели рутиннымъ приемамъ, заслуживающимъ вниманія ея только своею сѣдою давностью да той мудростью — тонкою, хитрою мудростью! — ко-

торая, хотя и не сознается въ томъ, но тѣмъ не менѣе неуклонно стѣдуетъ правилу: всѣ средства хороши для достиженія хорошей цѣли. Хорошими-же цѣлями она, какъ всѣмъ неглупымъ людямъ извѣстно, называетъ и темныя, очень темныя цѣли, которыя ничего такъ не боятся, какъ божьяго свѣта.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, современная *теорія налоговъ*, какъ не начертаніе нераціональныхъ способовъ облагать капиталы, доходы, трудъ и жизнь, разными податями, подъ предлогомъ доставленія средствъ государственной казнѣ? Оправдывать подобные нераціональные способы «собиранія казны» не то-же-ли, что доказывать настоятельность боли для здороваго существа или настоятельность противодѣйствія истиннымъ государственнымъ цѣлямъ для достиженія этихъ цѣлей? Неужели для того, чтобъ государство находилось въ цвѣтущемъ состояніи, необходимо уменьшать средства его къ достиженію такого состоянія или, что то-же, употреблять нераціональныя средства для достиженія рациональныхъ цѣлей? Конечно, наука не можетъ и не должна допускать ничего подобнаго, и рано или поздно должна рѣшить и доказать, что истинныя честныя цѣли не нуждаются ни въ какихъ другихъ, какъ только въ истинныхъ, честныхъ средствахъ, и что единственно только такими средствами возможно достиженіе истинныхъ цѣлей. А что почти всѣ подати и вообще фискальныя мѣры, предлагаемыя и болѣе или менѣе оправдываемыя теоріей налоговъ, дѣйствительно нераціональны; то, не говоря уже о вредномъ вліяніи ихъ на народное благосостояніе, однѣ «всевозможныя стѣсненія и трудности», съ которыми какъ для народа, такъ «и для правительства» сопряжено взиманіе ихъ, служатъ не-

сомнѣннымъ тому доказательствомъ. То, что истинно, то всегда просто и не нуждается въ сложной организаціи, потому-что приходитъ и развивается само-собой, съ устраненіемъ препятствій, поставляемыхъ ложью и неправдой на пути его. Если-бъ было не такъ, то и сама истина нуждалась-бы въ организаціи и регламентаціи; но организовать и регламентировать ее не возьмется ни одинъ истинно-государственный человекъ, а развѣ иной, хотя и очень важный, но очень недалкій по своимъ политико-административнымъ способностямъ государственный сановникъ, да еще какой-либо теоретикъ, окончательно выжившій изъ ума.

Нераціональность подобныхъ фискальныхъ мѣръ, а также несостоятельность въ этомъ отношеніи теоріи финансовъ вообще и теоріи налоговъ въ-особенности, доказывается, кромѣ того, и самыми вопросами, которые задаетъ себѣ на каждомъ шагѣ теорія, при разборѣ дѣйствительности этихъ мѣръ и вліянія ихъ на капиталы, трудъ, промышленность и вообще народное хозяйство. Всѣ эти вопросы, какъ извѣстно, можно соединить въ одинъ, а именно: *«на кого» падаетъ тотъ или другой налогъ, на потребителя или производителя, купца или покупателя, домовладѣльца или жильца и т. п?* — При мысли объ этомъ намъ невольно приходитъ въ голову слѣдующій любопытный фактъ изъ исторіи науки Римскаго права. Юристы и филологи прежняго времени дѣлили исторію Римскаго права на столько-же періодовъ, какъ и политическую исторію Рима, такъ-что періоды первой совпадали съ періодами второй. Такъ было до того времени, когда въ концѣ прошлаго столѣтія знаменитый Гуго (*Hugo*, авторъ, между прочимъ, извѣстнаго учебника: *Lehrbuch der Geschichte*

des Römischen Rechts) началъ доказывать, что періоды исторіи права не должны совпадать съ періодами политической исторіи, потому-что исторія права — одно, а политическая исторія — другое. «Справедливо!» рѣшили тогдашніе юристы, — «справедливо!» утверждаютъ за ними, — если только не ошибаемся, чуть-ли не всѣ, — и нынѣшніе юристы. «Да, исторія права — одно, а политическая исторія — другое. Ясно, какъ день, какъ дважды-два — четыре!» Но неужели, спросимъ мы ихъ, не одинъ и тотъ-же *духъ* народа, не одни и тѣ-же условія и начала народной жизни участвуютъ въ построеніи какъ политической исторіи, такъ и исторіи законодательства одного и того-же народа? Не у всѣхъ ли народовъ и не всегда ли *всѣ* элементы общественной ихъ жизни развиваются болѣе или менѣе параллельно и одновременно? Еслибъ было иначе, для чего-же доказывать, — что, по нашему мнѣнію, весьма основательно и дѣлаютъ нѣкоторые современные ученые юристы, — необходимость знанія исторіи законодательства народовъ, для уразумѣнія ихъ политической исторіи и жизни вообще? Чѣмъ же объяснить подобное невниманіе юристовъ къ такому общему закону развитія народовъ и человечества вообще, который имъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень хорошо извѣстенъ? Только тѣмъ, намъ кажется, что въ этомъ вопросѣ они придаютъ слишкомъ много значенія *внѣшнимъ* признакамъ, *внѣшней* исторіи законодательства, и потому, по-необходимости, недостаточно вникаютъ въ признаки *существенные*, въ сущность и духъ законодательства.

То-же самое постоянно повторяется и съ авторами сочиненій о налогахъ. Придавая излишнее значеніе доходамъ государственной казны или, точнѣе, смотря на

нихъ съ односторонней фискальной точки зрѣнія, они, по-необходимости, односторонне смотрятъ и на всѣ способы собиранія казны, и на вліяніе налоговъ на народное хозяйство. Ставя государственные доходы на одну доску, въ большей или меньшей степени, съ тѣми фортелями, о которыхъ говоритъ г. Ламанскій въ вышеупомянутой статьѣ о баронѣ Брукѣ, эти ученые и публицисты, при разсмотрѣніи фискальныхъ мѣръ, по-необходимости должны впадать въ странныя противорѣчія и задавать себѣ вышеупомянутые и имъ подобные вопросы. А что эти вопросы не подвигаютъ дѣла впередъ, и что рѣшеніе ихъ въ духѣ современной теоріи финансовъ ни къ чему путному не ведетъ, такъ это доказывается тѣмъ, что на всѣ подобные вопросы возможенъ одинъ только отвѣтъ, а именно, что *всякій налогъ прямо или косвенно падаетъ на «всѣхъ и все» въ государствѣ, а въ томъ числѣ и на государственную казну, если даже смотреть на нее и съ односторонней точки зрѣнія современной теоріи финансовъ.* Съ этимъ согласится, конечно, каждый, кто вполнѣ понимаетъ истинныя положенія политической экономіи о трудѣ, капиталѣ и законѣ совмѣстничества.

Вмѣсто того, чтобъ ставить эти и имъ подобные вопросы, — при обзислѣдованіи вліянія разнаго рода налоговъ, податей и вообще фискальныхъ мѣръ на народное хозяйство, — и рѣшать ихъ болѣе или менѣе неудовлетворительнымъ образомъ, *смотря по обстоятельствамъ*, слѣдовало-бы теоріи финансовъ принять вышеприведенное рѣшеніе этихъ вопросовъ въ основу теоріи налоговъ, какъ аксіому или, по-крайней-мѣрѣ, лемму, т. е. какъ положеніе, уже доказанное другою наукою. *Въ теоріи финансовъ не должно дѣлать и*

шагу безъ содѣйствія политической экономіи и не опираясь на ея положенія и выводы. Не правъ Шёнъ (*), утверждая, что участіе политической экономіи въ теоріи финансовъ должно ограничиваться одними правилами и совѣтами о сбереженіи народнаго капитала: потому-то именно, что писатели по этой части слишкомъ ужъ слѣдуютъ совѣту и наставленію Шёна и отстала такъ теорія финансовъ отъ политической экономіи, и отъ вѣка вообще. А что она дѣйствительно отстала отъ вѣка, такъ представимъ еще нѣсколько доказательствъ тому, для тѣхъ преимущественно, которые, не смотря на все вышеизложенное и сказанное, еще сомнѣваются, можетъ-быть, въ этомъ.

Достойно-ли основательной науки положеніе, напримеръ, что *общій подоходный налогъ «быль-бы» самымъ правильнымъ, лучшимъ и рациональнымъ, если-бы былъ осуществимъ и возможенъ?* Не достаточно-ли и одного этого положенія, чтобъ не сомнѣваться въ шаткости и несостоятельности всей теоріи налоговъ, а также и всей теоріи финансовъ? Ничего подобнаго не представляетъ намъ ни одна изъ другихъ наукъ; по-крайней-мѣрѣ ни одна изъ нихъ не допускаетъ такого *теоретическаго* разлада между наукою и разумной жизнью. И политическая экономія, особенно со времени появленія историческаго метода въ ея разработкѣ, дѣлаетъ уступки дѣйствительности; но этими уступками не разрушаетъ своихъ положеній: объясняя историческую необходимость уступокъ, она, въ то-же время, не перестаетъ доказывать, что рано или поздно эти уступки сдѣлаются ненужными, и міръ со-

(*) Schön, Die Grundsätze der Finanz. 1832, стр. 10.

знаетъ законы производства, распредѣленія и потребности цѣнностей, составляющіе предметъ ея. И математикѣ, какъ всѣмъ другимъ наукамъ, люди односторонне-практическіе возражаютъ, что хотя и справедливо по теоріи, что дважды-два — четыре, но на практикѣ, при умноженіи 2-хъ на 2, всегда получается или нѣсколько болѣе, или нѣсколько менѣе четырехъ, не рѣдко и 3 или 5, а иногда такъ и 2 или 6. «Знаемъ это, «отвѣчаютъ имъ математика и другія науки; но знаемъ также и то, что если вы, господа *практическіе* люди, «умножая 2 на 2, получаете 3 или 5, даже 2 или 6, «такъ это только потому, что 1, 1½, 2½ и 3 вы принимаете сплошь и рядомъ за 2, а не по какой-либо «другой причинѣ». Здравый смыслъ можетъ допустить только одно изъ двухъ слѣдующихъ положеній: или общій подоходный налогъ имѣетъ *прочное* теоретическое основаніе, а потому *есть* или по-крайней-мѣрѣ *будетъ* когда-либо возможность осуществить его въ дѣйствительности, или-же онъ только неосуществимая мечта, всегда останется такою мечтою, и въ такомъ случаѣ теорія должна доказать, что онъ не имѣетъ прочнаго теоретическаго основанія. Современная теорія финансовъ согласится охотнѣе съ первымъ изъ этихъ положеній, но не въ состояніи доказать его основательности, и вотъ почему. Доходъ, даже и чистый доходъ, никакъ *не можетъ* и *не долженъ* служить основаніемъ налогу; но это не только потому, что невозможно, какъ утверждаютъ сторонники общаго подоходнаго налога, приводить съ точностью въ извѣстность какъ источники дохода каждаго податнаго лица, такъ и получаемый имъ чистый доходъ; но и потому, что такой налогъ былъ-бы чуть-ли не вреднѣе, для народнаго

хозяйства, всѣхъ другихъ, даже откуповъ, потому-что это налогъ на *все*, даже на *трудъ*. Сторонники этого налога не обращаютъ достаточнаго вниманія на то, что такое чистый доходъ, изъ чего происходитъ и къ чему служить онъ въ народномъ хозяйствѣ. Облагать общео подоходною податью всѣхъ членовъ государства значитъ — не содѣйствовать, а *прямо противодѣйствовать* и безъ того еще не довольно развитому въ человечествѣ духу сбереженія; а каждый, понимающій и сознающій политико-экономическіе законы, знаетъ, что такое и какъ важно *сбереженіе* для народнаго хозяйства и общественнаго благосостоянія. Общій подоходный налогъ, что-бы ни говорили противъ этого сторонники его, не имѣетъ и теоретическаго прочнаго основанія. Доказательствомъ тому можетъ служить, между прочимъ, и то, что «полное» осуществленіе его не только сопряжено съ неодолимыми препятствіями и трудностями, но даже рѣшительно невозможно. И въ этомъ отношеніи видна заботливость и мудрость Провидѣнія, предназначавшаго непреложные законы для міра: оно надѣлило насъ умомъ и разумной волей, предоставило намъ свободу хорошо и дурно пользоваться ими; но съ этимъ вмѣстѣ, въ предвидѣніи возможной для насъ степени заблужденія, оно тѣмъ болѣе поставило преградъ для нашихъ дѣйствій, чѣмъ вреднѣе эти для общаго блага. Преграды, съ которыми сопряжено введеніе общаго подоходнаго налога, составляютъ лучшее доказательство его неосуществимости и несостоятельности — даже и съ теоретической точки зрѣнія. Изъ того, что другіе существующіе налоги дурны, еще не слѣдуетъ, чтобъ общій подоходный налогъ былъ хорошъ. Въ этомъ отношеніи сторонники подоходной подати похо-

дять нѣсколько на Руссо и другихъ подобныхъ писателей, хоть и геніально-даровитыхъ, но тѣмъ не менѣе не слишкомъ-то способныхъ понимать жизнь и законы ея, — писателей, которые, видя, что люди впадаютъ въ какую-либо крайность, надѣются спасти ихъ какою-либо другою крайностью: цѣль хороша до святости, да средство-то куда какъ не хорошо! Что такое, въ самомъ дѣлѣ, декламации Руссо въ пользу жизни дикарей, какъ не протестъ противъ неразумнаго искусственнаго образа жизни его современниковъ? Понялъ онъ, что надо жить по законамъ природы, но не уразумѣлъ, не созналъ этихъ законовъ, — и впалъ въ крайность. Точно такъ-же сторонники подоходной подати понимаютъ, что наибольшая часть существующихъ налоговъ не хороша, неправомѣрна, нераціональна, — понимаютъ, что слѣдуетъ ихъ замѣнить болѣе или менѣе общимъ раціональнымъ налогомъ — и рассчитываютъ на подоходную подать, которая, однако, какъ они сами видятъ, и хороша, да неосуществима, мечта. Идея общаго налога вѣрна и основательна, но осуществима и осуществится она не подоходною податью.

Столь-же странно и слѣдующее положеніе современной теоріи финансовъ, а именно, что *шатко и не прочно теоретическое основаніе всѣхъ вообще налоговъ*. Положимъ, что это справедливо; но въ такомъ случаѣ почему же теорія допускаетъ и оправдываетъ ихъ? Механика, разсуждая о силѣ пара, объ опасностяхъ отъ взрыва котловъ, указываетъ въ тѣ же время и на средства къ устраненію такихъ опасностей; но никакъ не оправдываетъ настоятельности, совмѣстности и необходимости такихъ опасностей — выгодой употреблять менѣе цѣнные и менѣе прочные котлы и т. п. И что та-

кое теорія, или наука, если «всѣ» или «почти всѣ» положенія ея имѣютъ болѣе или менѣе шаткое *теоретическое* основаніе?

А что сказать о слѣдующихъ, между прочимъ, доводахъ теоріи въ пользу косвенныхъ налоговъ, — доводахъ, состоящихъ въ томъ, что, во-первыхъ, потребителю большею частію *не* извѣстно, какая часть платимыхъ имъ за товаръ денегъ поступаетъ въ казну; а во-вторыхъ, что эти подати легче другихъ для народа, потому что взносъ ихъ производится болѣе или менѣе мелкими, очень-часто едва замѣтными, частицами? Но неужели *незнаніе* податнаго лица, сколько онъ вноситъ и сколько обязанъ вносить подати, можетъ свидѣтельствовать въ пользу налога или хоть только въ пользу способа его взиманія? Воля ваша, а тутъ пахнетъ обскурантизмомъ недостойнымъ науки? И утверждать, что подать *хороша* потому, что плательщикъ, внося ее незамѣтными для него частями, не понимаетъ всей тяжести ея, не тѣ же ли самое, что говорить въ пользу яда, который мы принимаемъ понемногу, а потому отравляемъ себя исподоволь, а не съ разу, но тѣмъ не менѣе все-таки отравляемъ и, наконецъ, все-таки преждевременно умираемъ отъ него? Выгода такого приѣма предъ всякимъ другимъ состоитъ единственно въ томъ, что можно намъ рано или поздно опомниться, одуматься и остановиться; но во всякомъ случаѣ и онъ не свидѣтельствуетъ въ пользу яда и необходимости его для поддержанія нашей жизни. Прежде, чѣмъ доказывать, что «необходимо ошипывать курицу такъ, чтобъ она не кричала», слѣдовало бы разобрать хорошенько, дѣйствительно ли необходимо ошипывать ее; а вотъ этого-то и не дѣлаетъ теорія финансовъ! Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ слу-

жить истинѣ, правдѣ, человечеству, и быть руководительницей администраторовъ, теорія только сбиваетъ ихъ съ толку, узаконивая подобными доводами и положениями своими зло, и безъ того уже слишкомъ распространенное и развитое въ мѣрѣ. И какъ согласить учение теоріи, что каждый гражданинъ *обязанъ* платить подати, что онъ долженъ *сознавать* эту обязанность свою — съ правиломъ или доводомъ, что лучше для него, когда онъ *не знаетъ*, сколько обязанъ вносить въ казну? Сознаніе и незнаніе не одно и то-же; и вмѣстѣ не уживаются.

«Но какимъ же образомъ, спросятъ насъ рутинѣры, «добывать средства на удовлетвореніе государственныхъ «потребностей? Если каждая фискальная мѣра должна «прежде всего соображаться съ *правдой*; если каждый «налогъ долженъ имѣть все достоинство *хорошаго зако- «на*; если до принятія какой-либо подобной мѣры адми- «нистрація обязана позаботиться о рѣшеніи вопроса: «раціональна ли она, эта мѣра, нравственна ли, согла- «сна ли съ требованіями правды и справедливости? то «какимъ же образомъ удовлетворять потребностямъ го- «сударственной казны, — потребностямъ настоятель- «нымъ, не терпящимъ иногда ни малѣйшей отсрочки? «*Правда* — пища духовная, а государственное казна- «чеичество нуждается въ золотѣ, серебрѣ или хотъ бан- «ковыхъ билетахъ и тому подобныхъ предметахъ?»

Вотъ нашъ отвѣтъ. Вы говорите о настоятельныхъ потребностяхъ? Да развѣ мы сомнѣваемся въ ихъ существованіи? Для удовлетворенія необходимыхъ, настоятельныхъ, *законныхъ* потребностей повсюду и всегда есть и бываютъ надлежащія и *законныя* средства. Дѣло не въ томъ, нужно или нѣтъ удовлетворять законнымъ потребностямъ администраціи: этотъ вопросъ не

можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ утвердительно. Дѣло въ томъ, «дѣйствительно» ли настоятельны все тѣ нужды и потребности администраціи, которыя вы считаете настоятельными, да въ томъ, точно-ли можно оправдать ими ваши нераціональныя мѣры, т. е. тягостные для народа налоги, подати, повинности и пр.? Мы отвѣчаемъ отрицательно на этотъ вопросъ и утверждаемъ, что искусственными, нераціональными, «беззаконными» мѣрами вы искусственнымъ, нераціональнымъ образомъ увеличиваете количество потребностей администраціи, уменьшаете такимъ образомъ средства къ ихъ удовлетворенію, а съ этимъ вмѣстѣ усиливаете надобность въ искусственныхъ, нераціональныхъ мѣрахъ, каковы ваши; словомъ, что вы, такимъ образомъ, возвращаетесь въ ложной сферѣ, которую сами же создаете себѣ и изъ которой не можете или боитесь выйдти. Подобно намъ, и вы убѣждены, безъ сомнѣнія, что цѣль каждой администраціи, цѣль существованія каждаго правительства, какъ и государства, состоитъ въ общественномъ благѣ; какимъ же образомъ согласить такую хорошую цѣль съ достиженіемъ ея подобными средствами, какъ тѣ налоги, которые вы оправдываете и защищаете *только* ихъ *необходимостью*? Не то-же ли это, что утверждать будто правительство, или администрація, существуя съ цѣлью общаго блага, можетъ существовать не иначе, какъ противодействуя этой цѣли, то-есть, творя зло? Гдѣ тутъ здравый смыслъ? Служа такимъ образомъ администраціи, вы не только не приносите ей никакой пользы, но даже положительно вредите ей, и служба ваша, по характеру своему, по болѣе или менѣе близкимъ или дальнимъ, смотря по обстоятельствамъ, окончательнымъ результатамъ своимъ,

не отличается, на примѣръ, отъ службы извѣстнаго Жюля-де-Полиньяка Карлу X-му, или даже отъ службы, которую сослужилъ своему спящему другу-человѣку извѣстный крыловскій медвѣдь. Справедливо, что «усердіе все преодолеваетъ», да не замѣняетъ оно истинной науки: первое всегда готово оправдывать зло необходимою, настоятельною, даже желаніемъ добра; вторая утверждаетъ и доказываетъ, что такое оправданіе неумѣстно, потому-что всякое зло влечетъ за собою *только зло*. Въ государственной жизни въ-особенности нѣтъ и никогда не было такихъ явленій, которыя-бы *логически* оправдывали, настоятельною административныхъ потребностей и нуждъ, постоянное совершеніе какого-либо зла, а значить, и взиманіе какой-либо тягостной для народа подати. Потребности, удовлетвореніе которыхъ требуетъ подобныхъ мѣръ, созданы *искусственнымъ* образомъ, мудреностью людей, а не мудростью Провидѣнія. И знаете ли вы, что если, примѣрно, цифра 100 бюджета достаточна на покрытіе всѣхъ государственныхъ расходовъ; то если вы увеличите на 10, 20 или 25 процентовъ всѣ налоги, въ-особенности косвенные, столь любимые многими изъ васъ, то не только не соберете тотчасъ-же бюджета въ 110, 120 или 125, но въ скоромъ времени убѣдитесь еще, что для покрытія тѣхъ-же государственныхъ расходовъ потребуется бюджетъ въ 200, а черезъ нѣсколько лѣтъ и въ 300? И знаете ли вы также, что если къ *снпль* естественныхъ, необходимыхъ потребностей прибавить хоть *одну* искусственную, то, не говоря уже о томъ, что удовлетвореніе ея потребуетъ новыхъ средствъ, вы ею возвысите цѣну на всѣ тѣ товары, которые служатъ къ удовлетворенію и необходимыхъ потребностей? Одна

изъ главнѣйшихъ и непосредственная причина важнѣйшихъ золъ во многихъ государствахъ, т. е. пауперизма, пролетаріата, нравственнаго коснѣнія, развитія и быстраго распространенія ложныхъ соціальныхъ и другихъ ученій и т. п., въ томъ именно и состоитъ, что разными мудреными административными мѣрами до того подняты цѣны и на необходимѣйшіе предметы потребленія, и до того ограничена настоятельно-необходимая и законная свобода труда и мысли человеческой, что великое множество людей не зарабатываетъ себѣ достаточныхъ средствъ къ существованію, не смотря на то, что эти люди трудятся не только не менѣе, но несравненно болѣе того, сколько, безъ такихъ мудреныхъ мѣръ, слѣдовало-бы трудиться имъ — по общимъ политико-экономическимъ законамъ, *по правдѣ*, по правосудной волѣ Провидѣнія, — не только для безбѣднаго существованія, но и для составленія *по-крайней-мѣрѣ* капиталовъ, необходимыхъ для обезпеченія старости тружениковъ и воспитанія ихъ дѣтей. Вы же, господа рутинѣры, возстаєте, конечно, противъ социализма, коммунизма и имъ подобныхъ ученій, а сами создаете поводы къ ихъ существованію, и если согласиться, что основательны и законны доводы ваши въ пользу не только стѣснительныхъ, но и гибельныхъ для общества мѣръ, каковы налоги ваши; то, по требованію логики, слѣдуетъ признать основательными и всѣ доводы въ пользу разныхъ ложныхъ соціальныхъ теорій, потому что какъ ваши мнѣнія и дѣйствія, такъ и мнѣнія и дѣйствія социалистовъ и коммунистовъ «одинаково» опираются на произвольную и незаконную, а не естественную и законную необходимость. Какъ ученія социалистовъ и коммунистовъ, такъ и ваша администрація основана на

произволѣ; какъ они, такъ и вы пренебрегаете законами природы, предначертанными Провидѣніемъ, и величайшія изъ золъ въ мірѣ, пауперизмъ, пролетаріатъ, войны и революціи, суть исчадія «вашей» администраціи, «вашей» политики. Соціализмъ и коммунизмъ тоже породились не сами собой: они необходимый результатъ существующаго порядка, — правильнѣе, безпорядка вещей, созданнаго или по-крайней-мѣрѣ поддерживаемаго вами. Какъ выше было сказано, нѣтъ такой нелѣпости, которой-бы нельзя было оправдать, что дѣлаете и вы, *необходимостью* или *обстоятельствами*; но въ то-же время нѣтъ ни одной мѣры, принятой на такомъ основаніи, которая-бы не только вела къ добру, но и соответствовала своей цѣли. Такою необходимостью, на примѣръ, считало и называло правительство Лудовика Филиппа — окружить Парижъ стѣнами и укрѣпленіями, чтобъ сдѣлать невозможнымъ, какъ оно объясняло палатамъ и народу, новое взятіе Парижа въ случаѣ непріятельскаго нашествія; а на дѣлѣ, чтобъ держать въ страхѣ внутреннихъ враговъ своихъ, — чего оно, какъ само-собой разумѣется, не объявляло; но что-же вышло? Французы, какъ и всѣ другіе народы въ мірѣ, враговъ, конечно, не имѣютъ; а стѣны и укрѣпленія Парижа не только не помогли Лудовику-Филиппу удержаться на престолѣ, но еще приблизили часъ революціи, потому что возведеніе ихъ лишало народный трудъ необходимыхъ капиталовъ, и страну лишало части ея производительнаго труда. *Правда* — не пустое слово!

Прежде, чѣмъ говорить о потребностяхъ государственныхъ, въ-особенности прежде, чѣмъ оправдывать такими потребностями мѣры, противодѣйствующія обществу благосостоянію, слѣдуетъ изучить эти по-

требности, разобрать ихъ надлежащимъ образомъ, очистить отъ ненужныхъ и лишнихъ, а потому и вредныхъ примѣсей. Дѣйствуя и поступая иначе, мы никогда не дойдемъ до уразумѣнія ихъ. *On commence toujours à parler d'une chose, on finit quelque fois par la comprendre* — очень остроумное правило, но приложеніе его къ общественнымъ дѣламъ стоить очень дорого! Добросовѣстное изученіе и внимательный разборъ государственныхъ средствъ и потребностей, — изученіе и разборъ, не требующіе ни геніальныхъ политическихъ способностей, ни чина оберъ-гофъ-гегеймъ-рата, ни званія пера, а только здраваго смысла и знанія общественныхъ наукъ, — приводятъ къ убѣжденію, что фискальныя и вообще административныя мѣры, вредныя для народнаго хозяйства и духовнаго развитія народа, не только не служатъ къ удовлетворенію государственныхъ потребностей, но лишь затрудняютъ это дѣло. Кромѣ того, вникая въ сущность государственнаго хозяйства, мы рано или поздно приходимъ и къ убѣжденію, что для удовлетворенія государственныхъ потребностей, надлежащимъ образомъ, не нужно ничего такого, что бы противорѣчило правилу, по которому *все, что существуетъ въ мірѣ не случайно, все, что составляетъ одно изъ законовъ, естественныхъ, а потому и необходимыхъ звеньевъ въ устройствѣ его, все то надлежитъ отъ природы не только потребностями, но и средствами къ существованію — и притомъ такъ, что потребности обуславливаются средствами, а средства потребностями. А государство ли не принадлежитъ къ числу такихъ необходимыхъ, естественныхъ и законныхъ явленій?! Какъ же оправдывать вредныя для народнаго благосостоянія или, что то-же, для существо-*

ванія государства, административныя мѣры — ихъ необходимою? *Въ міръ ничто не существуетъ «законно» себя во вредъ!*

«Положимъ,» — возразятъ намъ, быть можетъ, нѣкоторые изъ читателей, а также и писателей, оправдывающіе тягостные и вредные для народа налоги разными дурно-понимаемыми государственными потребностями, — «положимъ, что такіе налоги вредны для народа и государственнаго хозяйства; допустимъ даже, что можно было-бы и безъ нихъ добыть средства, необходимые для правильнаго порядка вещей въ государствѣ, для удовлетворенія всѣхъ общественныхъ и правительственныхъ потребностей; но этими потребностями еще не ограничиваются расходы казны: есть еще *политика*, которая стоитъ дорого, которая ужъ никакъ не подчинится тому или другому требованію правды и справедливости. Да и ей-ли подчиняться какимъ-либо требованіямъ и законамъ, когда чуть-ли не все въ мірѣ зависитъ отъ нея и покоряется ей и ея!»

Чтобъ вполне удовлетворительно отвѣчать на подобное возраженіе, нужно написать цѣлое разсужденіе о политикѣ и доказать, что жестоко ошибаются люди, считающіе ее чѣмъ-то таинственнымъ, не подчиненнымъ ни божескимъ, ни человѣческимъ законамъ, и зависящимъ только отъ прозрѣнія и благоусмотрѣнія немногихъ лицъ «особаго разряда.» Такое разсужденіе повело-бы насъ слишкомъ далеко, и потому ограничимся только двумя-тремя замѣчаніями, въ опроверженіе превратнаго и, къ сожалѣнію, слишкомъ распространеннаго мнѣнія о зависимости ея отъ произвола и прозрѣнія нѣсколькихъ лицъ.

Въ дѣйствительности, это можетъ-быть и такъ; но

зато куда какъ не хороша дѣйствительность, создаваемая такою политикой! Въ сущности-же политика не таинство, а только *искусство*; въ высшемъ-же развитіи, до котораго она еще не доросла, — наука. Замѣтимъ къ слову, что такія замѣчанія о политикѣ не только не лишняя, но даже необходимая вещь въ разсужденіяхъ, — по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыхъ, — о финансахъ, потому-что теорія финансовъ принадлежитъ къ числу политическихъ наукъ, и какъ эта теорія, такъ и другія политическія науки не могли-бы быть науками, еслибъ политика, какъ систематическое изложеніе извѣстнаго рода истинъ и правилъ, не могла быть въ свою очередь тоже наукой.

Во-первыхъ, политика, и какъ наука, и какъ извѣстный образъ дѣйствій извѣстныхъ лицъ въ извѣстныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, обусловливается существованіемъ государствъ и международныхъ сношеній; а потому, чтобъ быть вѣрною своему назначенію, она неизбѣжно должна подчиняться тѣмъ законамъ, исполненіемъ или нарушеніемъ которыхъ обусловливается правильный или неправильный образъ существованія и развитія государствъ. Противъ этого, кажется, и говорить нечего. Нѣтъ для человѣка ни мудрости, ни воли выше той, которая состоитъ въ уразумѣніи и исполненіи законовъ, предначертанныхъ Провидѣніемъ.

Во-вторыхъ, если допустить, что политика внѣ подчиненности такимъ законамъ, что она зависитъ и должна зависѣть только отъ дальновидности или, иначе, отъ произвола нѣкоторыхъ лицъ, соображающихъ дѣйствія свои *только съ обстоятельствами*; то спрашивается: чѣмъ-же обусловливаются эти обстоятельства и отъ чего зависятъ они? — Здравый смыслъ и дѣйстви-

тельность отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ: эти обстоятельства обусловливаются тѣми-же законами, отъ исполненія или неисполненія которыхъ зависятъ развитіе, процвѣтаніе и паденіе государствъ. Стало быть, и здравая политика не можетъ пребывать внѣ подчиненности такимъ законамъ, и если обстоятельства суть плоды нарушенія ихъ, то забота ея должна состоять въ томъ, чтобъ люди исполняли эти законы; если-же обстоятельства представляютъ собою результатъ ихъ исполненія, — что рѣдко случается, къ несчастію, — то политика должна подчиняться этимъ обстоятельствамъ, а значить, и законамъ, которыхъ они результаты.

Въ-третьихъ, если допустить, что назначеніе ея — служить государственнымъ цѣлямъ, и въ то же время допустить, что она *по необходимости, по силѣ обстоятельствъ* должна не пренебрегать правиломъ, — котораго, къ несчастію, неуклонно и придерживаются многіе политическіе мудрецы, какъ ихъ называютъ, или политическіе фокусники, какъ-бы слѣдовало ихъ называть, — правиломъ, по которому *всѣ* средства хороши для достиженія хорошихъ цѣлей, или, другими словами: средства оправдываются цѣлями; то въ такомъ случаѣ здравый смыслъ разсуждаетъ такъ: если въ политикѣ средства оправдываются цѣлями, то цѣль, а значить, и средства должны и въ ней оправдываться результатами; а потомъ тотъ-же здравый смыслъ задаетъ себѣ вопросъ: а такъ-ли *хороши* эти результаты, чтобъ они оправдывали цѣли и средства для ихъ достиженія? Не такими-ли *хорошими* средствами, оправдываемыми подобнымъ правиломъ, достигнуты такіе *хорошіе* результаты, какъ, на-примѣръ, въ нѣкоторыхъ государствахъ, бывшія и еще имѣющія непремѣнно быть

революціи, пауперизмъ, пролетаріатъ, необходимость содержать огромныя арміи — въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ всѣмъ извѣстно, ужъ вовсе не на случай непріятельскаго нашествія, — потомъ, непрочность правительства и недовѣріе къ нему народа, страхъ собственниковъ за свое имущество, разнаго рода проституціи, коммунистскія и социалистскія теоріи и тому подобныя *отрадные* явленія и *хорошіе* результаты? Чистосердечный отвѣтъ на этотъ вопросъ не приводитъ-ли каждаго неглупаго человѣка къ убѣжденію, что и въ политикѣ не всѣ средства хороши и не всѣ они оправдываются цѣлями, и что она также должна подчиняться нравственному и міровому закону, выведенному истинными мудрецами изъ всѣхъ непреложныхъ, естественныхъ, міровыхъ, предначертанныхъ Провидѣніемъ законовъ, а именно закону, по которому честныя цѣли, каковы, на-примѣръ, всѣ истинныя и естественныя государственныя цѣли, единственно и вполне достигаются только честными средствами. Если-же многіе, къ несчастію, и между очень умными государственнымъ сановниками, не убѣждены въ этомъ, такъ потому, во-первыхъ, что мало учатся и мало думаютъ, какъ всѣ мы, грѣшныя; а во-вторыхъ, потому, что и въ политикѣ есть то, *что видно*, и то, *чего не видать*, и притомъ то, *что видно*, какъ-то: удачная карьера, личное благосостояніе и тому подобное, само бросается всѣмъ и каждому въ глаза; а то, *чего не видать*, усматривается только людьми высоко-развитыми, много-думающими, много-любящими и трудящимися, людьми, которые болѣе вѣрують въ мудрость Провидѣнія, нежели въ свое собственное всевѣдѣніе.

Такимъ образомъ, ни государственнымъ нуждами и

потребностями, ни здравой политикой не оправдываются налоги и вообще фискальныя мѣры, не сообразныя съ политико-экономическими законами и правилами, въ основаніи которыхъ, какъ и всѣхъ равносильныхъ имъ, естественныхъ, непреложныхъ, предначертанныхъ Провидѣніемъ законовъ, лежитъ вѣчная и неизмѣнная *правда*, въ возможно-полномъ уразумѣніи и сознаніи которой состоитъ высшая степень человѣческой мудрости.

Кажется, довольно всего вышесказаннаго, чтобъ не сомнѣваться въ неудовлетворительности и несостоятельности современной теоріи финансовъ. Считая своей задачей изысканіе средствъ къ удовлетворенію потребностей собственно не государства, а только государственной казны, теорія финансовъ уже этимъ однимъ выказываетъ неспособность свою быть наукой и руководительницей финансовой администраціи. Оправдывая-же разныя, несогласныя съ политико-экономическими законами, фискальныя мѣры, она никоимъ образомъ не можетъ удовлетворять тому правилу, по которому разумъ требуетъ отъ каждой науки, чтобъ она служила только *истинѣ*, *правдѣ*, и доказывала необходимость осуществленія ихъ въ жизни, въ государствѣ. Наука вообще оказываетъ въ наше время важныя услуги и людямъ, и государствамъ; постоянно проповѣдуетъ она миръ и уваженіе къ законамъ, не говоря уже о другихъ нравственныхъ и благодѣтельныхъ вліяніяхъ ея, и чѣмъ болѣе развиваются и распространяются ученія новѣйшихъ историковъ, юристовъ, экономистовъ, математиковъ и натуралистовъ, тѣмъ болѣе увеличивается число людей, убѣжденныхъ въ необходимости строгаго порядка вещей въ государствѣ, исполненія нравственныхъ законовъ,

уваженія къ законной власти, — въ жизни вообще нравственной и разумной. Наука-же финансовъ, одна изъ высшихъ, какъ по значенію своему въ области политическихъ наукъ, такъ и по вліянію на дѣйствительность, на участь большинства рода человѣческаго, на судьбу государствъ, составляетъ безотрадное исключеніе изъ этого общаго правила. Чтò создаютъ въ отношеніи къ государственному порядку и общественному благу другія науки, то разрушаетъ она своими положеніями и выводами. Положительныя финансовыя законы и финансовыя мѣры не могутъ быть хороши, говоря вообще, уже потому, что несовершенна теорія: несовершенство ея отзывается на всѣхъ финансовыхъ администраціяхъ. Смѣшно или, правильнѣе, страшно подумать, что благодаря фискальнымъ мѣрамъ, и крайне-необходимые предметы потребленія, въ нѣкоторыхъ странахъ, стоять иногда 500, даже 1000 процентовъ дороже своей настоящей цѣны! Было время, когда всѣ администраціи жертвовали производителямъ потребителями; теперь теорія финансовъ проповѣдуетъ налоги на производство, т. е. жертвуетъ и тѣми, и другими ложной идеѣ государственной казны, и такимъ образомъ служить только ей, а не народамъ, не правительствамъ, не государствамъ, не человечеству. Вмеѣстѣ съ этимъ, — правильнѣе, по всему этому, — какъ по духу и положеніямъ своимъ, такъ и по вліянію своему на администраціи, она не только не содѣйствуетъ, но прямо противодействуетъ *развитію личности*. Словомъ, *основная идея теоріи финансовъ ложна; части ея, этой теоріи, взятыя вмѣстѣ, не составляютъ полнаго органическаго цѣлаго; не достаетъ ей цѣлаго отдѣла* — «о *государственномъ активномъ кредитѣ*»; *положенія ея*

только частію истинны, но болѣею частію ложны, потому что вытекаютъ изъ ложной основной идеи.

VIII.

Само-собою разумѣется, что если все вышеизложенное говоритъ не въ пользу теоріи финансовъ въ нынѣшнемъ ея видѣ, то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ она была лишнимъ членомъ въ области наукъ вообще и политическихъ наукъ въ-особенности. Если эта теорія еще не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ разума и жизни вообще, то это можетъ доказывать только, что задача ея очень трудна и обширна, а также и то, что ею занимались еще слишкомъ мало. По нашему мнѣнію, причина ея несостоятельности заключается и въ томъ, и въ другомъ. Кромѣ того, она не могла до-сихъ-поръ окончательно создаться уже и потому, что состояніе ея по-необходимости должно быть тѣсно связано съ состояніемъ политической экономіи, науки новой, которая только еще недавно, благодаря математическому и историческому методамъ, приобрѣла необходимую точность, но еще не достигла высшей степени развитія. Это — дѣло времени.

Дѣло времени — и построение полного, возможно-удовлетворительнаго зданія науки финансовъ. Впрочемъ, и въ настоящее время уже можно и необходимо перестроить ее по плану, болѣе соответствующему достоинству науки и общественнымъ потребностямъ. Нужный матеріалъ для того уже собранъ: политическая экономія, статистика, исторія и самая теорія финансовъ представляютъ его въ достаточномъ количествѣ. Ну-

женъ еще только строитель или, правильнѣе, строители, потому-что такой трудъ не по силамъ одному человѣку.

Но какъ приняться имъ за дѣло, чтобъ выполнить его удовлетворительнымъ по-возможности образомъ? Какимъ правиламъ должны они слѣдовать въ такой работѣ? Въ какомъ порядкѣ производить ее?

Само-собою разумѣется, что теорія финансовъ, какъ наука, не обязана угождать «извѣстнымъ вкусамъ», а должна служить истиннымъ потребностямъ и нуждамъ нашего времени; дѣло ея — раскрытіе истины, правды, въ примѣненіи къ государственной финансовой администраціи; на ней должна лежать печать не угодничества, а достоинства науки; она должна быть разъяснительницей и руководительницей извѣстнаго рода общихъ интересовъ, а не раболѣпной служанкой ложнопонимаемыхъ выгодъ немногихъ частныхъ лицъ; ей слѣдуетъ быть теоріей государственныхъ финансовъ, а не теоріей государственной казны, — наукой, содѣйствующей, а не противодѣйствующей успѣхамъ общественнаго благосостоянія.

Чтобъ имѣть неотъемлемое и полное право на участіе въ дѣлѣ перестроенія науки финансовъ и возведенія новаго зданія ея, необходимо для лицъ, желающихъ посвятить себя этому дѣлу, болѣе или менѣе короткое знакомство какъ съ общественными интересами и вопросами нашего времени, такъ и съ политическими науками, преимущественно съ политической экономіей и статистикой. Знаніе нѣкоторыхъ математическихъ наукъ также не только не лишнее, но даже болѣе или менѣе необходимое условіе для этихъ лицъ, потому что наука финансовъ, рано или поздно, должна сдѣлаться

наукой математической, подобно механикѣ. За это ругаются результаты, добытые уже политической экономіей, благодаря математическому методу: труды фонъ-Тюнена уже не опыты въ этомъ родѣ Канара (*), а пріобрѣтенія, составляющія одно изъ лучшихъ достояній науки и человѣчества.

Во-вторыхъ, необходимо для такихъ лицъ сознание, что если государство — не случайное явленіе, то и администрація, и политика, во всѣхъ значеніяхъ этого слова, не могутъ и не должны подчиняться какимъ-либо случайнымъ требованіямъ и правиламъ, несогласнымъ съ политико-экономическими и вообще естественными и нравственными законами. Эти лица должны быть проникнуты убѣжденіемъ, что если политика, какъ наука о государствѣ, еще не представляетъ систематическаго цѣлаго; то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ политическая практика имѣла право уклоняться отъ исполненія законовъ, которые добыты и раскрыты уже для человѣчества другими науками. Всѣ основныя положенія морали, теоріи законодательства и политической экономіи не только не противорѣчатъ человѣколюбивому Евангельскому ученію, но, напротивъ, каждое изъ нихъ, по мѣрѣ средствъ своихъ и въ своей сферѣ, подтверждаетъ его, доказывая непреложными и несомнѣнными фактами какъ истинность этого ученія, такъ и ложность всего того, что несогласно съ нимъ. Уже этого одного достаточно, чтобъ теорія и практика политики считали необходимымъ для себя признаніе вѣрности и непреложности такихъ положеній, а также и прерваніе всѣхъ преступныхъ связей своихъ съ маккіа-

(*) *Canard*, Principes d'Economie politique. 1801

велизмомъ, іезуитизмомъ, меттернихизмомъ и тому подобными политическими ученіями и системами, которымъ человѣчество обязано гораздо большимъ количествомъ разныхъ золъ и страданій, нежели чему либо другому. Другими словами, эти лица должны быть проникнуты мыслію, что какъ бы ни была низка степень, на которой еще находится въ настоящее время наука политики, никто не имѣетъ права допускать, чтобъ положенія ея, а съ этимъ вмѣстѣ и пріемы политической практики, могли въ чемъ либо, по необходимости, по сущности политики, не согласоваться съ правственностью вообще и тѣмъ правиломъ въ-особенности, по которому только нравственно-законными средствами достигаются нравственно-законныя цѣли. Нѣтъ и не можетъ быть нравственно-законныхъ потребностей, которыя бы не удовлетворялись нравственно-законными средствами. Пора понять, что ходъ дѣлъ въ мірѣ и судьба человѣчества не могутъ вѣчно зависѣть отъ произвола и взгляда на вещи «нѣкоторыхъ лицъ». Человѣчество, народы и государства могутъ существовать безъ революцій, пауперизма, пролетаріата и имъ подобныхъ золъ; но для этого необходимо отсутствіе причинъ этихъ золъ; а причины эти заключаются въ произволѣ или, что то-же, въ такихъ положительныхъ законахъ, политическихъ и административныхъ дѣйствіяхъ и мѣрахъ, въ основаніи которыхъ лежитъ не правда, а произволъ, плодъ превратныхъ и ложныхъ воззрѣній, и которые противорѣчатъ непреложнымъ законамъ, прирожденнымъ міру и человѣчеству.

Съ такими познаніями и убѣжденіями, человѣкъ, изучающій теорію и практику финансовъ, не можетъ не прійти и къ убѣжденію, что финансы не должны имѣть исключительно-денежный характеръ, какой при-

даетъ имъ современная теорія. Этотъ характеръ—своего рода меркантилизмъ и столь-же вреденъ для нашей науки, какъ и несвоевременныя запретительныя и охранительныя таможенныя системы для народнаго хозяйства. Всему, что обуславливается пространствомъ и временемъ, есть и должны быть пространство и время; но всему такому долженъ быть и конецъ. Ясно, кажется намъ, доказали мы, что главная причина несостоятельности современной теоріи финансовъ состоитъ въ томъ, что ложна основная идея этой науки, и что для того, чтобъ подвинуть дѣло развитія этой теоріи, необходимо положить въ основаніе ея идею — государства; но опять не ту ложную идею государства, по которой цѣль существованія государства заключается въ самомъ этомъ существованіи. Нѣтъ, идея, долженствующая лежать въ основѣ теоріи финансовъ, слѣдуетъ выражать и объяснять государство, какъ стройное гармоническое цѣлое, существующее вмѣстѣ съ его подданными и для его подданныхъ, — какъ необходимую форму, какъ естественную и законную сферу для естественнаго и законнаго существованія и развитія человѣка, народа и человѣчества. Сознаніе такой идеи не замедлитъ довести и до сознанія того, что такое финансы, — что они не только большее или меньшее количество денегъ, ежедневно поступающихъ въ государственную казну и расходующихъ правительствомъ, а известный родъ государственныхъ *силъ*, *частнымъ*, а не *общимъ* и не *полнымъ* выраженіемъ которыхъ служатъ суммы, поступающія періодически въ государственную казну. Подобно тому, какъ доходъ, въ общеупотребительномъ значеніи это слова, доходъ человѣка или семейства, не можетъ быть полнымъ и единственнымъ выраженіемъ

степени благосостоянія этого человѣка или семейства, такъ и цифры бюджетовъ, — въ-особенности, цифры нынѣшнихъ бюджетовъ, — не могутъ опредѣлять степени богатства и благосостоянія государства. Въ этомъ, конечно, не сомнѣваются тѣ, которымъ извѣстно, какъ тягостны для многихъ народовъ нѣкоторыя налоги и что взиманіе ихъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ страданій человѣчества. Чиновникъ, получающій 1000 рублей жалованья и не имѣющій никакихъ другихъ доходовъ, можетъ быть въ «десять» разъ «бѣднѣе» селянина, имѣющаго всего только 100 рублей годоваго дохода, и во «сто» разъ «богаче» купца, который имѣетъ законную возможность проживать ежегодно по нѣскольку тысячъ. Условія благосостоянія этихъ лицъ, конечно, не опредѣляются и не ограничиваются однимъ чистымъ доходомъ, жалованьемъ, выручкой, барышемъ; но еще и степенью и родомъ ихъ нуждъ, воспитаніемъ и образованіемъ, возможностью и средствами къ обезпеченію старости, родомъ наслѣдства, которое они могутъ оставить своему семейству, — родомъ «всей ихъ *собственности*, какъ вещественной, такъ и не-вещественной». По понятіемъ одного изъ нихъ, онъ *не бѣденъ*, если имѣя средства на все строго-необходимое для образованнаго человѣка, онъ еще въ состояніи покупать себѣ одну или двѣ картины, двѣ-три книги, безъ которыхъ, въ случаѣ невозможности, легко бы могъ обойтись, и т. п. По понятіямъ другаго, онъ тогда только будетъ не бѣденъ, когда пріобрѣтетъ возможность ѣздить въ своей каретѣ, держать собственнаго швейцара, имѣть постоянную для жены ложу — непременно въ бель-этажѣ, водиться и знаться съ превосходительными и сіятельными лицами, а, главное, угощать ихъ

на славу, а также удостоиваться и ихъ приглашенія и угощенія, приобрѣтетъ право на частичку *де* или *фонъ* и прочія тому подобныя блага, существенныя, по понятію такого неразвитаго и полуграмотнаго человѣка, признаки богатства и *заслуженнаго* при его исключительной помощи общаго почета и уваженія. По желаніямъ и понятіямъ третьяго, еще бы прикупить клочекъ земли въ нѣсколько десятинъ или акровъ, и семейство его было-бы обезпечено на всю жизнь, и онъ прожилъ-бы остатокъ дней своихъ счастливо и покойно. Понятія и мнѣнія людей, результаты и признаки достоинства ихъ воспитанія и степени ихъ нравственнаго развитія, столь же важныя, знаменательныя и могущественныя условія ихъ благосостоянія, какъ и вещественныя капиталы. Такъ и для государства денежныя доходы казны составляютъ только «одно» изъ условій его существованія и, смотря потому, правильны или нѣтъ эти доходы, естественно ли законны они, или только выжимаются изъ народа физической силой общественной власти, они могутъ быть однимъ изъ благихъ или злыхъ началъ въ его жизни. При современномъ состояніи финансовой администраціи, въ наибольшей части государствъ, бюджетныя цифры могутъ имѣть только относительное значеніе при опредѣленіи финансовыхъ силъ и степени развитія и благосостоянія народовъ. Съ грустію должны мы прибавить, что эти цифры, для большей части государствъ, служатъ преимущественно выраженіемъ количества и степени препонъ, поставляемыхъ администраціями вообще и финансовыми въ-особенности, народному благосостоянію. Цифры эти точно такъ-же неопредѣлительны въ этомъ отношеніи, какъ и цифры внѣшней торговли государствъ, въ которыхъ теорія торговаго

баланса и протекціонизмъ процвѣтаютъ въ бѣльшей или мѣньшей степени: *такія* торговыя цифры не опредѣляютъ промышленныхъ силъ націи по отношенію къ внѣшней ея торговлѣ; а только показываютъ, *какъ велики торгoвые обороты ея съ другими государствами, не смотря на всѣ стѣпенія, которыми преслѣдуетъ и ограничиваетъ развитіе этой торговли заботливая, но безглазая няня ея — администрація*. Разумѣется, если бюджетныя цифры такъ условны, такъ неопредѣлительны для оцѣнки народнаго благосостоянія, то финансово-административныя системы, доставляющія и представляющія подобныя цифры, должны быть считаемы тоже явленіями болѣе или мѣнѣе условными, а не рациональными. Бюджетныя цифры должны быть такимъ-же органическимъ выраженіемъ благосостоянія народовъ, какъ финансы органической частію администраціи и элементомъ государственной жизни вообще. Современная теорія финансовъ не даетъ себѣ въ этомъ строгаго отчета, потому-что не сознаетъ органической связи, существующей между финансовой администраціей вообще и полнымъ народнымъ, государственнымъ хозяйствомъ, хотя и говоритъ она нѣсколько словъ о ихъ взаимнодѣйствіи. Подъ выраженіемъ *финансы* государства должно разумѣть не суммы доходовъ и расходовъ, а *ту часть «вещественныхъ» и «невещественныхъ» силъ народа, которою правительство можетъ и должно, какъ въ обыкновенныхъ, такъ и въ экстренныхъ случаяхъ, пользоваться и употреблять для достиженія цѣлей государственной жизни*. Такое опредѣленіе финансовъ, или финансовыхъ силъ, не исключаетъ и денежнаго характера ихъ, но не ограничиваетъ имъ, какъ и слѣдуетъ, ихъ сущности, свойствъ и качествъ. Для

финансовой администраціи такъ-же важна и существенна, не менѣе, а скорѣе болѣе, степень просвѣщенія народа, развитія въ немъ судебной и другихъ административныхъ частей, какъ и степень богатства, — въ общеупотребительномъ значеніи этого слова, — плательщиковъ податей, или количество имуществъ и вещественныхъ капиталовъ вообще, на которые падаютъ налоги. Для раціональной администраціи не столько существенна возможность собирать «много» денегъ въ государственную казну, сколько возможность пользоваться разными «силами» націи и управлять ими, т. е. направлять ихъ къ цѣлямъ государственной жизни. Завѣдывать финансами значитъ завѣдывать, въ бѣльшей или мѣньшей степени, прямо или косвенно, «вѣми» матеріальными и умственно-духовными силами народа. Не даромъ въ Англіи первый министръ называется первымъ лордомъ казначейства; не даромъ также и въ этой странѣ, какъ во вѣсхъ другихъ, лучшіе изъ министровъ финансовъ имѣли сильное и благодѣтельное вліяніе на *всѣ силы* государства и вѣми средствами содѣйствовали ихъ развитію. Не одинъ изъ нихъ не смотрѣлъ на эту часть администраціи съ узкой точки зрѣнія современной теоріи и бездарныхъ министровъ: каждый изъ нихъ несравненно болѣе заботился о доходахъ и расходахъ «народа», нежели о доходахъ и расходахъ «казны». Вполнѣ понимали и сознавали эти великіе люди, что казна — только своего рода касса, «законные владѣльцы» которой и тогда могутъ быть очень бѣдны, когда въ ней огромное количество милліоновъ, и очень богаты, когда въ ней только небольшое количество денегъ.

Дай-Богъ, чтобъ теорія финансовъ нашла себѣ какъ можно скорѣй даровитыхъ и вполнѣ достойныхъ воздѣ-

лывателей, даровитыхъ и вполнѣ достойныхъ потому, что не всякій способенъ участвовать въ пересозданіи такой науки, назначеніе которой быть не угодницей административной рутины, а руководительницей и наставницей ея. Здѣсь дѣло и трудъ не ограничиваются одними теоретическими познаніями, стремленіемъ раскрыть кое-какую мнимую истину, не приложимую къ практикѣ: въ раціональной теоріи финансовъ не можетъ и не должно быть мѣста для теоретической истины, которая-бы, въ тоже время, не могла быть истиной практической и тотчасъ-же приложима къ дѣлу; она не должна и не можетъ допускать фискальныхъ мѣръ, противодѣйствующихъ общественному благосостоянію, и въ то-же время утверждать, что *по-необходимости* ни одна изъ нихъ не имѣетъ прочнаго теоретическаго основанія. Наука финансовъ должна имѣть, если и не юридическую, то во всякомъ случаѣ нравственно-обязательную силу для администраціи; но достигнуть этого она можетъ не иначе, какъ заслуживъ право на такой авторитетъ своей состоятельностью и основательностью, которыхъ теперь еще далеко не имѣетъ.

Лицамъ, посвящающимъ себя разработкѣ этой науки, предстоитъ борьба и съ рутинной, и съ современной теоріей, которая имѣетъ много сторонниковъ и поклонниковъ, не смотря на то, что никто изъ нихъ, если мы не ошибаемся, не доволенъ ею вполнѣ. Успѣхъ и въ этой борьбѣ зависитъ не только отъ правоты дѣла, но еще и отъ умѣнія вести его. Вотъ почему самое лучшее средство, по нашимъ понятіямъ, подвинуть науку впередъ и облегчить ей путь къ цѣли, состоитъ въ томъ, чтобъ раскрытіе и объясненіе новыхъ истинныхъ положеній и выводовъ шли параллельно съ строгимъ и все-

стороннимъ разборомъ положеній и доводовъ нынѣшней теории, а также и приѣмовъ административной рутины и вреднаго вліянія ихъ на народное благосостояніе. Новыя истинныя положенія науки должны логически вытекать изъ такого разбора. Наука не должна довольствоваться однимъ разрушеніемъ отжившаго и гнилаго: она еще не зрѣла тамъ и тогда, когда еще не можетъ немедленно-же замѣнить старое новымъ, ложное истиннымъ.

Для скорѣйшаго достиженія благихъ результатовъ такого разбора, необходимо приложеніе къ теоріи финансовъ метода математическаго. Надлежащее приложеніе его къ этой наукѣ подвинетъ ее быстро впередъ. Ничто лучше его не можетъ способствовать объясненію и доказательству слѣдующихъ истинныхъ положеній:

1. Ни современная практика, ни современная теорія финансовъ не удовлетворяютъ требованіямъ какъ жизни, такъ и науки.

2. Каждая фискальная мѣра имѣетъ вліяніе и, по существу своему, должна имѣть *благое* вліяніе на весь бытъ общества, или государства, а также и всего человѣчества, и *потому* она должна быть *общею государственной мѣрой* не только въ смыслѣ всѣхъ плательщиковъ податей, но и въ смыслѣ всѣхъ административныхъ частей, т. е. быть не только односторонне-фискальною, казначейскою мѣрой, но и мѣрой экономической, юридической, — всесторонне-административной.

3. Каждый налогъ, каждая подать, каждая фискальная мѣра, должна и можетъ имѣть всѣ достоинства и свойства хорошаго положительнаго закона, т. е. такого, который, будучи положительнымъ закономъ, есть въ

то-же время и законъ нравственный, или естественный.

4. Наука финансовъ можетъ и должна быть наукой точной, подобно механикѣ и тому подобнымъ наукамъ, и потому финансовая администрація должна имѣть всѣ положительныя достоинства хорошей судебной администраціи. Эта администрація не должна быть своего рода *искусствомъ*, требующимъ какой-то промышленной смысленности и ловкости спекулятора, а не сознанія государственныхъ и общечеловѣческихъ интересовъ и способности служить имъ.

5. Завѣдывать финансовою, а значитъ, и другими частями администраціи, слѣдуетъ не въ духѣ какого-либо мнимо-практическаго или мнимо-теоретическаго консерватизма, либерализма, монархизма или республиканизма, аристократизма или плебеизма, а въ духѣ и по требованію непреложныхъ законовъ, — не по требованію обстоятельствъ, даже не по желанію добра, а по предписаніямъ *правды*.

Сознаніе истинности этого послѣдняго положенія, въ-особенности, необходимо и полезно въ наше время, нежели когда-либо прежде. Разныя ложныя, соціальныя, административныя и политическія теоріи, страданія современныхъ поколѣній, все плоды неразумной администраціи, волнуютъ умы и грозятъ потрясеніемъ многимъ государствамъ. Обратите только вниманіе хоть на странность мнѣній большинства современныхъ людей, не говоря уже о пауперизмѣ, пролетаріатѣ, разнаго рода угнетеніяхъ и тому-подобныхъ явленіяхъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, и вы убѣдитесь, что опасенія наши далеко небезосновательны. Кто, напримѣръ, съ гордостью величаетъ себя консер-

ваторомъ, а кто прогрессистомъ, не подозрѣвая, что въ мірѣ нѣтъ и не должно быть *ни безусловнаго* консерватизма, ни *безусловнаго* прогресса, и что истинныя консервативныя и прогрессивныя начѣла не только не противорѣчатъ одни другимъ, но взаимно-обусловливаются и зависятъ одни отъ другихъ; — одинъ требуетъ республики по образцу давнымъ-давно отжившихъ древнихъ государствъ; — другой защищаетъ монархическую власть не во имя правды и общаго блага, а во имя интересовъ того или другаго сословія; — третій считаетъ долгомъ своимъ ругать все то, что напоминаетъ аристократическій элементъ; — четвертый, по примѣру предковъ своихъ, видитъ въ простомъ народѣ, по выраженію Ришельё, только «мула, обязаннаго нести всѣ тяжести общественной жизни»; — пятый — коммунистъ или соціалистъ, ни во что не ставящій законы природы и проповѣдующій разрушеніе всего того, что существуетъ — законно или не законно, все равно; — шестой проповѣдуетъ Евангельское ученіе, но въ то-же время запрещаетъ чтеніе Евангелія; — седьмой кричитъ, что хлѣбъ и мясо непомѣрно дороги, требуетъ таксы на нихъ и запрещенія вывоза ихъ за-границу, т. е. мѣръ, ближайшій и непремѣнный результатъ которыхъ — возвышеніе цѣнъ; — восьмой.... Но довольно и этихъ примѣровъ! и они достаточно опредѣляютъ степень просвѣщенія современныхъ поколѣній. «Да эти примѣры, замѣтятъ намъ, исключенія изъ общаго правила, нравственные уроды!?» Нѣтъ, господа, такъ дѣйствуютъ, такъ думаютъ и блистательнѣйшіе, если не лучшіе представители просвѣщеннѣйшихъ европейскихъ обществъ. Между ними есть люди съ геніальными способностями, какъ, напримѣръ, Пру-

донъ, есть извѣстные ученые, даровитые адвокаты и литераторы, блестящіе представители аристократіи и другихъ сословія, члены палатъ депутатовъ и перовъ, государственные сановники и т. п. лица.... однихъ только истинно-государственныхъ людей не найдете вы между ними. Само-собой разумѣется, не то дурно, что въ разныхъ головахъ — разныя мнѣнія и убѣжденія, соотвѣтствующія одни другимъ; но дурно то, что во всѣхъ или почти всѣхъ головахъ чуть ли не всѣ мнѣнія и убѣжденія не только не соотвѣтствуютъ, но большею частію прямо противорѣчатъ одни другимъ... Что крайне-превратны убѣжденія и понятія, большинства даже наобразованнѣйшихъ людей, какъ о ходѣ дѣлъ въ мірѣ вообще, такъ и объ основныхъ условіяхъ государственной жизни и народнаго благосостоянія въ-особенности, то вотъ тому еще одно изъ многихъ и несомнѣнныхъ доказательствъ. Заговорите въ обществѣ людей даже *высоко-образованныхъ* и далеко не чуждыхъ разнымъ администраціямъ о нераціональности и вредности той или другой административной мѣры, о новыхъ тягостяхъ и страданіяхъ отъ нея для народа, о возможности, наконецъ, политическаго кризиса въ государствѣ, гдѣ она приводится въ исполненіе, и вы услышите возраженія въ родѣ слѣдующаго: «Помилуйте! такіе кризисы, или перевороты, въ этой странѣ невозможны: она еще не созрѣла, не доросла до такихъ переворотовъ; — она не Англія, напримѣръ; — народъ ея неразвитъ, безграмотенъ...» и тому подобное. А это значить, конечно, что по понятіямъ такихъ лицъ, политическіе кризисы, крутые перевороты и т. п. возможны *только* въ болѣе или менѣе *просвѣщенныхъ* странахъ! Они и не подозрѣваютъ, кажется, что ни-

когда и никакой народъ не *дорастаетъ* и не *созрываетъ* — умственно и нравственно, конечно, — до крутыхъ и насильственныхъ переворотовъ, и что такіе перевороты и *просвѣщеніе* — непримиримые враги между собою, что въ *необразованныхъ* странахъ несравненно болѣе поводовъ ко всевозможнымъ катастрофамъ и несравненно менѣе, нежели въ *просвѣщенныхъ*, оплотовъ отъ всякаго зла, а въ томъ числѣ и отъ самаго ужаснаго и вреднаго для страны — черезъ-чуръ крутаго политическаго кризиса, или переворота. Они и не подозреваютъ также, что чѣмъ просвѣщеннѣе страна, тѣмъ лучше по-необходимости и администрація ея, тѣмъ болѣе имѣетъ она средствъ для предотвращения всякаго общественнаго зла, зависящаго отъ людей, тѣмъ лучше государственные люди ея сознаютъ какъ зло, такъ и средства для его устранения. Они не подозреваютъ, наконецъ, что потому-то главнымъ образомъ *истинно-государственные* люди содѣйствуютъ *всегда и всѣми силами* своими наукѣ, литературѣ, распространенію грамотности, чтобъ надѣлать отечество свое, а черезъ него и все человѣчество, лучшимъ оплотомъ отъ всевозможныхъ кризисовъ и вообще золь — просвѣщеніемъ. Мятежи, крутые политическіе перевороты и тому подобныя явленія — признаки и спутники не просвѣщенія, а невѣжества; потому и бываютъ революціи чаще въ католическихъ, нежели протестантскихъ странахъ, въ которыхъ болѣе распространена грамотность, чѣмъ въ странахъ католическихъ. Ясно, что лица, столь считающіяся на просвѣщеніе, для *надѣленія* той или другой страны разными крутыми политическими переворотами, или кризисами, судятъ о судьбахъ государствъ и народовъ не по исторіи Франціи и другихъ странъ, а

по одному только *французскому языку*. «Этотъ языкъ, думаютъ они, въ большемъ употребленіи въ высшихъ, — значить, въ образованнѣйшихъ кружкахъ почти всѣхъ странъ: французы говорятъ по-французки, — значить, «они самый образованный народъ; у нихъ очень-часты «революціи, — слѣдовательно: чѣмъ образованнѣе народъ, тѣмъ чаще у него и революціи». Хороша логика! На такомъ основаніи, Германія и Англія далеко не столь грамотныя и просвѣщенныя страны, какъ Франція, *потому-что* французы говорятъ — легко сказать! — по-французски, а нѣмцы или англичане *всего только* по-нѣмецки или по-английски. — Смѣшно, а хочется плакать! — Къ-чему же учились эти лица исторіи, а нѣкоторые изъ нихъ, такъ и статистики, и другимъ наукамъ?! Или неужели правду сказалъ Гегель: «исторія научаетъ насъ, что никто и ничему не научается изъ исторіи?» (*) — Столь-же превратны понятія и о другихъ условіяхъ существованія и *благостоянія государствъ и народовъ*. И это главнѣйшимъ образомъ потому, что нѣтъ въ людяхъ сознанія вѣчныхъ и непреложныхъ, естественныхъ и предначертанныхъ Провидѣніемъ законовъ; нѣтъ такого сознанія и въ большей части передовыхъ людей нашего времени. Вотъ *основная* причина всевозможныхъ превратныхъ и ложныхъ теорій, убѣжденій, понятій, вѣрованій, недобрыхъ чувствъ, нечистыхъ помысловъ и скверныхъ дѣлъ. Не люди дурны: «не вѣдятъ бо что творятъ».... Ходъ дѣлъ въ одной Франціи служить уже несомнѣннымъ доказательствомъ, что штыки и пушки и тому по-

(*) Aus der Geschichte lernt man, daß Niemand aus der Geschichte etwas lernt.

добныя мѣры не могутъ быть дѣйствительнымъ и законнымъ средствомъ для борьбы съ такими теоріями, убѣжденіями и ихъ послѣдствіями. Единственно вѣрныя и дѣйствительныя средства для такой борьбы заключаются въ сознаніи и преподаваніи непреложныхъ и вѣчныхъ законовъ, начертанныхъ не волей человѣческой, а той, которая создала и человѣчество, и вселенную. Все лучшее изъ умственного достоянія человѣчества подтверждаетъ эти послѣднія слова наши, благороднѣйшія чувства и чистѣйшіе помыслы и вѣрованія людей вторятъ имъ; исторія, статистика, политическая экономія, мораль и другія науки подтверждаютъ ихъ на каждомъ шагѣ. Только такое сознаніе можетъ довести большинство людей до убѣжденія, что нѣтъ и не можетъ быть истинныхъ частныхъ интересовъ, которые противорѣчили-бы истиннымъ общимъ, не совпадали съ ними вполне, и на оборотъ, а также, что истинные общіе интересы не требуютъ никакихъ жертвъ со стороны истинныхъ частныхъ. Кто-же, вникнувъ въ смыслъ и силу этого убѣжденія, не согласится, что оно представляетъ собою неизсякаемый источникъ всевозможныхъ благъ для человѣчества?...

Не природой придуманы тѣ страданія, которыя почти повсюду отравляютъ жизнь человѣчества. Не она создала матерей, отказывающихся отъ дѣтей своихъ, и дѣтей, съ нетерпѣніемъ выжидающихъ часа смерти родителей, чтобъ овладѣть ихъ имуществомъ. Не она создала женщинъ, которыя — по ремеслу — принадлежатъ первымъ-встрѣчнымъ мужчинамъ, платящимъ болѣе или менѣе мелкую монету за право обладанія ими на нѣсколько минутъ или часовъ; не она создала и мужчинъ, живущихъ на-счетъ одной или нѣ-

сколькихъ женщинъ. Не ей обязаны и цѣлыя государства, что непроченъ миръ въ нихъ и для нихъ, что граждане встаютъ противъ законныхъ властей, а законныя власти незаконно управляютъ своими подданными... Довольно! Вѣдь все эти и подобныя имъ, ужъ вовсе, кажется, не отрадные явленія, не свидѣтельствуютъ въ пользу цивилизаціи XIX вѣка, и такъ часты и многочисленны въ наше время, что ихъ уже нельзя ни считать, ни называть исключеніями изъ общаго правила; такъ неужели-же они «необходимое зло», въ естественномъ порядкѣ вещей? Неужели все это должно быть *непременно такъ*, какъ есть, и будетъ всегда такъ? — Нѣтъ, не будетъ такъ! Если это уже непременно должно быть такъ, какъ есть; то каждое изъ этихъ золъ будетъ расти съ каждымъ годомъ, и тѣ изъ мерзостей, которыя и въ наше время еще не смѣютъ выказываться вполне, сдѣлаются рано или поздно удѣломъ или правиломъ для всѣхъ. Большаго, тѣло котораго гніетъ, надо лѣчить и лѣчить радикально, а нѣтъ, такъ онъ весь сгніетъ.

Но къ чему такія черныя картины и мысли въ статьѣ о теоріи финансовъ? спросятъ насъ, быть-можетъ, нѣкоторые изъ нашихъ читателей. Вся статья наша должна служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Мы не увлекаемся своимъ предметомъ, не придаемъ ему излишняго значенія и очень хорошо понимаемъ, что не одна финансовая администрація породила все зло, существующее въ мірѣ вообще и въ разныхъ государствахъ въ-особенности; тѣмъ не менѣе мы считаемъ ее, какъ и слѣдуетъ, по нашимъ понятіямъ, одной изъ главныхъ виновницъ его. Мы не теряемъ, впрочемъ, изъ виду, что *основная, главнѣйшая причина* всѣхъ

золь — невѣжество массъ и далеко-не высокое образованіе даже бѣльшей части передовыхъ людей нашего времени. Посмотрите на человѣчество: неужели счастливо оно? Не страждетъ-ли оно во многихъ государствахъ и отъ частаго недостатка въ хлѣбѣ, въ буквальный смыслъ этого слова, и отъ недостатка въ работѣ, отъ ностояннаго изобилія въ недобрыхъ чувствахъ, страстяхъ и стремленіяхъ? А между-тѣмъ, одна Америка была-бы въ состояніи производить хлѣба несравненно болѣе того, сколько требуется для всего человѣчества; а между-тѣмъ *есть* еще надъ чѣмъ поработать въ мірѣ: однѣхъ желѣзныхъ дорогъ нужно еще не мало; а между-тѣмъ все человѣчество, кромѣ немногихъ исключеній, жаждетъ мира, тишины и покоя. Не мѣшайте-же людямъ жить, трудиться, мыслить и любить, — и стоны, жалобы ихъ, крики злобы и мести притихнутъ, и замѣнятся они словами любви и примиренія, благословенія и счастья....

Дѣло каждой общественной науки не только отыскивать и раскрывать извѣстные общественные законы, но и объяснять причины существующихъ золь въ разныхъ государствахъ. Дѣло каждой изъ такихъ наукъ не только доказывать, что нелѣпы и невозможны улучшения въ участи лицъ, народовъ и человѣчества путемъ революцій и вообще насильственныхъ мѣръ, но и указывать на средства къ мирнымъ и законнымъ преобразованіямъ. Наука-же должна объяснять людямъ, что зваливать, на примѣръ, на правительства вину всего, что дурно, верхъ нелѣпости; что правительство есть необходимая и могучая, но не единственная и не всемогущая сила; что оно — лицо юридическое, а не отвлеченное, и что вещественныя и другія силы его обу-

словливаются такими-же силами его подданныхъ. Словомъ, дѣло общественной науки внушать всѣмъ и каждому, раскрытіемъ и толкованіемъ истинъ, уваженіе къ законамъ и всему законному, а, значитъ, и къ законнымъ властямъ; но вмѣстѣ съ этимъ ея-же дѣло доказывать, въ случаѣ надобности, и правительственнымъ лицамъ, что есть законы, которые могущественнѣе всевозможныхъ положительныхъ законовъ и всевозможныхъ административныхъ силъ и мѣръ, законы, нарушать которые безнаказанно нельзя никому, — ни частнымъ лицамъ, ни правительствамъ, ни государствамъ, ни даже человѣчеству.

Но и «наука не должна забывать, какъ говоритъ Рошеръ, что ей нужно много самоотверженія и много смиренія, чтобы добраться до истины» (*), т. е. что и она не неногрѣшима, и часто далеко не обладаетъ въ той степени истиною, какъ это кажется ей. Несомнѣнными доказательствами справедливости этого замѣчанія Рошера служатъ, между прочимъ, какъ та степень развитія, на которой засталъ этотъ геніальный ученый политическую экономію, такъ и та несостоятельность, которою отличается современная теорія финансовъ.

А что наука финансовъ заслуживаетъ общаго вниманія, что дѣло великой важности для человѣчества, чтобы она имѣла всѣ достоинства науки точной и твердой во всѣхъ положеніяхъ, доводахъ и выводахъ своихъ, и чтобы, наконецъ, влияние ея на административно-финансовую практику было рѣшительно и благотворно; то въ этомъ легко убѣдиться, между прочимъ, и изъ слѣдующаго общедоступнаго разчета. Кто хоть мало-

(*) W. Roscher, System der Volkswirtschaftslehre. 1855. 1. Band, a. G.

мальски знакомъ съ политико-экономическими законами и вліяніемъ государственной администраціи на производство, распредѣленіе и потребленіе цѣнностей (предметовъ потребленія), тотъ понимаетъ, что если администрація хороша, то трудъ гражданъ производительнѣе, жизнь легче и дешевле, а дурна, такъ трудъ ихъ менѣе производителенъ, жизнь труднѣе и дороже. Представимъ-же себѣ, что отъ того, хороша или дурна администрація въ странѣ, трудъ каждаго изъ ея гражданъ *больше* или *меньше* производителенъ *только* (!) на 1 коп. въ день, итого, приблизительно, на 3 руб. 60 коп. въ годъ. Ничтожная цифра, по видимому! Но въ странѣ, въ которой десять милліоновъ жителей, производится такимъ образомъ болѣе или менѣе капиталовъ слишкомъ на 36 милліоновъ, а въ десять лѣтъ, не считая процентовъ, на 365 милліоновъ. Это уже огромная и значительная цифра для такой страны! Что же теряетъ отъ дурной администраціи, при такомъ-же *слишкомъ умеренномъ расчетѣ*, государство, въ которомъ не 10, а 30 и болѣе милліоновъ жителей!? Что же теряетъ все человѣчество отъ-того, что *и въ самыхъ образованныхъ и просвѣщенныхъ* странахъ міра администрація уменьшаетъ, стѣсненіями и вообще приемами своими, по-крайней-мѣрѣ на 20, чаще-же на 30, даже на 50 и болѣе процентовъ производительность труда гражданъ!? Отвѣчать на этотъ вопросъ можно только изображеніемъ участи современныхъ поколѣній и состоянія современныхъ государствъ....

О П Е Ч А Т К И.

СТР.	СТРОКА.	НА ПЕЧАТАНО :	Ч И Т А Й :
8	1	<i>спизу</i> : наступательнаго	поступательнаго
14	5	— тяжестей	тягостей
22	3	— общественныхъ	общенародные
29	6	— лучше	лучше этого
31	4	— всѣ	все
48	5	— взваливаютъ	взваливаютъ
53	2	— золь правительствамъ	золь <i>исключительно</i> правительствамъ
54	17	<i>сверху</i> : и причины	причины и
58	15	— Перрьё	Перрьё
69	5	<i>спизу</i> : доказательствамъ	доказательствомъ
75	12	— средство	средства
94	13	— Настанетъ	Настаетъ
177	4	— имъ и право	«и имъ» право
221	9	<i>сверху</i> : жизнь	жизнь вообще